

Серия

2010

ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

Выпуск 4 (4)

Учредитель:

Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Пермский государственный университет»

Серия «Философия. Психология. Социология» издается философско-социологическим факультетом Пермского государственного университета с 2010 г.

Тематика статей серии «Философия. Психология. Социология» отражает научные интересы специалистов в области социально-гуманитарного знания. В публикуемых материалах рассматриваются актуальные проблемы философии, психологии и социологии, обсуждаются результаты эмпирических исследований. Приоритетным правом на публикацию пользуются статьи молодых ученых.

Subjects of articles of a series «Philosophy. Psychology. Sociology» reflect scientific interests of experts in the field of socially-humanitarian knowledge. Actual problems of philosophy, psychology and sociology are considered in published materials. Results of empirical researches are also discussed in the articles. The papers of young scientists use the priority right to the publication.

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору за
соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия
(ПИ № ФС77-39902 от 19 мая 2010 г.)

Территория распространения —
Российская Федерация

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ**

Главный редактор

А.Ю. Внутских, профессор, докт. филос. наук

Заместитель главного редактора

А.Ю. Бергфельд, канд. психол. наук

Редакционный совет:

В.Н. Железняк (профессор, докт. филос. наук, Пермь), *В.В. Ким* (профессор, докт. филос. наук, Екатеринбург), *М.И. Ненашев* (профессор, докт. филос. наук, Киров), *В.В. Орлов* (профессор, докт. филос. наук, Пермь), *С.В. Орлов* (профессор, докт. филос. наук, Санкт-Петербург), *А.В. Перцев* (профессор, докт. филос. наук, Екатеринбург), *Д.И. Широканов* (профессор, докт. филос. наук, акад. Национальной академии наук Беларуси Минск), *В.Д. Балин* (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *А.Г. Исмаилова* (профессор, докт. психол. наук, Пермь), *Е.В. Левченко* (профессор, докт. психол. наук, Пермь), *Н.А. Логинова* (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *И.А. Мироненко* (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *Л.А. Мосунова* (профессор, докт. психол. наук, Киров), *А.О. Прохоров* (профессор, докт. психол. наук, Казань), *Е.Е. Сапогова* (профессор, докт. психол. наук, Тула), *А.Г. Антипов* (профессор, докт. социол. наук, Пермь), *В. Б. Житенев* (профессор, докт. филос. наук, Екатеринбург), *Е.А. Козай* (профессор, докт. филос. наук, Курск), *Г.И. Осадчая* (профессор, докт. социол. наук, Москва), *В.Г. Попов* (профессор, докт. социол. наук, Екатеринбург), *Т.Н. Юдина* (профессор, докт. социол. наук, Москва)

Адрес редакционной коллегии

614990, Пермь, ул. Букирева, 15
Тел. +7(342) 2396-617, +7(342) 239-834
E-mail: abergfeld@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru
Web-site: <http://www.psu.ru/>

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

Особенности системы категорий философии Г.В.Ф. Гегеля <i>В.В. Орлов</i>	4	Peculiarities of categorial system in Hegelian philosophy <i>V. V. Orlov</i>
Проблема труда в классической политэкономии <i>В.С. Гриценко</i>	13	The problem of labour in the classical politic economy <i>V.S. Gritsenko</i>
Представление и настроение у Дильтея <i>Я. Лозар</i>	24	Representation and attunement in Dilthey <i>J. Lozar</i>

ПСИХОЛОГИЯ

Психологическая интроспекция в XXI веке: исторические тенденции и феномены методологии <i>С.В. Вайнштейн</i>	31	Psychological introspection in 21st century: Historical tendencies and methodological phenomena <i>S.V. Weinstein</i>
Дискуссия о «гносеологических ограничениях» рефлексии <i>Д.Г. Трунов</i>	40	The debate about the “gnoseological restrictions” of reflection <i>D.G. Trunov</i>
Об измерении черт личности посредством времени реакции (часть II: результаты исследования) <i>С.А. Щебетенко, С.В. Вайнштейн</i>	52	On the measurement of personality traits by means of reaction times (Part II: Results of a study) <i>S.A. Shchebetenko, S.V. Weinstein</i>
Возможности применения программы «ТАКТ» для анализа методологических историко-психологических текстов <i>Т.А. Иванова</i>	73	The possibility of using the TACT program for the analysis of methodological historical and psychological texts <i>T.A. Ivanova</i>
Особенности познания индивидуальности незнакомого человека у лиц социномических профессий <i>С.Ю. Жданова, Л.З. Зарипова</i>	92	Features of cognition of individuality of an unfamiliar man by people of social professions <i>S.U. Zhdanova, L.Z. Zaripova</i>

СОЦИОЛОГИЯ

Религиозный синкретизм и манифестации духовного в эпоху глобализации <i>И. Шкамперле</i>	105	Religious syncretism and the manifestations of the sacred in an Age of Globalisation <i>I. Skamperle</i>
Динамика развития политической культуры <i>И.Г. Долинина</i>	113	Dynamics of development of political culture <i>I.G. Dolinina</i>
Государство как субъект социально-партнерских отношений регионального уровня (на примере Пермского края) <i>Е.Ю. Подоляк</i>	119	Government as a subject of social partnership relations of regional level (based on an example of Perm region) <i>E.Yu. Podolyak</i>
Социальная активность человека в аспекте гендерных исследований <i>С.С. Гордеева</i>	127	Social activity of human in the aspect of gender studies <i>S.S. Gordeyeva</i>
Социокультурные характеристики профсоюзных лидеров и активистов <i>И.А. Германов</i>	134	Social and cultural characteristics of trade union leaders and activists <i>I.A. Germanov</i>

ФИЛОСОФИЯ

УДК 12(091)

ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМЫ КАТЕГОРИЙ ФИЛОСОФИИ**Г.В.Ф. ГЕГЕЛЯ*****В.В. Орлов***

Пермский государственный университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15
e-mail: vvorlov@psu.ru

Глобальной задачей современной научной философии является построение развернутой, или полной, системы категорий. До настоящего времени научная философия была создана и развивалась в виде интегральной, сжатой системы категорий. В разработке полной системы категорий должен быть учтен опыт системной рефлексии в истории философии. При этом наибольший интерес представляет система категорий Гегеля.

Ключевые слова: система; категории; научность; диалектика; системная рефлексия; начало; круг; программная идея; логика; полная система категорий

Создание развернутой, строго построенной системы категорий является, по нашему мнению, настоящей задачей современной научной философии, которая, как нам представляется, вплотную подошла к решению этой исторической задачи. Каждое философское учение в истории философской мысли представляет собой некоторую систему категорий. Философия мыслит категориями, и всякое оригинальное философское учение составляет ту или иную систему наиболее общих понятий. Философия — наиболее общее учение о мире и человеке. Строже, философия есть учение о всеобщем и бесконечном и, на этой основе о философски понятом особенном и единичном, или *конкретно-всеобщем*, которое мы обозначим B (O, E). Принципиальная формула философского знания: $E — O — B — B (O, E)$.

В силу известных причин, в анализ которых мы сейчас не будем входить, в сильно дегради-

ровавшей философской мысли России интерес к проблеме построения системы категорий фактически исчез. Насколько мы можем судить по доступной нам зарубежной литературе и ее российским обзорам, этот интерес утрачен и в зарубежной философской мысли. Однако развитие общества, переход к новой стадии — постиндустриальному обществу с его заметно повышенным интересом к развитию науки, интеллектуальной культуры, кризис человеческого общества, состояние России, как бывшей сверхдержавы, превратившейся в сырьевой придаток мировой экономики, делают необходимым существенный прорыв авангарда интеллектуальной культуры — научной философии. Этот прорыв включает создание развернутой системы категорий. Научная философия — диалектический и исторический материализм созданы и развивались как принципиально новая философская система, однако она представ-

ляла собой относительно краткую, сжатую, концентрированно сформулированную и изложенную систему категорий. Широко известна оценка, данная В.И. Лениным: «Марх не оставил *«Логики»* (с большой буквы), но «оставил *логику* *«Капитала»* [1].

Марксистская философия относительно своих принципиальных оснований была развернута заметно меньше, чем философия Гегеля относительно ее оснований. Правда, не следует забывать, что научная философия нашла весьма успешное применение и развертку в политической экономии, в создании Марксом *«Капитала»*, представлявшего собой действительно научную теорию капиталистического общества, равную которой политическая экономия не знает.

Очевидно, в настоящее время задача научной философии состоит в разработке *развернутой, или полной, системы категорий*. Добавим мимоходом — несмотря ни на какие малокомпетентные или просто безграмотные нападки прошлых и в особенности последних двух десятилетий на научную философию, следует учесть, конечно, и тот впечатляющий факт, как международная научная и не только научная общественность (включая Папу Бенедикта ХУІ) с уважением вспоминали *«Капитал»* в эпоху нового мирового кризиса.

Хотя каждое философское учение всегда в той или иной мере — развернутая система категорий, системность философских учений становится предметом философской рефлексии по мере развития мыслительной культуры, возникновения и развития науки. Эволюция системности философии, характер и способ построения философских систем в истории философской мысли еще не стали предметом специальных исследований в мировой и отечественной философии, хотя фактически историко-философские исследования в той или иной мере затрагивают проблему системности. Одна из важнейших задач исследований заключается в том, чтобы *восстановить* из содержания раз-

личных философских учений построенную в них систему категорий.

Определение места, роли, содержания всеобщего, особенного и единичного служит ключом к оценке содержания и значения философских систем. Примечательно существенное различие классической философии и неклассических философских течений XIX — XXI вв. в трактовке всеобщего, особенного и единичного (индивидуального). Теоретический и логический смысл последних по сути дела выразил уже С.Кьеркегор, «символ веры» которого выражен в заявлении: «Вас интересуют сущности, а меня — существование».

Особую роль в развитии философии, категориальной рефлексии, как известно, сыграла философия Г.В.Ф.Гегеля. Она представляет собой выдающееся достижение в области системно-категориального творчества. Главным достижением этой философии явилось рациональное зерно его идеалистической диалектики, которое было использовано посредством творческого анализа и переработки Гегелевой философии, при создании научной философии К. Марксом и Ф.Энгельсом. Опыт категориально-системотворчества Гегеля представляет собой большую теоретическую ценность и должен быть использован при построении современной развернутой системы категорий научной философии. Выяснение некоторых важнейших особенностей Гегелевой системы категорий — задача настоящей статьи.

Категориальное кольцо $E — O — B — B (O, E)$ образует наиболее общую основу категориальных систем философии. Однако это категориальное кольцо является абстракцией, не отображающей более глубокий сущностный план философской мысли, выраженный в *основном вопросе философии — об отношении сознания к материи*. Как известно, Ф.Энгельс различал в основном вопросе философии (ОВФ) две стороны: вопрос о том, что первично (главный), и вопрос о познаваемости мира. В XX в. стало ясным, что такое структурирование ОВФ недостаточно полно выражает его смысл, что сде-

лало возможным появление в советской философской науке *гносеологизма*, прямолинейно толковавшего ОВФ как вопрос только об *отношении* сознания к миру, который оказывается предметом не философского, а только конкретнонаучного мышления. Философия превращалась таким образом в *чистую гносеологию*, онтология же объявлялась своего рода пережитком прошлого. С нашей точки зрения, в ОВФ необходимо выделить три уровня [2]. Первый включает две стороны, сформулированные Энгельсом. Второй уровень составлен тремя *сущностными* вопросами: о *сущности мира*, *сущности сознания* и *сущности* отношения сознания к материи. ОВФ есть вопрос о сущностях, *сущностный вопрос*, вопрос о трех сущностях. В этом состоит главный смысл ОВФ, без которого он превращается в феноменологическую пустышку. Третьей стороной ОВФ выступает вопрос о *сущности мира*, *сущности человека*, *перспективах и смысле его* существования. В своей общей формулировке ОВФ включает человека в разделенном, фрагментированном виде (сознание). Однако в важнейший вопрос философии человек включен также в целостном виде в качестве одного из необходимых уровней.

Понятия материи и сознания и связанные с ними ряды понятий образуют *основную категориальную структуру* философского мышления. Точнее, в основе системы категорий философии лежат две структуры, образованные (1)противоположными категориями материи и сознания и (3) логическим кольцом $E — O — B — B (O, E)$. Эти структуры находятся в глубокой взаимосвязи и взаимозависимости, получая всестороннее развитие только в рамках предельно реалистической философии диалектического материализма.

В домарксистской философии категориальный круг $E — O — B — B (O, E)$ наиболее содержательную разработку получил в философии Г.В.Ф.Гегеля. При этом указанная логическая конструкция заметно довлеет над более важной категориальной структурой, хотя в ко-

нечном счете оказывается подчиненной логике схемы категорий объективного идеализма. Гегель изображает логику категорий так, как будто логика тройки категорий $B — O — E$ может иметь смысл лишь как выражение идеальной (логическая идея) природы мира, абсолюта. Исходная объективно-идеалистическая основа философии Гегеля привела к деформации диалектики этих категорий. Как показано К.Марксом в «Святом семействе», вся Гегелева система категорий построена на позиции, которую Маркс определяет как «тайну спекулятивной конструкции»: всеобщее порождает все сущее, все особенное и единичное.

В истории философской мысли системная рефлексия осуществлялась в измерениях обеих категориальных структур. До Маркса системная идея получила наивысшую разработку в философии Гегеля. Гегель определял философию как учение о категориях. Он отметил достижение Аристотеля, впервые давшего *перечень* категорий, и Канта, которому принадлежит заслуга *классификации* категорий. Отмеченные им этапы философского развития являются важными вехами системного движения, однако Гегель не затронул более глубокие стороны системного движения. Философское наследие Аристотеля выходит далеко за рамки выделения десятка — полутора десятков категорий (куда к тому же не вошли, например, важные категории бога и формы). Аристотель создал оригинальную философскую систему, категориальный состав которой требует основательного анализа. Точно так же философия Канта представляет собой нечто большее, чем классификацию двенадцати категорий. В сущности, Гегель подметил лишь непосредственную сторону категориальной рефлексии двух известных философов, представляющую несомненный интерес, но лишь приоткрывшую процесс системной рефлексии в истории мысли.

Зарождение и развитие буржуазной общественно-экономической формации, начиная с эпохи Возрождения, приводит к формированию

нового мировоззрения, включая более реалистическую философию. Новый способ человеческого существования был основан на более развитой форме труда, роль которого начинает все более осознаваться, и достижениях естествознания. Если прежние способы производства базировались на производственном опыте, то капиталистический способ производства нуждался в достижениях науки, которая постепенно становилась «непосредственной производительной силой» общества (К.Маркс). Новый способ человеческого существования вызвал к жизни науку — естествознание, политическую экономию, технические и другие науки. Закономерным следствием глубоких изменений в материальной основе человеческой жизни явилось возрождение и развитие материалистической философии, которая в XVIII — XIX вв. явно послужила наиболее значительным достижением философской мысли. Английский материализм (Ф.Бэкон, Т.Гоббс, Д.Локк) стоял у истоков современной науки. Большой вклад в развитие науки внес дуалист Р.Декарт, разработавший основы дедуктивного метода и способствовавший формированию реалистического, в конечном счете — материалистического, подхода к научному познанию. В научном и философском мышлении начинает все более заметно формироваться требование, которое в языке последующих веков получило определение *научности*.

Развитие материального производства, связанного с прогрессом системы классической науки, оказало революционное влияние на развитие философской мысли. В силу известных социальных условий, уровня развития становящегося естествознания, особенностей философской мысли, при определенном росте имплицитного рационального (научного) содержания материалистическая философия XVIII — XIX вв. еще не могла получить научного характера. Требование научности получает в материалистической философии нового времени вид требования подхода к миру, общественной жизни с позиций «здравого смысла». Согласно

французским материалистам XVIII в., идеологически подготовившим Великую Французскую буржуазную революцию, все в обществе, начиная с общественных порядков, кончая самой философией, должно было подвергнуться беспощадному критическому анализу с позиций *здравого смысла*.

Понятие науки, хотя еще не в форме слова «научность», впервые было применено к философии И.Кантом («Пролегомены ко всякой будущей метафизике могущей возникнуть в качестве науки», 1783). Научная философия, в понимании Канта, могла выступать лишь как *трансцендентальный идеализм*. Кант отверг возможность как трансцендентной философии, отображающей действительную объективную природу мира, так и «грезящего идеализма», субъективного идеализма. Более развернутую концепцию научной философии, в чем-то уступавшую кантовской (полное исключение материализма), но, безусловно, превосходившую философию предшественника глубоко разработанной системой диалектического объективного идеализма, создал Г.В.Ф.Гегель. Он утверждал, что новой философией великого народа, пребывающего в настоящее время без своей философии, должна стать научная философия, основанная на ряде исходных принципов.

Новая философия должна стать *научной*, что означает — *разумной*, в отличие от прежней *рассудочной*. Это значит, прежде всего, что она должна мыслить *бесконечное*. Наукой может стать только философия, обладающая *интеллектуальной мощью*, способной схватывать бесконечное. Но бесконечным, утверждал Гегель, может быть только мысль. «Мышление по своей сущности в себе бесконечно», «не имеет, следовательно, предела в себе [3]. Философия, следовательно, может быть только *идеализмом*. «Всякая философия есть по своему существу идеализм» [4]. «Гегель, — отметил В.И. Ленин, — серьезно «верил», думал, что материализм как философия невозможен, ибо философия есть наука о мышлении, об *общем*, а общее есть мысль» [5].

Философия — это *новая логика*. Известная логика, так называемая формальная, которую интересовала только форма мысли, изжила себя и даже стала «предметом презрения». Новая философия должна стать *содержательной логикой*, в которой форма и содержание совпадают. Содержательная логика — это *диалектическая логика*. Диалектика «имеет силу во всех отдельных областях и образованиях природного и духовного мира»[6]. Диалектика противостоит догматизму и софистике. Она суть положительное, а не негативное мышление. Диалектика — мышление посредством отрицания отрицания, как единство трех сторон: *а) абстрактной, или рассудочной, в) диалектической, или отрицательно-разумной, с) спекулятивной, или положительно-разумной*[7]. Она есть *мышление противоречиями*. «Противоречие — вот то, что на деле движет миром, и смешно говорить, что противоречие нельзя мыслить»[8].

Философия есть учение о категориях и должна представлять собой *систему*. «Философствование *без системы* не может иметь в себе ничего научного; помимо того, что такое философствование само по себе выражает скорее субъективное умонастроение, оно еще и случайно по своему содержанию»[9]. Весьма важной проблемой системотворчества выступает принцип *целостности*: какой должна быть эта целостность? Мы видели в XX веке многочисленные варианты построения различных систем в философии, математике, метеорологии, экономике и других областях науки. Однако принципу целостности, по нашему впечатлению, в них уделялось недостаточно внимания. По Гегелю, система категорий должна представлять собой целое, которое есть *круг*, состоящий из множества *частных кругов*. Проблема целостности системы как неперемное условие *научности философии* впервые в истории философии было с такой ясностью поставлена Гегелем. Немецкий философ предпринял интереснейшую попытку определить сущность, принцип этой целостности. Несомненно, что и все предшествовавшие ему философы считали

свои философские воззрения целостными и непротиворечивыми, однако Гегель впервые придал мысли о целостности определенный и по своему точный характер. В этом нашел свое выражение высокий уровень философской саморефлексии великого мыслителя.

Первый «круг» в Гегелевой системе составлен категориями *Логика, Природа, Дух*. Их категориальный смысл выражен формулой $B — O — E$. Каждый из «кругов» в свою очередь представляет иерархию все более частных «кругов». Так, *Логика* включает «круг»: *бытие — сущность — понятие*. Они в свою очередь образуют иерархию 4 уровней все более малых кругов. *Всемирная история* составляет в философии *Духа* «круг» четвертого уровня (в «Философии духа» «Энциклопедии философских наук»).

Впечатляющим достижением философии Гегеля служит постановка проблемы «начала», выступающей в форме *парадокса начала*. После парадоксальной интерпретации «начала» скептиками эта проблема впервые за два тысячелетия ясно сформулирована немецким философом, что также ставит его философию выше предшествующих философских учений. По Гегелю, вопрос *с чего следует начинать науку*, изложение философии, приводит к парадоксу начала. Смысл проблемы начала системы категорий заключается в том, что начальная категория должна быть простой и в то же время имплицитно настолько сложной, чтобы из нее можно было вывести, развить целостную и содержательную систему категорий. Начало может быть *непосредственным*, т.е. собственно началом — но тогда оно случайно и не может служить началом такой системы, либо *опосредствованным*, т.е. отобранным с учетом искомого результата — но тогда оно не является началом.

В учении о понятии Гегель несколько иначе формулирует проблему начала — как проблему *определенности — неопределенности*: если начало неопределенно, из него нельзя вывести содержательную, определенную, систему кате-

гории; если начало определено, то оно не может служить началом. Два указанных подхода в принципе совпадают по смыслу. Найденный философом выход из парадокса связан с убеждением, что начало системы должно быть абсолютным, но в то же время быть единством непосредственного и опосредованного, неопределенности и определенности. «*Нет* ничего ни на небе, ни в природе, ни в духе, ни где бы то ни было, что не содержало бы в такой же мере непосредственности, в какой и опосредствование»[10]. Таким началом у Гегеля, как известно, служило понятие *чистого бытия, бытия без всякого определения*.

Решение этого парадокса понятием начала как единства непосредственного и опосредованного, определенного и неопределенного было значительным интеллектуальным шагом вперед и в то же время содержало зерно конечной неудачи великой философской системы. Известно, какое большое интеллектуальное значение имело Гегелева постановка и попытка решения проблемы начала для построения «Капитала» К.Маркса.

Построение своей системы Гегель предвзряет изложением идеи отрицания отрицания, как одного из важнейших принципов развертывания системы категорий. Во взглядах философа, таким образом, совмещаются два трудно совместимых понятия: *круга* и *спирали* отрицания отрицания. Смысл идеи круга в философии Гегеля заключается в том, что круг должен иметь *начало* и *конец*, который совпадает с началом, завершая таким образом целое. Однако идея развития, в ее истинном значении, исключала полное совпадение конца и начала, означала признание спирали, в которой «конец» повторял «начало» на новой основе, означал «возврат якобы к старому» и не представлял собой прекращение развития, движения от простого к сложному. Фактически все малые круги в «Логике» Гегеля представляли собой спирали, которые давали начало следующему кругу. Однако главный круг, образующий «Логик» в целом, оказывался полностью завершающим

ее. «Природа» появлялась в философии Гегеля уже не в результате «большого круга» «Логики», а как результат того, что понятие «свободно отпускает из себя» одну из его частей — «объект». Круг, который не имеет тривиального конца, создавал только иллюзию бесконечности. В «Науке логики» Гегель дал блестящий анализ бесконечности, критику «дурной бесконечности», как *отрицания всякой конечности*, которое не выводило мысль за пределы монотонного «зряшного отрицания», обоснование понятия «истинной бесконечности», как *отрицания всякой конечности, включающей в себя все конечное*. Однако в своей системе категорий философ не смог реализовать идею истинной бесконечности. Конечно, круг в известном *тривиальном* смысле «бесконечен», поскольку замкнут и не имеет «конца». Однако *иллюзия* бесконечности круга не может устранить того факта, что содержание круга безусловно конечно. Неизбежная конечность развития заложена в исходном представлении Гегеля о понятии, которое полагается как не возникающее, а всегда присутствующее и лишь изменяющееся по форме. В *Бытии* оно присутствует «в-себе», в *Сущности* как «положенное», а в *Понятии* оно «в-себе и у себя».

Гегель явно теряет идею бесконечности и в «Философии природы», поскольку рассматривает ее как имеющую начало — *механизм* и конец — *телеологию*. Конечно, здесь сказывается и ограниченность естествознания его времени. Однако тот же примерно уровень естествознания позволил Энгельсу высказать мысль о том, что гипотетической кантовской туманности должен был предшествовать «бесконечный ряд других форм», т.е. мысль о бесконечности природы.

Философия Гегеля, таким образом, в конечном счете приходит к отрицанию бесконечного развития, ей недостает той «мощи интеллекта», которая, по его собственным словам, необходима, чтобы мыслить бесконечное. Такой мощью могла обладать только философия, в основу которой не положено *непреходимое ограни-*

чение, заложенное в главной предпосылке философа, согласно которой *только мысль обладает бесконечностью*. Мысль как таковая, сама по себе, обнаруживает явную конечность ее форм. Характерно, что все описания Гегелем уровней развития моментов идеи укладываются у него в определения «рассудочное» — «разумное». Бесконечным является только материальный мир, материя как субстанция, *causa sui*. Человеческая мысль способна схватывать бесконечное только в виде содержания, которое заимствуется мыслью из «своего другого» — материального мира. Бесконечность мысли — *заимствованная*, взятая из бесконечного материального мира. Мысль, наука, включая философию, могут бесконечно развиваться в форме понятий, которые будут бесконечно усложняться и обогащаться по своему содержанию и форме, однако бесконечное приходит в мысль не из ее понятийной формы, а из внешнего мира. Способность человеческой мысли выражать в понятиях бесконечно новое содержание обусловлена универсальной природой мысли как свойства человека, высшей формы материи, возникающей в результате бесконечного единого закономерного мирового процесса.

Ключевым моментом системы категорий Гегеля, на что, по нашему мнению, обычно не обращают внимание систематизаторы категорий, выступает *генеральная*, или *программная*, *идея* системы, выражающая смысл, программу всей философской системы. У Гегеля такой программной идеей выступает понятие абсолютной *идеи* как идеи *истины* и *добра*, или *блага*. По замыслу Гегеля, система категорий философии должна выразить истину и добро, или благо, в мире, абсолюте, боге. Философ строит свою систему категорий как конструкцию, выражающую диалектическое движение мира, абсолюта, бога к истине и добру, благу. Гегель пытался показать, что это движение бесконечно, и в то же время абсолютная истина «не ждет, когда мы придем», она существует *здесь и сейчас*. Абсолютная истина есть беско-

нечный процесс и в то же время она уже достигнута.

В философии Гегеля каждая категория диалектически *выводится* из предыдущей, в конечном счете или в идеале, из всей предшествующей последовательности категорий. Гегелева система категорий строилась так, что каждая категория занимала строго определенное место в системе, выводилась из предшествующих, в конечном счете из начальной, служила необходимым звеном для выведения последующих. Именно таков был замысел великого философа, который во многом был осуществлен.

Способ такого выведения является замечательным интеллектуальным приобретением того нового «типа интеллекта», каким служит философия великого мыслителя. История философии может рассматриваться как история интеллекта, составленная исторической последовательностью «типов интеллекта». Одним из наиболее крупных типов интеллекта выступает философия Гегеля [11]. Процесс выведения новой категории включал два момента: сохранение определенного содержания предшествующей категории, в конечном счете всех предшествующих категорий, и введение нового содержания. Новое содержание должно было «логически вытекать» из предшествующего и в то же время быть богаче, сложнее его. Достоинства и недостатки Гегелевой философии коренились в этом способе выведения категорий. Процесс выведения категорий представлял собой фактически процесс развития, воплощал в себе Гегелево понимание развития как возникновения высшего из низшего, роста богатства содержания. Рождение новых категорий из наличных «практически» воплощал постоянное разрешение *парадокса развития*, *парадокса возникновения* — главного, по нашему мнению, парадокса, с которым встречается теория развития, диалектика. Гегель нигде не формулирует этого парадокса, хотя весь процесс построения системы категорий представлял собой фактическое разрешение этого парадокса. В целом философ-

ская система категорий была построена на содержательных смысловых связях, однако она таила и значительную долю искусственности, натяжек, иногда чисто словесных ассоциаций. Так, превращение «для-себя-бытия», как *одного*, во *многое* заключал явную натяжку, хотя и имело определенный смысл. Натяжкой являлся переход от «объекта», как одного из определенных понятия, к «природе». В основе этих натяжек лежала заранее положенная в основу системы категорий «программная идея», которая и заставляла прибегать к одной натяжке за другой. Гегелю необходимо было «сконструировать» мир как мысль, логическую конструкцию.

В культуре выведения категорий заключалось едва ли не главное приобретение Гегелевой философии, мировой философии в целом. Исследование способов такого выведения служит одним из важнейших путей использования наследия великой философии, построения научной системы категорий. Сложившееся в современной мировой и отечественной философии положение таково, что опыт философии Гегеля, как и несомненные достижения советской философии, отодвинуты далеко на задний план, по крайней мере в «официально ориентированной» российской философии, что соответственно отодвинуло и создание развернутой системы категорий научной философии.

С появлением в XIX — XX вв. неклассической философии — позитивизма, махизма, нео- и постпозитивизма, экзистенциализма, постмодернизма проблема разработки системы категорий вообще исчезла с горизонта философских устремлений. Особо впечатляет цель постмодернизма — *деконструкции* философских систем прошлого. Впрочем, если подойти с широких исторических позиций, не означает ли такой поворот некую, словами Гегеля, «хитрость понятия», хитрость мысли: «отойти, чтобы дальше прыгнуть»? Представляется, *это так и есть*. Пойдем дальше и, может быть, в какой-то мере ускорим этот процесс.

Весьма важной особенностью Гегелевой системы категорий является ее своеобразная *саморефлексия*, по существу первая в истории философской мысли попытка самообъяснения системы категорий: система такова потому, что таков реальный, с точки зрения Гегеля, процесс развития абсолютной идеи. *Логическое совпадает с историческим*: процесс реального развития логической идеи воспроизводится на ступени «Философия» «Абсолютного духа» в виде философского учения Гегеля. Философия Гегеля такова потому, что таков реальный, в понимании Гегеля, процесс развития абсолютной идеи. Такой самообъяснимостью (оказавшейся в конце концов построенной на ошибочной основе, но содержавшей рациональное диалектическое зерно) не обладала ни одна из предшествовавших философских систем. Так, философия Канта, основанная на дуализме и агностицизме, исходившая из признания непознаваемой *вещи-в-себе*, полностью исключала возможность своего объяснения, поскольку идея априорных форм созерцания, рассудка и разума закрывала дорогу к объяснению возникновения самих априорных форм. Философия Канта — тупиковое направление философской мысли, она плотно «зацементирована» от объективного мира. Гегель справедливо оценил ее как «философию химер». Такое тупиковое наследие философии Канта, с некоторыми отступлениями и поправками, вошло в неклассическую философию XIX — XX вв. Заметим, однако, что тупиковый характер «фундаментальных слоев» неклассических течений философии не исключает определенного реалистического содержания в сфере относительно частных уровней философской мысли (анализ отчужденных форм человеческого существования в современном обществе, кризиса современной цивилизации и др.).

Список литературы

1. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.29.С. 301.
2. См.: Орлов В.В. Основы философии. Ч.1. Общая философия. Вып.1. Пермь, ПГУ. 1997, 2001, 2006.
3. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.1. М. С.135.

4. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Т.1. М.,1979. С.221.
 5. Ленин В.И. Полн. собр. соч.Т.29. С.250.
 6. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.1.М. С.208.
 7. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.1.М. С.201.
 8. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.1.М. С. 280.
 9. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.1.М. С.100.
 10. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Т.1. М.,1970. С.124.
 11. См.: В.В.Орлов. История человеческого интеллекта. Пермь, ПГУ. 1998, 2007.
-

PECULARITIES OF CATEGORIAL SYSTEM IN HEGELIAN PHILOSOPHY

V.V. Orlov

Perm State University,15, Bukirev str., Perm, 614990

The significant aim of the contemporary scientific philosophy is the creation of diverse and complete system of categories. Until now the scientific philosophy has been developing as an integrative and concise system of categories. While working on the complete system we should consider the experience of the systematic reflection in the history of philosophy. The most interesting in this case is the Hegelian system of categories.

Key words: system; categories; science; dialectics; systematic reflection; beginning; circle; program idea; logic; complete system of categories

УДК 331.101/.102+316.334.22

ПРОБЛЕМА ТРУДА В КЛАССИЧЕСКОЙ ПОЛИТЭКОНОМИИ**В.С. Гриценко**

Пермский государственный университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15
e-mail: gritsenkovs89@mail.ru

Проблема труда является центральной для классической политэкономии. А. Смит первый выделил труд как субстанцию стоимости, определил понятия важнейших экономических категорий (потребительной и меновой стоимости, «естественной», «действительной» и «номинальной» цены) и экономических законов. Раскрыта двойственность методологии А. Смита, породившая «аналитическую» и «описательную» тенденции развития экономической теории.

Ключевые слова: трудовая теория стоимости; труд; товар; экономические законы; рынок; роль государства в экономике

Труд есть важнейшая, всеобщая, сущностная сила человека. Собственно человеческий способ существования — *производство самого себя*. Это понятие конкретизируется понятием труда. По определению Ф. Энгельса, *труд* — это «первое основное условие всей человеческой жизни, и притом в такой степени, что мы в известном смысле можем сказать: труд создал самого человека» [12. С. 486].

Проблема труда интересовала человечество с древнейших времен. Так, уже в мифе содержатся первые представления о труде. Однако материальный труд предстал как основа общества и источник всего общественного богатства только в трудах английской классической школы политэкономии. Классики предприняли первую попытку представить сложный многообразный экономический мир как целостную систему, поэтому политэкономия как наука начинается с их работ.

Первый представитель английской классической политэкономии У. Петти в своих работах рассмотрел, какие факторы участвуют в производстве продукции и создании богатства.

Петти выделяет четыре фактора, из них первые два (земля и труд) основные: «труд есть отец богатства, природа — его мать». Он считает, что «оценку всех предметов следовало бы привести к двум естественным знаменателям — к земле и к труду; т.е. нам следовало бы говорить: стоимость корабля или сюртука равна стоимости такого-то и такого-то количества земли, такого-то и такого-то количества труда, потому что ведь оба — и корабль, и сюртук — произведены землей и человеческим трудом» [8. С. 33]. Два других фактора, участвующих в создании продукта, не основные: это квалификация работника и средства его труда — орудия и материалы. Эти факторы делают труд производительным, но они не могут существовать самостоятельно, без труда и земли. Таким образом, Петти, рассматривая два мерила стоимости (труд и землю), еще не делал различие между потребительной и меновой стоимостью, поскольку не был свободен от меркантилистских взглядов, кое-где называя деньги мерилom стоимости.

Создатель трудовой теории стоимости А. Смит в своей работе «Исследование о природе и причинах богатства народов» обосновал догадки Петти в виде развернутой концепции. «Преодолев отраслевую ограниченность своих предшественников, Смит превратил политическую экономию в подлинно общественную науку, оказывающую самое непосредственное воздействие на современную экономическую мысль, так и на хозяйственную практику наших дней» [2. С.10]. Ученый Смит выдвинул категорию стоимости, определяемой трудом, затраченным на производство товаров. Он первым показал, что общественное богатство, общественная жизнь в целом обуславливаются не каким-либо конкретным видом труда, а материальным трудом вообще. «...Труд является единственным всеобщим, равно как и единственным точным мерилем стоимости, или единственной мерой, посредством которой мы можем сравнивать между собою стоимости различных товаров во все времена и во всех местах» [10. С.94].

Теория Смита сложилась во второй половине XVIII в. В исторических условиях мануфактурного капитализма разделение труда являлось главным фактором роста его производительности и важнейшей предпосылкой последующего перехода к машинному типу производства. «Исследование о природе и причинах богатства народов» фактически начинается со ставшего классическим описания мануфактурного производства английских булавок, разделенного приблизительно на 18 самостоятельных операций, что увеличило производительность в сотни раз. Смит отмечает, что «величайший прогресс в развитии производительной силы труда и значительная доля искусства, умения и сообразительности, с какими он направляется и прилагается, явились, по видимому, следствием разделения труда» [10. С.69]. Характерно, что таким образом Смит отводит основную роль не механической, а социальной производительной силе.

Увеличение выработки при разделении труда зависит, по Смицу, от трех условий: во-первых, от увеличения ловкости каждого отдельного рабочего; во-вторых, от сбережения времени, которое обыкновенно теряется при переходе от одного вида труда к другому; в-третьих, от изобретения большого количества машин, облегчающих и сокращающих труд и позволяющих одному человеку выполнять работу нескольких. Особое внимание Смит обращал на обучение как на значительный фактор увеличения производительности. «...Адам Смит гораздо яснее понимал чрезвычайную важность человеческих знаний и ноу-хау для производственного процесса, чем современные экономисты... Экономическое развитие — это ... в значительной мере процесс обучения» [4. С.920].

Смит рассматривает разделение труда в двух планах: как порождение преимуществ производства, основанного на таком разделении, и как следствие склонности человеческой природы к торговле и обмену. «...Методологически это разные трактовки: если первая позиция Смита ищет причину разделения труда в тех положительных изменениях, которые оно вызывает в процессе производства *потребительных стоимостей*, то вторая обращается к товарным, рыночным, следовательно, *стоимостным* аспектам проблемы» [2. С.15].

Однако Смит оценивает разделение труда не только положительно. Поскольку теперь занятие основной массы народа, живущей своим трудом, сводится к одной — двум простым операциям, люди, не имея возможности развивать никакие другие способности, превращаются в тупых и невежественных. Хотя это наносит огромный вред здоровью нации, а значит, и ее экономической и военной мощи, «в каждом развитом цивилизованном обществе в такое именно состояние должны неизбежно впасть трудящиеся бедняки, т.е. главная масса народа, если только правительство не прилагает усилий для предотвращения этого» [10. С.722]. Таким

образом, Смит видит здесь ограниченность рыночного механизма, что требует обязательного вмешательства государства.

Теоретическая «находка» Смита — разделение труда как один из основных факторов повышения его производительности. Причины неравномерности развития регионов и стран, отставания сельского хозяйства от промышленности он объясняет разной степенью развитости разделения труда, во многом определяемой емкостью рынка.

Исследуя труд с точки зрения его общественного разделения, Смит выделяет общественную целостность труда в отличие от его отраслевой специфики, отраженной во взглядах меркантилистов (труд в торговле и сфере добычи благородных металлов) и физиократов (сельскохозяйственный труд). Труд выступает у него источником стоимости в любой отрасли материального производства. Поэтому и политическая экономия, по Смицу, — наука об экономике общества, народном хозяйстве в целом.

С этих позиций «политическая экономия, рассматриваемая как отрасль знания, необходимая государственному деятелю или законодателю, ставит себе две различные задачи: обеспечить народу обильный доход или средства существования, а точнее, обеспечить ему возможность добывать себе их; во-вторых, доставить государству или обществу доход, достаточный для общественных потребностей. Она ставит себе целью обогащение как народа, так и государя» [2. С.29]. Эта мысль позволяет утверждать, что Смит вовсе не отказывался полностью от роли государства в экономике.

Исходя из понимания общества как менового союза, в котором люди обмениваются результатами труда, Смит называл труд мерой товарного обмена и источником богатства народа. Последнее определяется численностью занятых в сфере производства и производительностью их труда, зависящей от разделения.

«Смит одновременно применял два различных метода исследования: описательный и аб-

страктный... При рассмотрении каждой экономической проблемы он получал, как правило, две (а иногда и больше) различные и противоречащие друг другу теоретические трактовки... Различие между ними состояло, как правило, в том, что одни из них выражали сущностные стороны явлений, в то время как другие — фиксировали противоречащие им внешние, обманчивые формы» [2. С.19]. По словам В.С. Афанасьева, противоречивость теории Смита проистекает из противоречивости самих экономических явлений, несовпадения их формы с содержанием, а также из-за противоречивости метода его исследования. Смит правильно описывал и форму, и содержание экономических явлений, но не мог определить их соотношения, ставя, таким образом, перед наукой серьезные теоретические проблемы. Противоречия теории Смита — это продуктивные противоречия, стимулировавшие развитие классического и неклассического направления экономической науки. Отрицательным моментом можно считать смешивание результатов применения обоих методов — сущность и явление у Смита оказались в итоге однопорядковыми, двойственность метода определила двойственность всей системы, состоящей фактически из описательного и аналитического блоков. В.С. Афанасьев, вслед за М. Дроббом, выделяет «две совершенно различных и соперничающих в экономической мысли XIX в. традиции, объясняющие порядок и способ детерминации феноменов обмена и распределения», восходящих к теории Смита. Ядром первой традиции послужила теория естественных цен на основе издержек производства; эта теория разрабатывалась Сениором, Миллем, Джевонсом, Маршаллом, Вальрасом, Самуэльсоном, Эрроу и Дебре. Вторая базируется на представлениях Смита о взаимозависимости цен конечных благ и доходов общественных классов, формирующих издержки производства этих благ; ее продолжили Риккардо, Маркс, Сраффа, Кейнс и их последователи. «Как и во многих других про-

цессах развития экономической мысли, в качестве решающего фактора размежевания данных тенденций выступила идеологическая борьба между трудом и капиталом» [2. С.22]. В методологическом плане борьба двух тенденций экономической мысли — это борьба между сущностью и явлением, внутренними закономерностями и внешними формами.

Двойственность метода Смита может быть рассмотрена конкретнее при учете той ключевой роли, которую Смит отводил труду. Посредством труда люди получают необходимые им для жизни продукты и удобства. Труд является также источником стоимости этих продуктов. Коренная специфика экономических явлений, по Смицу, состоит в том, что они представляют собой различные выражения труда, а значит и рассматривать их нужно через призму отношения к труду. Однако Смит не дошел до открытия двойственной природы труда, его разделения на конкретный (создающий потребительную стоимость) и абстрактный (создающий стоимость и определяющийся общественно-необходимым рабочим временем). Поэтому путаница между описательным и аналитическим блоками его теории В.С. Афанасьевым объясняется как путаница в итогах фактического исследования соответственно конкретного и абстрактного труда. Это может быть проиллюстрировано, в частности, рассуждением о результате годового труда нации (отождествление стоимостных структур общественного продукта, включающего как стоимость израсходованных на его производство средств производства, так и вновь созданную стоимость, и национального дохода, включающего только вновь созданную стоимость).

Двойственность методологии отразилась и в исходных пунктах анализа Смита: с одной стороны, экономическая жизнь общества определяется трудом и объективными экономическими законами; с другой — «извечной природой» так называемого «экономического человека», преследующего свой узкий частный инте-

рес. С этой позиции Смит изучает психологию хозяйствующих субъектов, что является еще одним важнейшим приобретением его теории. Но он не ставит вопроса о характере общественных отношений как факторе, определяющем эту психологию. Пытаясь объяснить экономическую жизнь исходя из первого пункта анализа, Смит продвинул далеко вперед представление классической школы об экономических законах. Если Петти трактовал их как «законы природы», то Смит выявил их специфику через принадлежность к сугубо общественным явлениям, действующим объективно, независимо от воли и сознания хозяйствующих субъектов. Смит также указал на возможность их познания и целесообразного использования (например, в рассуждении о предмете политэкономии). Однако он был далек от понимания исторически преходящего характера многих законов.

Используя двойственный метод, Смит разработал фактически *две различные трудовые теории стоимости*. В *первой* стоимость товара определяется количеством труда, необходимого для его производства (*затраченным трудом*); в *другой* — количеством труда, как живого, так и овеществленного, которое можно купить на данный товар (*покупаемым трудом*). Анализируя обе концепции, В.С. Афанасьев делает вывод, что Смит отождествляет стоимость и меновую стоимость товара, а это не приводит к противоречию, только если имеет место эквивалентный обмен. В действительности эти точки зрения существенно различаются: если в качестве покупаемого труда взять живой труд, рабочую силу, то ее обмен на капитал, заработную плату является неэквивалентным, поскольку рабочая сила всегда производит стоимость большую, чем ее собственная.

Прежде чем рассматривать обе концепции, необходимо упомянуть о тех разногласиях, которые породила двойственность анализа Смита. Так, М. Блауг и Й. Шумпетер утверждают, что у Смита вообще «не было... трудовой теории ценности» [3. С.35; 11. С.249]. Так, М. Блауг

заявляет, что «в «богатстве народов» не предполагается, что различные факторы производства могут быть редуцированы, сведены к какому-то иному, нежели деньги, общему знаменателю, и, в частности, нет предположения о том, что ценность капитальных благ может быть сведена к прошлым затратам труда на их изготовление» [3. С.35]. В.С. Афанасьев полностью не согласен с этим заявлением. Он полагает, что нерешенность Смитом проблемы редукиции говорит только об относительной неразвитости, в условиях зарождающегося мануфактурного капитализма, его трудовой теории стоимости. Он также указывает, что Смит поставил эту проблему и наметил пути ее решения — в своей догадке о структуре стоимости товара, включающей стоимость средств производства, затраченных на его изготовление; в попытке разделить индивидуальную и общественную стоимость товара. Вместе с тем сам М. Блауг через полторы сотни страниц объясняет доводы своей аргументации: «Сейчас никто не ратует за Адама Смита или Рикардо, но по-прежнему поднимается кровавое давление, как только Маркс становится предметом исследования» [3. С.207]. Й. Шумпетер выдвигает и вовсе самопротиворечивый аргумент: «...Вопреки упору Смита на трудовой фактор, его теорию ценности вовсе нельзя считать трудовой теорией. Тот факт, что первая фраза введения называет весь национальный доход «продуктом труда», нисколько не противоречит этому выводу. Ему приписали трудовую теорию ценности, или, скорее, три несовместимые трудовые теории ценности, тогда как из главы VI совершенно ясно, что *объяснять* товарные цены Смит собирался издержками производства, которые в этой главе он разлагает на заработную плату, прибыль и ренту — «первоначальные источники всякого дохода, равно как и всякой меновой стоимости» [11. С.241-242]. На это В.С. Афанасьев возражает: «Действительно, «весь национальный доход», по Смицу, «продукт труда». Но и составляющие его доходы,

суммой которых Смит пытался *объяснить* цены товаров, также являются продуктами труда. Это и есть второй вариант *трудовой* теории стоимости Смита, получивший глубокую научную критику в трудах Рикардо и Маркса, блестяще развивших первый вариант этой теории» [2. С.36]. Мы присоединяемся к точке зрения В.С. Афанасьева и надеемся, что наш дальнейший анализ теории Смита поможет ее подтвердить.

Трудовая теория стоимости в ее первом варианте (здесь фигурируют затраты труда) может быть резюмирована в трех выдвинутых им категориях: «действительная цена», «естественная цена» и «номинальная цена». Под «действительной» ценой Смит фактически понимал его стоимость, затраты общественно необходимого труда на его производство. «...Труд представляет собой действительное мерило меновой стоимости всех товаров» [10. С.88]. К «действительной» цене товара тяготеют его рыночные цены, зависящие от соотношения его спроса и предложения в условиях «неразвитого», «первобытного» (докапиталистического) общества. «Естественная» цена — это тоже подобный центр притяжения рыночных цен товара, но характерный уже для условий капиталистической экономики. Особенность, которая отличает «естественную» цену от «действительной», состоит, по Смицу, в том, что продажа товара по этой цене дает участвующим в его производстве и доставке лицам доход, соответствующий «средним» или «естественным» нормам, характерным для данного общества или местности. Важное условие возникновения «естественной цены» — «полная свобода» хозяйственной деятельности. «Номинальная» («рыночная», «денежная») цена товара — это собственно денежное выражение цены, колеблющаяся под воздействием спроса и предложения. Называя труд «единственным всеобщим и точным мерилем стоимости», Смит фактически выдвигает категорию стоимости, определяемой

трудом, и, в отличие от Петти, абстрагирует ее от цены.

Смит также ввел в научный оборот категории «потребительная стоимость» и «меновая стоимость» товара для обозначения таких разнопорядковых явлений, как вещественные свойства товара и общественные отношения обмена. «Надо заметить, что слово *стоимость* имеет два различных значения: иногда оно обозначает полезность какого-нибудь предмета, а иногда возможность приобретения других предметов, которую дает обладание данным предметом. Первую можно назвать потребительной стоимостью, вторую — меновой стоимостью» [10. С.87]. Смит вполне определенно указал на то, что не потребительная стоимость товара, а труд, вложенный в его производство, определяет его меновую стоимость. До предела несоответствие меновой и потребительной стоимости доведено в примере с водой и алмазом. Однако, выявив две стороны товара, Смит не вскрыл определяющую их основу — двойственный характер труда, конкретный и абстрактный труд, хотя и «подсказал» своим последователям идею абстрактного труда, объявив источником стоимости не какой-то отдельный, отраслевой вид труда, а труд вообще.

В первом варианте трудовой теории стоимости Смит сделал попытку показать, что стоимость товара определяется не фактически затраченным трудом данного конкретного производителя, не его индивидуальной стоимостью, а общественной стоимостью, т.е. фактически — общественно необходимыми затратами труда. Хотя Смит и не обозначил четко эту категорию, его рассуждения свидетельствуют о таком понимании. «Вполне естественно, что продукт, изготовляемый *обычно* в течение двух дней или двух часов труда, будет иметь вдвое большую стоимость, чем продукт, изготовляемый *обычно* в течение одного дня или одного часа труда» [10. С.103] (курсив мой. — В.Г.). Однако Смит не абсолютизирует это утверждение, а углубляет его через выявление простого

и сложного труда: «Один час какой-нибудь тяжелой работы может заключать в себе больше труда, чем два часа легкой работы; точно так же один час занятия ремеслом, обучение которому потребовало десять лет труда, может содержать в себе больше труда, чем работа в течение месяца в каком-нибудь обычном занятии, не требующем обучения» [10. С.89].

Разграничение индивидуальной и общественной стоимости позволило Смиту раскрыть сущность рыночного механизма принуждения к эффективному ведению хозяйства. Те товаропроизводители, стоимость продукции которых оказывается выше ее единой рыночной цены, несут убытки и разоряются. Те же, стоимость чьих товаров будет ниже общественной, процветают. Таким образом, догадка об общественной стоимости, фактически определяемой общественно необходимым трудом, легла в основу знаменитой концепции «невидимой руки» рынка.

Во *втором варианте трудовой теории стоимости* фигурирует покупаемый труд. «...Стоимость всякого товара для лица, которое обладает им и имеет в виду не использовать его или лично потребить, а обменять на другие предметы, равна количеству труда, которое он может купить на него или получить в свое распоряжение» [10. С.88]. Как показано В.С. Афанасьевым, в этом варианте Смит смешивает стоимость товара с внешней формой ее проявления — меновой стоимостью, т.е. с проявлением стоимости данного товара в количестве потребительной стоимости другого товара, обмениваемого на первый [2. С.41]. Покупаемый труд может быть, во-первых, трудом, овеществленным в покупаемом товаре. И тогда он создает лишь основу для соизмерения стоимостей обмениваемых товаров, а не стоимость продаваемого товара. Во-вторых, он может быть живым трудом, который тоже не является источником стоимости продаваемого товара. Чтобы быть таким источником, этот живой труд должен произвести указанный товар. Однако не-

верное в целом представление о покупаемом труде как источнике стоимости подвело Смита вплотную к еще одному продуктивному противоречию — при обмене товара на труд продавец товара получает в свое распоряжение больше живого труда, чем воплощено в его товаре. Фактически Смит столкнулся с явлением прибавочной стоимости, создаваемой трудом, но не объяснил ее. А это породило еще одно противоречие: между законом эквивалентного обмена товаров в соответствии с количеством овеществленного в них труда (законом стоимости) и процессом самовозрастания капитала (законом прибавочной стоимости). Смит не решил это противоречие превращения эквивалентного обмена в неэквивалентный, а отметил, что при переходе от «первобытного» общества к «современному» закон стоимости нарушается. Этому нарушению соответствует также разделение в «современном» обществе ранее единого дохода производителя на три самостоятельных: заработную плату работника, прибыль капиталиста и ренту земельного собственника. Отсюда Смит делал вывод и об определении стоимости товара суммой этих трех доходов: «Заработная плата, прибыль и рента являются тремя первоначальными источниками всякого дохода, равно как и всякой меновой стоимости» [10. С.107]. Таким образом, Смит высказывает уже вторую версию второго варианта своей трудовой теории, получившую позже название «догмы Смита». В.С. Афанасьев в своем анализе указал на тавтологию, которую содержит «догма» — положение, т.е. стоимость складывается из доходов, а это фактически означает, что стоимость складывается из уже созданной стоимости, к тому же прошедшей фазу распределения. «Догма» неубедительна еще по одной причине — она игнорирует входящую в структуру стоимости амортизацию, хотя, в другом месте, Смит и высказал блестящую догадку о прибыли, или выгоде, получаемой владельцами капитала вследствие, в том числе и перенесения

трудом его работников стоимости средств производства.

Вообще, прибыль предстает у Смита как результат неоплаченного труда работников, «вычет из продукта труда рабочего» как следствие присвоения капиталистом стоимости, созданной рабочим сверх того ее количества, которое возмещает заработную плату или «цену труда» рабочего [2. С.49]. «Лишь только в руках частных лиц начинают накапливаться капиталы, некоторые из них, естественно, стремятся использовать их для того, чтобы занять работой трудолюбивых людей, которых они снабжают материалами и средствами существования в расчете получить выгоду на продаже продуктов их труда или на том, что эти *работники прибавили к стоимости обрабатываемых материалов...* Стоимость, которую рабочие прибавляют к стоимости материалов, распадается сама на две части, из которых одна идет на оплату их заработной платы, а другая — на оплату прибыли их предпринимателя на весь капитал, который он авансировал в виде материалов и заработной платы» [10. С.103 — 104]. Таким образом, Смит фактически подметил феномен прибавочной стоимости, но не объяснил его, как не объяснил и происхождение прибыли на капитал с точки зрения превращения закона стоимости в закон прибавочной стоимости, эквивалентного обмена в неэквивалентный. Во многом отсутствие объяснения продиктовано той путаницей, которая возникает тогда, когда труд считают, как и Смит, товаром.

В.С. Афанасьев указывает, что у Смита имеются три теории земельной ренты [2. С.51]. Не вдаваясь в детали, отметим, что хотя и здесь Смит отводит значительную роль труду, на деле он остается на позиции физиократов, объявляя источником ренты землю и смешивая дифференциальную и абсолютную ренту. «Методологической основой противоречивой трактовки доходов в теории Смита является смешение им двух сторон единого процесса производства товара: процесса создания его потреби-

тельной стоимости с процессом создания его стоимости (прибыли). Между тем в этих двух процессах участвуют различные факторы: если фактором создания стоимости товара выступает только труд товаропроизводителя (в его качестве абстрактного прибавочного труда), то в процессе производства потребительной стоимости товара участвуют три фактора: конкретный труд, средства труда и предметы труда» [2. С.51-52]. Однако, по мнению Й. Шумпетера (и здесь мы снова встречаем противоречие уже упомянутому нами его заявлению, что у Смита не было трудовой теории стоимости), в этой путанице все же явственно просвечивает труд как основной фактор формирования стоимости. «...А. Смит пытался показать, как доли землевладельца и капиталиста «вычитаются» из общего продукта, который «естественно» полностью является продуктом труда. Это, очевидно, указывает на другое концептуальное построение, отводящее роль фактора производства одному лишь труду и исключаящее триаду факторов» [11. С.731; 6. С.389].

Последователь Смита Д. Рикардо оставил наследие не менее значительное, чем основоположник классической системы политэкономии. Однако в нашем исследовании мы сосредоточим внимание лишь на ключевых положениях, продвинувших его теорию дальше теории Смита. Так, Рикардо стремился преодолеть непоследовательность одних положений Смита (например, распространить определение стоимости затратами труда не только на «древнее», но и на «современное» общество), более ясно обозначить другие (например, четко разделить понятия стоимости и потребительной стоимости), дополнить и развить третьи (например, попытка решения проблемы общественно необходимого труда).

Основное внимание Рикардо уделяет категории стоимости, преодоление неопределенности в толковании которой «имеет для политической экономии в высшей степени важное значение». Так, он более четко разграничивает

стоимость и потребительную стоимость товара. «...Полезность не является мерой меновой стоимости, хотя она абсолютно существенна для этой последней» [9. С.82]. Это дает ему возможность решительно встать «на сторону» первого варианта трудовой теории Смита, критикуя второй. «Если меновая стоимость товаров определяется количеством труда, воплощенного в них, то всякое возрастание этого количества должно увеличивать стоимость того товара, на который он затрачивается, а всякое уменьшение — понижать ее».

Но Адам Смит, который так правильно определил коренной источник меновой стоимости, оказался непоследовательным. Вместо того чтобы строго держаться принципа, в силу которого стоимости предметов увеличиваются или уменьшаются в зависимости от увеличения или уменьшения затраченного на них труда, он выдвинул еще одну стандартную меру стоимости и говорит о предметах, стоящих больше или меньше, т.е. на большее или меньшее количество таких стандартных мер они обмениваются. «Иногда он принимает за такую меру хлеб, иногда труд — не количество труда, затраченное на производство того или иного предмета, а то количество его, какое можно купить за этот предмет на рынке, — как будто это равнозначные выражения, как будто рабочий необходимо получит за свой труд вдвое больше прежнего, раз труд его стал вдвое производительнее, и он может поэтому выработать вдвое больше товара... Совершенно правильно прежнее положение Адама Смита о том, что... настоящую или прошедшую относительную стоимость товаров определяет сравнительное количество их, которое производит труд, а не сравнительные количества, которые даются рабочему в обмен на его труд» [9. С.84-87]. Рикардо впервые формулирует и понятие общественно необходимого труда.

Другое уточнение позиции Смита состоит в том, что в стоимости товаров следует учитывать не только затрачиваемый труд непосредст-

венно на их производство, но и овеществленный труд, затраченный прежде на производство средств производства. Об этом гласит само название отдела III главы I «Начало политической экономии...»: «На стоимость товаров влияет не только труд, применяемый непосредственно к ним, но и труд, затраченный на орудия, инструменты и здания, способствующие этому труду» [9. С.90].

Рикардо вносит еще одно уточнение в теорию стоимости Смита, когда говорит, что «товары, обладающие полезностью, черпают свою меновую стоимость из двух источников: своей редкости и количества труда, требующегося для их производства» [9. С.83]. К товарам, стоимость которых определяется редкостью, относятся некоторые редкие статуи и картины, редкие книги, монеты и пр. Может показаться и иногда кажется, например В.Л. Иноземцев [13], что Рикардо возводит редкость в ранг равнозначного труду (или даже единственного) источника стоимости. Однако Рикардо тут же оговаривается: «Но в массе товаров, ежедневно обменивающихся на рынке, такие товары (стоимость которых определяется исключительно их редкостью. — В.Г.) составляют очень незначительную долю. Подавляющее большинство всех благ, являющихся предметом желаний, доставляется трудом» [9. С.83].

Рикардо довольно подробно останавливается на роли новых изобретений, машин, повышения квалификации работников, открытия новых рынков, что увеличивает богатство, или сумму потребительных стоимостей, но не саму стоимость.

Еще одна важная заслуга Рикардо — формулировка принципа, получившего впоследствии название «железного закона» заработной платы. «Когда рыночная цена труда превышает его естественную цену, рабочий достигает цветущего и счастливого положения... Но когда вследствие поощрения к размножению, которое дает высокая заработная плата, число рабочих возрастает, заработная плата опять падает до

своей естественной цены. Она может иногда, в силу реакции, упасть ниже последней» [9. С.130]. Этот аргумент стал основой для дальнейших рассуждений о моральных противоречиях капитализма у К. Маркса, Ф. Лассалья и др.

Как известно, камень преткновения теории Рикардо — явление средней нормы прибыли, которое не могло получить объяснения в условиях недостаточно развитого капитализма конца XVIII — начала XIX вв. Однако он уже отметил, что «прибыль имеет естественную тенденцию падать» [9. С.148], что позже развернулось в «тенденцию средней нормы прибыли к понижению» у К. Маркса.

Итак, классическая школа в лице Смита преодолела отраслевую ограниченность предшествующих учений, превратив политическую экономию в науку. В своем научном исследовании Смит впервые показал, что источником стоимости и как следствие — всего общественного богатства и общественной жизни является труд, причем не какой-либо отдельный вид труда, а труд вообще. Смит сформулировал предмет и метод политической экономии — это соответственно сфера производства и метод экономической двойственности, конкретизированный через призму разделения труда. Кроме того, он отметил объективный характер экономических законов, хотя принял их за извечные «законы человеческой природы». Смиту принадлежит ряд важнейших догадок — о роли обучения и изобретений для производства, о двойственной природе товара, обусловленной его стоимостью и потребительной стоимостью, об определении стоимости товара общественными (обычными) затратами труда. Он фактически остановился «у порога» открытия абстрактного труда, прибавочной стоимости и превращения закона стоимости в закон прибавочной стоимости при капитализме. Однако исторические условия неразвитого мануфактурного капитализма не позволили Смицу логически четко выделить и сделать анализ этих феноменов. Во многом этому препятствовал и метод

экономической двойственности, благодаря которому Смит правильно описывал и сущность, и явление современных ему экономических процессов, но ставил их «на одну доску», а зачастую и смешивал. Как показано В.С. Афанасьевым, метод экономической двойственности имел для политэкономии эпохальное значение, поскольку он позволил понять двойственную природу явлений рыночной экономики, выявить те аспекты, которые проистекают, с одной стороны, из потребительной стоимости товара (потребительский полюс явления), а с другой — из его стоимости (стоимостной полюс). У Смита это привело к созданию фактически двух различных трудовых теорий стоимости: аналитической и описательной. От первого варианта берут начало теории Рикардо, Маркса, Кейнса и их последователей, от второго — Сэя, Маршалла, Вальраса и неоклассиков.

Рикардо значительно продвинул классическую теорию, сформулировав понятие общественно необходимого труда, более четко разграничив понятия стоимости и потребительной стоимости и включив в источник стоимости товара перенесенную стоимость средств производства — овеществленный труд. Однако и Рикардо не «вскрыл» еще действительного основания двойственности товара — наличие абстрактного и конкретного труда, прибавочной стоимости, не дал исторического анализа категории стоимости и экономических законов, не объяснил переход закона стоимости в закон прибавочной стоимости и не рассматривал понятие средней нормы прибыли. Эти теоретические проблемы стимулировали либо попытки их решения (первая линия последователей), либо отказ от них и дальнейшую разработку описательного уровня классической теории (вторая линия последователей).

Хотя, как нами было показано, классики видели недостаточность и ограниченный характер рыночного механизма саморегулирования экономики и даже указывали, в каких случаях вмешательство государства обязательно. Сего-

дня в определенных кругах научной, и особенно политической элиты, распространено наивное представление о теории Смита как теории ничем не ограниченной «невидимой руки» рынка. Во многом такое понимание привело к значительной некомпетентности в осуществлении реформ 1990 — 2000-х гг. в России и странах бывшего СССР, что позволило, например М. Кастельсу, назвать результаты реформ «экономическими руинами» [5. С.485], а представителям Лондонской школы экономики — «де-аграризацией» [1]. К подобным заключениям пришли Дж.Ю. Стиглиц, Дж.К. Гэлбрейт, М. Фридмен и др. [7. С.253] Согласно В.С. Афанасьеву, экономический кризис в России в 90-х гг. XX — начале XXI в. по своим разрушительным последствиям намного превзошел американскую Великую депрессию 30-х гг. в результате применения к реформированию высококонцентрированной советской экономики стихийного рыночного механизма — «невидимой руки» рынка, т.е. модели экономического развития XVII — XVIII вв. [2. С.14].

Список литературы

1. *Gerry J. Nivorozhkin E. Rigg J.* The great divide: “ruralisation” of poverty in Russia // Cambridge journal of economics. 2007. Vol. 32. № 4. // URL: <http://cje.oxfordjournals.org/cgi/content/abstract/bem052> (дата обращения: 07.03.2009).
2. *Афанасьев В.С.* Адам Смит: политическая экономика мануфактурного капитализма // Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 2007.
3. *Блауг М.* Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело ЛТД, 1994.
4. *Боулдинг К.Э.* Экономическая теория и социальные системы // Панорама экономической мысли конца XX столетия. СПб.: Экономическая школа, 2002.
5. *Кастельс М.* Информационная эпоха // Экономика, общество и культура. М., 2000.
6. *Кейнс Дж.М.* Избранные произведения. М.: Экономика, 1993.
7. См.: *Орлов В.В.* Философия экономики. Пермь, 2006.
8. *Петти В.* Трактат о налогах и сборах // Антология экономической классики. М.: ЭКОНОВ-

- КЛЮЧ, 1993.
9. *Рикардо Д.* Начала политической экономии и налогового обложения // Избранное. М., 2007.
10. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 2007.
11. *Шумпетер Й.* История экономического анализа. СПб.: Экономическая школа, 2001.
12. *Энгельс Ф.* Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1953, Т.20.
13. См.: *Школа эффективных лидеров.* URL: // <http://www.gilbo.ru> (дата обращения: 07.03.2009)
-

THE PROBLEM OF LABOUR IN THE CLASSICAL POLITIC ECONOMY

V.S. Gritsenko

Perm State University, 15, Bukirev str., Perm, 614990

The problem of labour is the central for the classical politic economy. A.Smith was the first to determine labour as the substance of value. This leads him to understanding of laws of economy and the main economic categories – use and exchange value, “natural”, “real” and “nominal” price. The duality of the A.Smith’s methodology, giving birth to “analytical” and “descriptive” tendencies of the economic theory development, is revealed in the paper.

Key words: labour theory of value; labour; economic laws; market; the role of state in economy

УДК 14 (091)

REPRESENTATION AND ATTUNEMENT IN DILTHEY**J. Lozar**

University of Ljubljana, Aškerčeva 2, SI-1000 Ljubljana, Republic of Slovenia

The article explores the possibilities of understanding the phenomenon of attunement from truth as representation, which is found in Wilhelm Dilthey's descriptive psychology. It shows how truth as representation fails to come to grips with this phenomenon, which evades representational thinking and must therefore be thought from a different perspective.

Key words: Dilthey; Husserl; Nietzsche; attunement; representation; feeling

What are the reasons and motifs for my interpretation of Dilthey's *The Formation of the Historical World in the Human Sciences*?¹ Firstly, it is occasioned by the fact that in 2003 Dilthey's book was published in Slovene translation for the first time; that is almost a hundred years since its first publication. Secondly, Dilthey is deemed one of the fathers of philosophical hermeneutics; and last but not least, Dilthey's systematic thought proves crucial for a researcher who investigates the field of phenomenology in the sense that he does not lose the basic framework of thought — especially after delving into Heidegger's deconstruction. In studying Heidegger, one may simply lose his bearings, forget the basic framework of modern philosophy, especially because Heidegger reached far back to Pre-Socratic philosophy of Heraclitus and Parmenides in search of the solution of the modern crisis. This is actually the primary reason for my tackling Wilhelm Dilthey — as a masters of philosophy.

Wilhelm Dilthey is one of the thinkers who grounded hermeneutics. We thus read (1, 248): "After all, it is the very relationship between the depths of human nature and the universal nexus of the full scope of historical life that is at work at every point in history. This is the most basic con-

nection between life itself and history." This of course implies that Dilthey's (philosophical) life is also most basically connected with the history of philosophy. So let us relate to it more concretely, by introducing those philosophers who were his main forefathers: the greatest influence can be traced in Friedrich Schleiermacher, to whom Dilthey devoted a large part of his oeuvre, especially as regards his biography. And it is more than telling in this sense that Dilthey in this book — though his references to Schleiermacher are quite scarce — attributed the biography a distinctive role as the "most immediate expression of reflection on life".

Far more time and space — both implicitly and explicitly — is given to Edmund Husserl. As is well known, Dilthey found Husserl helpful for the development of his descriptive psychology, which he ascribes an important role in the hermeneutic circle and intertwining of individual experience and historical human sciences. A careful reader may readily discover several direct references to Husserl's descriptive phenomenology, as is found for example in his *On the Phenomenology of the Consciousness of Internal Time (1893-1917)*.² In

¹ Wilhelm Dilthey, *The Formation of the Historical World in the Human Sciences*, Princeton University Press, New Jersey 2002.

² Edmund Husserl, *On the Phenomenology of the Consciousness of Internal Time*, Kluwer Academic Publishers, Dordrecht/Boston/London 1991.

one of the footnotes we actually find Dilthey express gratitude to Husserl's contribution. Husserlian is Dilthey's description of the three main attitudes. Even more important in Dilthey's description of sense perception is the distinction between original presentation (*Gegenwartigung*) and representation (*Vergegenwartigung*) (1, 50). And his employment of retention as *Abschattung* (1, 149): Object perception is originally embedded in time, explicitly stating that the object of perception is originally a time-object, a memory image. Not to mention Husserl's famous method of *epoche*, the bracketing out of the existence of objects of perception, cognition or imagination, concentrating rather on the "how" of their givenness and original evidence (1, 32).

So far so good, but we have to add that there are passages where Dilthey cannot keep up with Husserl's transcendentalism (1, 33): by re-acknowledging the thing in itself as the background of the thing for us (*das Ding an sich/ die Sache selbst*), he is a weak transcendentalist, like Brentano, whom Husserl criticized for his claim that intentionality is only a relative predicate of cognition. Only if an act of perception of cognition relates to a real thing in the outer world is the act intentional. Husserl well knows that intentionality is the basic feature as the inner essence of the very consciousness, and not some attribute.

If in descriptive psychology the main addressee is Husserl, then in the historical sphere of human sciences (*Geisteswissenschaften*) the addressee is Hegel. In understanding the relationship between Dilthey and Hegel we shall introduce an analogy: the relationship between Kant and pre-Kantian metaphysics, and Nietzsche's outlook on Kant: where is the analogy? Kant as the critic of metaphysical things in themselves, despite the epistemological strictness, still remains within the horizon of the same metaphysics, though only in the (modal) manner of "as it should be". Even though he forbids to think the things in themselves, he does remain rooted in *Sollen*, as we learn from

his postulates in the *Critique of Practical Reason*, in the same horizon of rational ideals: Immortality, God, Soul.

The same can be said about Dilthey: a short passage on page 294 can be the grist to the mill of our analogy (1, 294): "The possibility of getting closer to objective universal history rests on the mutual interdependence of knowledge, goals and meaning". Of course Dilthey's starting point is pronouncedly the concrete interdependence of life and history, which cannot be said of Hegel; for him, the objective spirit is just a crossing between absolute and subjective spirit and therefore only a manifestation of the absolute spirit. But still: what is the *possibility of getting closer to the objective universal history*? Is not his position to Hegel the same as is Kant's position to the metaphysics of things in themselves? (1, 167): "The objective spirit cannot be set within the order of ideal construction; on the contrary, we have to ground its concreteness in history". The key to understanding the relationship between Dilthey and Hegel lies in the phrase "on the contrary". We could say that this is an inversion of perspective within one and the same horizon.

Descriptive psychology and human sciences

Dilthey understands his project as the grounding of human sciences in descriptive psychology. So let us first pay attention to his description of psychic, mental sphere. This, however, can only be done by means of "investigating individual manners of attitude (*Haltungen*)" (1, 35). Here again Dilthey employs the phenomenological method of *epoche*. In experiencing our perceptions, judgments, opinions, denials, affirmations, we have to redirect our attention from the objects and their whatness (*quidditas*) to the "how" of our directedness; *i.e.* from the field of *noema* to the manners of *noesis*, in which *noema* is given. Dilthey discerns three main classes of directedness or attitude:

1. Attitude of feeling
2. Attitude of willing
3. Attitude of object apprehension

All three attitudes are intertwined in an interdependence of the experience. However, we should immediately say that the fundamental attitude of all three classes is the attitude of object apprehension. Only on the ground of this attitude, an accompanying feeling or willing are possible (1, 66): “The relationship between the subjective and objective object world is the *objective ground or our feeling as well as our willing*”.

Since every experience occurs in time, it is always an experience of something past as remembered. This understanding is always temporal or historical. And this moment of temporal understanding is where the possibility of human sciences (*Geisteswissenschaften*) is given. Clearly, human sciences themselves are genuinely temporal as well. They are historical, since every epoch has its limit in the life horizon. Both the experience and the historical context, understood in their mutual interdependence, find themselves within this time limit, “in a certain time in view of its thinking, feeling and willing” (1, 194).

If we concentrate on the sphere of human sciences, we are obliged to speak about the mutual interdependence. This, however, is experienced differently from that of the natural sciences. In several passages, Dilthey more or less clearly distinguishes between human and natural sciences, the main criterion being the hermeneutic character, which belongs to a far greater extent to human sciences (1, 136 and 175). In articulating the difference, Dilthey makes use of the category of causality, saying that both sciences differ primarily regarding the exactness of the principle of causality. In natural sciences, the cause is always adequate to the effect (*aequat causa effectum*.) Every cause must be fully embodied in the effect, if we want our hypothesis to become a subject of repetitive experiments bearing the same results. Verification is namely the very touchstone of positive scientific truth.

However, because understanding in human sciences is entwined in the actual experience, the

causal scheme loses its exactness as well as the verification and measurability of the natural sciences. If the natural scientist, *i.e.* the astronomer claims a volcanic activity of one of the Jupiter’s moons brings about changes in the atmosphere, which are very similar to those on the planet Earth 3 billion years ago, which means that there are perfect conditions for the origin of life on that moon — he can verify that claim by taking successive photographs of the surface. Here, the cause (the eruption) is fully adequate to the effect (change in the atmosphere, possibility of life). The causal connection rests on the accordance, but the spectator with his subjectivity is kept well outside the scientific truth.

What proof do we have that in human sciences the *causa adequate effectum* doesn’t hold water? New knowledge as understanding refers back to man and his life experience. However, this discovery of the moon’s volcanic activity as a cause of new possibilities for man doesn’t exhaust itself fully in the effect of experiencing this discovery. If so, the entire humanity would, in accordance with the perfect effectuating of natural sciences, once and for all become fully aware of the new horizon of possibilities: of traveling to the distant moon, of the possible inhabitation, life in space, the solution to the ecologic catastrophe, etc. Even more, it would not only be a potentiality, but rather a new actuality. However, the proof that this simply isn’t the case is evinced by our experience. In human sciences, truth/knowledge is not grounded in the firm and unbreakable cause-effect relation, but in other principles and categories. Thus Dilthey introduces notions such as meaning, relation, development, goal, value.

So much about the effectuating of the positive discovery of the natural science on the human being as the rational being of experience; things are of course even more complicated within the sphere of human sciences, where we are facing the effectuating of ideas, beliefs, opinions, feelings, willing, yearning, etc. In human sciences, “knowledge is

not placed under the phenomena” (1, 136), but is drawn back into human life. This is why we cannot reduce the historicity of human sciences to a calculable and verifiable causal scheme. To introduce another caricature: if the adequate causal connection were possible, every interpretation as such would be impossible in advance. All that would refer to a certain text or knowledge would be but a perfect copy of the original. Human world would be totally subordinated to the law of identity, adequate causality and mechanics (Kant’s *automaton materiale*). Or even more grotesquely, if Jesus were the cause of the experience of love in terms of natural sciences, then the effect would be the *amorisation totale* (Teilhard de Chardin). If he were the Highest and Primal Cause adequate to the Effect, as in natural sciences. The truth no doubt tells us otherwise.

What then is the human sciences’ field of humanity? “We open up to the possibility that sense and meaning come about only in man and his history. Not, however, in a single man but in a historical man. Man is namely a historical being.” (1, 316)

If man is a historical being, then it is also the spirit and human sciences that are set within the sphere of the mutual interdependence, together with thinking, feeling and willing. The effectuating interdependence (*bewirkende Abhangigkeit*) between life and history, experience and understanding reveal the importance of a crosspoint. Let us follow Dilthey in this sense to at least point at the possibility of a different life horizon, to a possibility of a new epoch — almost a hundred years after his formation of historical world.

Dilthey concentrates the effectuating interdependence of life and history around a point in time (1, 271): “General movements pass through the individual as through its crosspoint. What is this crosspoint, in which human subjective experiencing, tradition and historicity open up in their mutual possibility? Dilthey’s answer is Husserlian, referring to the phenomenologically crucial field re-

search — the phenomenon of time. (1, 212): “Presence is *never there*. What we experience as the present includes in advance memory of what has just been present.” And a few lines further (1, 213): “The presence of things past substitutes the immediate experiencing.” In more rough terms, intention is always woven in the shadowing (*Ab-schattung*) in the past (retention) and as intuitive expectance of the forthcoming into the future (protention). Representation of an object in time is therefore always woven into the original interdependence of passing, lasting and coming forth. What is woven into the present moment is therefore memory and expectance.

A clear example which clarifies this point is the interpretation of the text. When we read a text, the meaning of the sentence is not preserved as an independent, isolated unit in the pure now, but rather in the interdependence with the previous sentence and the anticipation of the meaning of the next one. The meaning of the sentence is woven into the memory of the meaning of the previous sentence and the expectation of the meaning of the next sentence. The intention of reading is already intertwined with the retention of what has just been read and the protention of what will have been read. Only because the process of reading is structured this way, can there be such a thing as surprise, or a shift in meaning which astonishes.

We put the book aside and return to what has been read in memory. However, even on the ground of representation (*Vergegenwartigung*), there is no such thing as the non-temporal ground of universality; because there are a number of interpretations as representations of the same text. Representation is therefore woven into time as a historical phenomenon. The interdependence between original intention, retention and protention of the original presentation can also be found on the level of representation as the interdependence of previous interpretations, receptions, the present interpretation and the possibility of a different explanation. The reader as the interpreter is set in the

mediated history of the meaning of the text. And not only this: the original presentation and representation, which are both temporal, are intertwined as well. In short, man is a historical representing being of original presentation. But both presentation and representation are out of joint of the absolute present moment.

In order to draw closer to the possibility of a different conception of the humanity, we first have to determine the truth of Diltheyan humanity. The possibility is entangled in the hermeneutic circle. What is in Dilthey the ground which grounds man in both the psychological, experiential as well as in terms of human sciences? Dilthey himself provides the answer (1, 143/44): “The explanation of the given through elementary intellectual activities [...] can be subsumed under the broader concept of representation”. The key name for Dilthey’s human science is representation. And since human sciences are grounded in psychology, we can expect the same for the experiential sphere. That this is actually is evinced in the fact that in basic modes of attitude the first place is reserved for the attitude of object perception. (1, 65): “Acts of object perception are the underlying basis of the attitude of feeling. The underlying basis of willing is object perception”.

What can thus be said about the possibility of a different understanding of man, which in Dilthey is grasped as a being of representation, as the subject of representation? Because (1, 60) “the entire psychology of object perception is grounded in the concept of representation”, and “its goal is to explain this concept”, the human being as *animal rationale* experiences the attitude of feeling only as its inner border, he pushes it aside as 1) accompanying, collateral event of the object perception (1, 72): the condition and basis of feeling is a random process of object perception (1, 85): The lowest structure of intentionality lies within the fact that the object which appears or is remembered, incites a response of a feeling”.

This is exactly the crosspoint, where this interpretation of Dilthey includes a new perspective into the interdependence of history and life. Of course, after a hundred years I am far from being the only one who has delved into this matter. This enormous task — enormous because representation as the blood has run through the veins of the modern reason for more than 400 years! — has been powerfully undertaken by Martin Heidegger. I don’t want to make this paper a tedious event, so allow me to put things more roughly and shortly.

The fundamental event in the nature of man as the rational animal, which is pretty much alive today, is the ontological affirmation — in Dilthey’s words — of the attitude of feeling. In the metaphysics of subjectivity, this sphere of humanity has been given but little attention, pushing it to the margins of existence as the accompanying, secondary process. One guilty party for this is also Dilthey’s descriptive psychology, discovering within the sphere of the attitude of feeling only the oppositional principle of pleasure and displeasure. Dilthey’s awkwardness and embarrassment in these matters is clearly detectable in the following words (1, 36): “There are states or conditions which don’t involve any inner relations between the act and the object.” And then the footnote (1, 36): “The purpose of these sentences is only to exclude extremely heavy questions which arise in the attempt to include these facts into the concept of attitude.” This is not only Dilthey’s personal embarrassment; this is the embarrassment of the objectivist representational attitude, which experiences the non-objectivity and non-representability of the attitude of feeling. This is why Dilthey quickly, after only five pages, skips this tricky subject matter only to dive into safer waters of object perception, saying (1, 65): “Acts of object perception are the ground of feeling.”

However, it is exactly these five pages that conceal an astonishing wealth of new possibilities of descriptive psychology as well as human sciences, since, as Dilthey puts it, what we need to do

is ground human sciences in experiential psychology. Dilthey gives an example which clearly reveals the relationship (in Dilthey's view, of course) between the attitudes of object perception and feeling (1, 156): "I lie awake at night, and I worry whether at my age I will be able to finish the works I started long ago, and a thought revolves in my head what should be done. This experience reveals the structural interdependence of consciousness: the object perception is its ground basis, and on it rests my attitude of care and worry for my circumstances."

After reading, say, Heidegger's *Being and Time*, how easily one can think of an example which proves quite the opposite: that it is the attitude of feeling of care, or anxiety, which first opens up the possibility of the subject-object relationship. Only because we care dearly for our Being, are we in the attitude of object perception as understanding. We are able to understand the entirety of beings in their being precisely because we are first thrown into the nothingness of beings in *anxiety*. We are opened up in the openness of the world as the world horizon first and foremost in feeling, or more accurately, in attunement.

What can be gained by opening up and reconsidering this seemingly self-evident sphere of the attunement?

We hereby do not do away with the attitude of object perception, we don't reject reason in favor of feelings or anything like this. What the articulation of the sphere of attunement reveals is *the inner limit* of reason *as its inner measure*. It is a tale of the inner nature of reason, which has to be grounded in attunement. The attunement of reason is the nature of *physis*. It rises in disclosure and falls in closure, be it in the manner of distress of simply plain fatigue.

It is fruitful to bear in mind here Nietzsche's thought found in paragraph 500 of *The Will to Power* (3, 345): "*Using high and low tides*. For the purpose of knowledge, one must know how to use that inner current that draws us to a thing, and then

the one that, after a time, draws us away from it." Perhaps the most important passage for our treatise can be found in his *Gay Science*, in paragraph 42, where we read (5, 178): "For thinkers and all sensitive spirits, boredom is that disagreeable "windless calm" of the soul that precedes a happy voyage and cheerful winds. They have to bear it and must wait for its effect on them. Precisely this is what lesser natures cannot achieve by any means. To ward off boredom at any cost is vulgar, no less than work without pleasure." And last but not least, a quotation from *Thus Spoke Zarathustra* (4, 156): "The soul most self-loving, in which all things have their current and counter-current, their ebb and their flow."

What is this "windless calm of the soul, this ebb and flow" in Nietzsche, or the self-revealing and self-concealing in the clearing of being in Heidegger? What does it mean that Nietzsche and Heidegger want us to be in tune (attunement!) with either the ebb and flow of being or the presencing and absencing of being?

The thinking of the attitude of attunement reveals this genuine movement of reason from disclosedness, evidence, clear grasping of meaning, back to closedness, non-evidence, losing the deeper meaning. And last but not least, this movement lies not in the hands of man. In short, it is about the education of reason.

The second aspect is the rehabilitation of everydayness, which — unlike in early Heidegger — isn't something non-genuine (*uneigentlich*) but rather belongs to the very nature of reason as the closure of attunement.

And last but not least: ethics. Being attentive to the attunement of the fellow creature, you don't go shooting at him with athletic Hegelianism and powerful work of the concept, if he is in a bad mood, or absent-minded, and *particularly* if he talks you about his feelings for his loved ones, for his country, family, the memory of the dead ... This is where a new ethics is possible. Ethics is not (solely) the work of dialectical reason. Rather, it is

the matter of attentive care and openness to the attunement of the reason of the other.

Literature

1. Wilhelm Dilthey. *The Formation of the Historical World in the Human Sciences*. Princeton University Press, New Jersey, 2002.
2. Edmund Husserl. *On the Phenomenology of the Consciousness of Internal Time*. Kluwer Academic Publishers, Dordrecht/Boston/London, 1991.
3. Friedrich Nietzsche. *The Will to Power*, Vintage Books. New York, 1968.
4. Friedrich Nietzsche. *Thus Spoke Zarathustra*. Penguin, London, 2003.
5. Friedrich Nietzsche. *The Gay Science*. Cambridge University Press, Cambridge, 2001.
6. Martin Heidegger. *Being and Time*. Basil Blackwell, Oxford, 1973.
7. Immanuel Kant. *Critique of Practical Reason*. Cambridge University Press, Cambridge. 1997

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ И НАСТРОЕНИЕ У ДИЛЬТЕЯ

Я. Лозар

Университет Любляны, 1000 Любляна, Республика Словения

В статье рассматриваются возможности понимания феномена настроения с позиции определения истины как представления в контексте описательной психологии Вильгельма Дильтея. Показано, что учение об истине как представлении не способно «схватить» феномен настроения, ускользающий от репрезентирующего мышления, и, как следствие, этот феномен должен быть осмыслен в иной перспективе.

Ключевые слова: Дильтей; Гуссерль; Ницше; настроение; представление; чувство

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9.018.2

**ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТРОСПЕКЦИЯ В XXI ВЕКЕ:
ИСТОРИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ И ФЕНОМЕНЫ МЕТОДОЛОГИИ*****С.В. Вайнштейн***

Пермский государственный университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15
e-mail: psytab@psu.ru

Очерчиваются несколько историко-методологических контекстов интроспекции в психологии. Рассматривается использование интроспекции в современных психологических исследованиях (2000-2010 гг.). Предлагается понятие повествовательной интроспекции для обозначения феномена, возникающего на границе рефлексивной психологической эссеистики и дискурсе-аналитической методологии. Имманентная рефлексивность и трансцендентальная интерсубъективность определяются в качестве философских предпосылок метода повествовательной интроспекции.

Ключевые слова: интерсубъективность; интроспекция; методологическое различие; рефлексия; философские проблемы психологии

**Историко-методологический фон
интроспекции**

Интроспекция как прикладной и практический метод психологии в начале XXI в. подвергалась разнообразным верификациям. Демонстрировались позитивные эвристики интроспекции и как метода сбора эмпирических данных [11; 30], и как прикладной психологической техники [19; 28], и как дидактической методики [2]. При этом сложно однозначно утвердить целостность интроспективной методологии и выявить единый тренд исторического развития идеи интроспекции.

Интерес к истории и общеметодологической функции интроспекции выражен в ряде публикаций первого десятилетия. Проводилось изучение мотивов экспериментальной психологии В.Вундта при установлении взаимосвязи

рефлексии и интроспекции [12]. Отстаивалась позиция, согласно которой интроспекция никогда не являлась ведущим методом психологии, но и никогда не уходила из нее [20]. Рассматривались истоки интроспекции в философской психологии и физиологии [6]. На отечественном историко-психологическом материале XIX-XX вв. было показано движение идеи интроспекции в контексте субъективной и объективной традиций в психологии [4]; изучалось соотношение интроспекции и экстраспекции [13], интроспекции и интерпретации [36] и вновь осмыслились психологические и философские категории, определяющие функцию интроспекции по отношению к сознанию [3; 9; 38].

На протяжении второй половины XX в. неоднократно предпринимались исследования истории интроспекции. Например, термин «ин-

интроспективная психология» обозначался как вводящий в заблуждение в связи со своим широким значением, охватывающим разнообразные точки зрения на теорию и практику интроспекции [22]. Предлагались определения интроспекции как воспроизведения восприятия, предполагающие окончательное исчезновение интроспекции из проблемного поля когнитивных наук [31]. Эти попытки встречали сопротивление сторонников выдвижения интроспекции на центральное место в психологии, поддерживающих этическое обоснование интроспекции и скептически относящихся к аргументам против интроспекции [26].

Безусловно, самым ярким событием в историографии психологической интроспекции стало исследование Э.Г.Боринга середины прошлого века [16], завершённое выводом о «растворении интроспекции» в разнообразных методологических решениях своего времени. Была констатирована «смерть» интроспекции в своей классической форме лабораторной процедуры, проводимой подготовленными исследователями. Этот метод, согласно классике истории психологии, реализовывал укоренённую в картезианском дуализме и эмпирической философии Нового времени концепцию сознания. Соответственно, вместе с аналитической интроспекцией, фактический конец которой отождествлялся со смертью Э.Б.Титченера в 1927 г., среди теорий психического первой половины XX в. растворялся и психологический интерес к сознанию. При этом отмечался позитивный вклад этих процессов в историю науки: «Результат интроспекции – сознание – показывается сегодня в формах собственного наследия (bodies of its progeny)» [Там же. С.187]. Различение непосредственного опыта и логического вывода (inference) выступает у Боринга в качестве конституированной интроспективным сознанием дихотомии.

Впрочем, и сам автор аналитической (структурной) интроспекции заметил нечто по-

добное по завершению своего масштабного проекта в Корнелльском университете. В статье 1921 г. [39] проблема «двойных стандартов» научной психологии была определена как принципиальная несовместимость методологических проектов В.Вундта и Ф.Брентано, соответственно экспериментальной и эмпирической психологии.

Указанные оппозиции, на наш взгляд, представляют проблему *методологического различия*. Сегодня эта проблема наиболее обобщённо фиксируется теоретической и практической психологией как различие между эксплицитной и имплицитной методологией, явным и неявным знанием (напр., [5; 15]). Здесь для нас не имеет значение, какие конкретно-исторические источники фундируют разнообразные формулировки этого различия: Л.Выготский, Ж.Пиаже, М.Полани, или, скажем, М. Фуко. Имеют значение современные экспликации различных способов высвечивания путей познания психического, которые не столько маркируют хронический характер проблемы, сколько вновь возвращают к фундаментальным вопросам психологии.

В каких бы терминах не формулировалась методологическое различие психологии, оно остаётся в рамках логики антиномий, лишь иногда становясь трехчастной синтетической структурой (напр., интроспекция – экстраспекция – диалог [13]), но каждый раз распадающейся на самобытные феномены. Рассмотрим эти актуальные феномены, удерживая при этом историко-методологический фон, на котором они фигурируют.

Феномены психологической интроспекции в современности

В 2006 г. журнал *Consciousness and Cognition* выпустил тематический номер, посвящённый интроспекции. Этот номер объединил в себе статьи по проблемам научной легитимности интроспекции [21; 33]; роли интроспективных отчетов в качественных [27] и количественных

[36] исследованиях сознания; отношения самосознания к эксплицитному знанию [37]; объективного и субъективного подходов к изучению имплицитного знания [25] и т.д. Содержание этого выпуска не только указывает на взаимосвязь проблемы интроспекции с рядом существенных методологических вопросов психологии, но и отражает в общих чертах современное многообразие трактовок этого термина.

Давняя история конфронтации идеи интроспекции (Дж. Локк) и идеи бессознательного (Г.В.Лейбниц) также находит свое воплощение в этом номере. Здесь опубликованы результаты психофизиологического исследования интроспекции [34] с использованием электроэнцефалографического метода событийно-связанных вызванных потенциалов (Event-related brain potentials - ERP). Ученые манипулировали типами инструкций (интроспективной и неинтроспективной) в заданиях на обнаружение скрытого символа, что позволило зафиксировать значимые различия в психофизиологических показателях, порождаемых различными инструкциями. При этом различия касались показателей как сознательных, так и предсознательных процессов.

Наряду с включением интроспекции в качестве переменной в экспериментальный дизайн, сегодня прилагаются усилия для ее исключения из экспериментов. Ограничения интроспективного изучения сознания по-прежнему упоминаются при разработке концепта бессознательного. Так, для изучения бессознательных эмоциональных реакций в их взаимосвязи с базовыми потребностями и мотивацией (жажда, голод) и осознанными эмоциями и эмоциональными состояниями предлагаются задачи с подпороговым предъявлением стимула [40].

Другое конкретно-научное исследование границ интроспективного сознания представлено в журнале *Cognition*. В мае 2010 г. были опубликованы результаты сопоставления объективных и субъективных измерений времени

реакции на различные по модальности стимулы [32]. Исследователи стремились точно описать «слепое пятно» интроспективного метода. Статья вышла с подзаголовком «Реконструкция феноменологии двойной задачи с использованием количественной интроспекции». *Количественная интроспекция* определяется здесь как сбор «точных количественных данных о таких субъективных переменных, как видимость стимула, расположение, длительность и т.д.» [Там же. С. 303-304]. Кроме того, использовался классический метод объективного измерения времени реакции. После задания на калибровку громкости звука и тренировочной серии ставилась задача различения кратковременно и последовательно предъявляемых звуковых и визуальных стимулов. Затем в случайном порядке предлагалось ответить на четыре интроспективных вопроса, отметив на шкале длительность своей реакции на предъявления звукового и визуального стимулов, промежуток между их предъявлениями и последовательность предъявлений. Таким образом, сопоставлялись замеры двигательных и интроспективных реакций (introspective responses). Результаты эмпирического исследования показали высокие положительные корреляции между аппаратной (объективной) и интроспективной (субъективной) оценками психологического времени реакции, хотя испытуемые систематически недооценивали собственное время реакции (в среднем на 300 мс). При этом «слепое пятно» количественной интроспекции в очередной раз утвердилось (вслед за [20]) как невозможность оценки длительности времени реакции на стимул, следующий с коротким интервалом после предъявления первого стимула (психологический рефрактерный период). Также ограничения интроспекции дополнились искажением восприятия вариации интервалов предъявления стимулов (stimulus onset asynchrony) и задержкой реакции (slack time). Тем не менее удалось реконструировать последовательность осозна-

ваемых событий, отражающих психологический рефрактерный период. Другой важный эмпирический факт – порядок предъявления интроспективных вопросов не влияет на точность ответов.

В рассмотренной работе авторы выстраивают гипотезы и обсуждают результаты в рамках трехэтапной модели центральной интерференции. Теоретический прогресс здесь скромный, так как подобные гипотезы тестируются уже достаточно длительное время (см. [7]), но эмпирика количественно насыщена. Положительное методологическое значение современной количественной интроспекции в углублении разработки явления психологического рефрактерного периода (*psychological refraction period*), оформляющую одну из современных парадигм в психологии познания. Современный психологический эмпиризм напоминает больше экспериментальный подход Вундта, чем эмпирический проект Brentano.

Эмпирическому изучению «слепых пятен» интроспективного метода в когнитивных исследованиях сознания сегодня противопоставляется гипостазирование «светлых пятен сознания» [9]. «Светлые пятна сознания» – метафора И.П.Павлова – интерпретация более высокой локальной возбудимости в пунктах коры полушарий, в которые адресовались осознаваемые зрительные или вербальные сигналы, чем во всех остальных участках коры (эксперименты школы Е.И.Бойко). Легитимность сознания и интроспекции здесь конституируется в теоретико-методологической рефлексии и философских спекуляциях, что традиционно для российской психологии [4]. Показательны следующие фрагменты: «Если согласиться с классическим определением сознания как восприятия человеком того, что происходит в его собственном уме, а шире – в его собственной психике, то нельзя не признать справедливости понятия интроспекции в его буквальном значении как “смотрении внутрь”» [9. С.15]. При этом

«смотрение внутрь» на собственную психику не является непосредственным, а требует участия специальных процессов, исторически маркируемых понятием рефлексии. Также утверждается, «что сознание в смысле обращения к собственной психике сущностно необходимо для того, чтобы сообщать о ней другим людям» [Там же. С.16-17]. Здесь можно отследить еще одно, наряду с самосознанием, субъективностью и рефлексией, активно исследуемое философское наследие психологии, а именно проблему Другого Я и интерсубъективности. На интроспекцию при этом возлагается роль мессии в избавлении от картезианского дуализма: «Можно надеяться, что (...) включив интроспекцию и явления сознания в систему естественнонаучных взглядов, психология сможет наконец обрести свой предмет и теоретическое единство» [Там же].

В данном случае дихотомия естественных и гуманитарных наук остается парадоксальным контекстом доверия к интроспекции как гаранту сохранения сознания и, следовательно, субъекта деятельности в психологии. В контексте цитированной работы само возвращение к проблематике, столь свойственной эмпирической философской психологии Дж.Локка и Д.Юма, может выглядеть как регресс. Особенно если заметить, что 30 лет назад этот же автор отстаивал позицию, согласно которой субъективизм и интроспекционизм «не только не ведет к познанию природы психического, но даже уходит все дальше и дальше от (...) души и душевной деятельности» [10. С. 21]. Тем не менее, предпочтительнее увидеть здесь симптом нового обострения неудовлетворенности классической дихотомией, амплификация которого может «взорваться во вне» перспективными теоретико-методологическими решениями.

Оба рассмотренных выше исследования, несмотря на существенные различия, обнаруживают сходство в определенности самих формулировок проблем различия души и тела и

подчеркивают единство интроспекции и рефлексии. В первом случае интроспективная оценка кратковременных интервалов предполагает обращение к прошедшим восприятиям времени, во втором – открыто декларируется опосредующее отношение рефлексии к интроспекции.

Отмеченная артикуляция взаимосвязи интроспекции и рефлексии доходит до их полного отождествления в практической психологии. Так, интроспективное путешествие разворачивается как рефлексия экзистенциальным терапевтом личной философии практики, т.е. своей концептуализации клиентов, целей терапии и терапевтического присутствия [14]. Наложение, пересечение и взаимопроникновение «там и тогда» и «здесь и сейчас» в психотерапевтической эссеистике становится интроспективным актом экзистенциального самопознания, раскрывающим терапевту его допущения, ценности и убеждения. Здесь интроспекция смыкается с собственным литературно-художественным пониманием [8], в котором вновь возвращается к самой себе как философско-психологическому понятию.

В психологические проблемы речи и языка интроспекция проникает в исследования периодов молчания в самоотчетах испытуемых в контексте экспериментальных лабораторных процедур [43]. Интроспекция операционализируется как повествование об актуально разворачивающемся процессе мышления и состояниях сознания, т.е. как ментальный нарратив (*mentation narrative*). Выдержки из транскриптов разговоров испытуемого с экспериментатором иллюстрируют влияние контекста получения интроспективных данных на организацию пауз в самоотчетах. Авторы заключают, что распределение молчания (*management of silences*) в ментальных нарративах перспективно для выявления ряда прагматических характеристик сознания. А именно: неявного, молчаливого понимания требований, относящихся к зада-

че или институциональным условиям ее выполнения; форм осознания обыденных описаний методов познания и оценок нормативных поведенческих ожиданий [Там же. С.401].

Два последних случая позволяют сформулировать понятие о *повествовательной интроспекции*, локализованной в регионе «гуманистической и гуманитарной» психологии и направленной на качественную экспликацию когнитивных режимов в разнообразных дискурсивных практиках. Повествовательную интроспекцию как исследовательский и развивающий метод, на наш взгляд, следует отличать от процедур сбора данных, в которых интроспекция используется лишь как повод для интервью.

Например, в исследованиях измененных состояний сознания [1] использовалась интроспективная сенсбилизация, воспроизводящая аналитическую интроспекцию Титченера. Инструкция в экспериментальной (интроспективной) группе побуждала испытуемых принять взгляд на мир, «при котором из воспринимаемого исключается все имеющее отношение к свойствам самих воспринимаемых объектов, к их значениям и смыслам» [Там же. С.74]. Также предлагалось расслабиться и не двигаться. Приводились примеры подобного видения мира, т.е. инструкция была обучающей. Здесь аналитическая интроспекция накладывалась на состояние кратковременной сенсорной депривации, т.е. комбинировалась с дополнительным экспериментальным воздействием. Далее проводилось интервьюирование с последующей транскрипцией (без учета интонационных и паравербальных составляющих) и категоризацией высказываний испытуемых. Безусловно, здесь мы также имеем дело с экспериментальным дискурсом, но он не становится специальным предметом научной рефлексии, а выполняет лишь вспомогательную, инструментальную функцию.

В качестве примера исследований, достаточно близких к нашей формулировке повествовательной интроспекции, можно отметить работу по изучению особенностей интроспективного познания внутреннего мира профессиональным психологом [11]. Отличие состоит в сосредоточении исследовательского внимания на содержании текстов и количественных самоотчетов. При этом динамика текста как событийного движения речи и языка в конкретной исследовательской ситуации остается не тематизирована.

Повествовательная интроспекция, методологическое различие и интерсубъективность

Таким образом, повествовательную интроспекцию характеризует имманентная рефлексивность и, вероятно, некоторая трансцендентальная составляющая. Понятие имманентной рефлексивности, фундированное известным «*ego cogito*» Р.Декарта, проявляется не только в качественной методологии. Оно находит свое отражение в исследованиях с количественной интроспекцией в виде рефлексии имманентного. Вероятная трансцендентальная составляющая повествовательной интроспекции отсылает как минимум к двум людям и ситуации их взаимодействия, что позволяет предположить в качестве маркирующего термина интерсубъективность.

Эту гипотезу поддерживают разработки *групповой диалогической интроспекции* [19; 28; 29; 30]. Цель данного проекта: «повысить полезность и валидность (*речь идет прежде всего об экологической валидности. – СВ*) в приложениях интроспективного метода в (...) движениях от классического (индивидуалистического) и вюрцбургского (тестировано-центрированного) исследования к новым формам исследовательского дизайна через диалогические понятия» [29. С.100]. Здесь ориентированная на совместность исследования качественная методология интегрируется с практическим значением

психологии в форме экспериментов, напоминающих по описанию некоторые техники психологической терапии. Подобный феномен в то же время просвечивался и в упомянутой интроспекции внутреннего мира психологов [11], где он носил характер индивидуального изучения в контексте онтологической схемы внутреннее/внешнее. Также «терапевтический феномен» можно заметить и в современных разработках *симпатической интроспекции* в рамках методологии глубинного интервью [41; 42]. Симпатическая интроспекция как метод предполагает вступление исследователя в непосредственный контакт с иным (предметом, человеком, вещью) и позволение этому иному пробудить в себе жизнь, схожую со своей собственной, для последующей рефлексии. «На этом пути он (*исследователь. – С.В.*) более или менее способен понять – всегда интроспективно – ... любой аспект человеческой природы, не полностью чуждый самому себе» [цит. по 41, с. 264]. Движение интроспективного сознания за пределы имманентной рефлексивности на территорию Я – Другой может быть отмечено в качестве еще одной исторической тенденции.

До тех пор, пока понятие трансцендентальной интерсубъективности остается гипотезой, мы остаемся заложниками методологического различия. Более того, пока мы помещаем сам процесс постановки проблемы в когнитивную схему «генерирования-и-тестирования гипотез», возводимую сегодня к Г.Рейхенбаху, К.Попперу и У.Селларсу [18], мы рискуем потерять сам повествовательный компонент. Данная схема науки также фундирована биполярной онтологией «содержания и сознания» с соответствующим эпистемологическим недоверием к качеству (*qualia*) [24]. Подобный путь укореняет нас в методологическом различии, несмотря на продуктивность отдельных направлений движения по нему. В отношении интроспекции здесь имеются перспективы, на наш взгляд, только как у метода сбора данных.

Другим путем является нейрофеноменология как «рефлексивное изучение разворачивающегося субъективного опыта» [23. С.393], направленное на преодоление «несоответствия между риторикой психиатрии как дисциплины, основанной на “объективных” доказательствах, и фактическое доверие к интроспекции и субъективным отчетам» [Там же. С. 381]. Этот метод, восходящий к Э.Гуссерлю, критикуется сегодня представителями подхода, затронутого выше. Отдавая должное феноменологическому взгляду от первого лица, критики указывают на гетерофеноменологию взгляда от третьего лица (формулировка Д.Деннетта). Тем не менее и они признают феноменологическую установку в качестве ключа к индивидуальной перспективе (first person perspective) [Там же. С.394]. Асимметрия между первым и третьим лицом конституирует изучение интроспективных эффектов взаимосвязи обоснования и самопознания в индивидуальном сознании, где указанная асимметрия концентрируется в проблеме власти первого лица (first-person authority) [17]. Здесь мы также остаемся в «различии между опытом самим по себе и вербальным или рефлексивным описанием этого опыта» [23. С. 397].

Итак, методологические проблемы современной психологии повсюду обнаруживают оппозиционное позиционирование содержания фундаментальной философской проблематики. Философские проблемы нуждаются в философской разработке, равно как и философские задачи требуют философских решений, всегда находящихся «по ту сторону» конкретно-научных норм и идеалов. Соблазн преодолеть непреодолимый предел в акте трансгрессии велик, но рискует обернуться очередным «карнавалом видимостей», которыми так богата психология наших дней, особенно практическая. В качестве продуктивной линии разработки методологического различения, соразмерной проблеме и удерживающей взаимосвязь с консти-

туирующими саму проблему традициями, представляется воспроизведение и пересмотр трансцендентальной intersubjectivity. Важны соприкосновения, пересечения, взаимопроникновения традиций и, особенно зазоры между ними. Параллельно необходимо методическое развитие повествовательной интроспекции, пусть пока что ограниченное имманентной рефлексивностью. Эти вопросы ставят исходные точки и определяют направления для дальнейших исследований.

Список литературы

1. Гордеева О.В. Аналитическая интроспекция и кратковременная сенсорная депривация как методы изменения состояния сознания // *Вопр. психол.* 2005. №6. С.72 - 81.
2. Ейт Н.А. Интроспекция как метод инициации смыслообразования в учебном процессе: дис. ... канд.пед.наук. Новочеркасск, 2009. 176 с.
3. Ждан А.Н. Пути и принципы исследования сознания в истории психологии // *Методология и история психологии.* 2009. Т.4, вып.1 С. 47-60.
4. Левченко Е.В. История интроспекции в России (конец XIX начало XX вв.) // *Методология и история психологии.* 2007. Т.2, вып. 2. С.54-67.
5. Левченко Е.В. О перспективах разработки методологии историко-психологического исследования // *История отечественной и мировой психологической мысли: материалы Междунар. конф. по истории психологии 26-29.06.2006 / отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А.Кольцова, Ю.Н.Олейник.* М.: Изд-во Института психологии РАН, 2006. С. 96-98.
6. Мазилев В.А. Становление метода психологии: страницы истории (интроспекция) // *Методология и история психологии.* 2007. Т.2, вып. 1. С.61-85.
7. Фаликман М.В. Динамика внимания в условиях быстрого последовательного предъявления зрительных стимулов: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2001. 30 с.
8. Федотова О.С. Истоки представления об интроспекции персонажа // *Вест. Челяб.гос.ун-та. Серия 34. Филология. Искусствоведение.* 2009. Вып. 36. С. 131-135.
9. Чуприкова Н.И. Интроспекция и явления сознания в системе естественнонаучной психологии // *Вопр. психол.* 2010. №2. С.3-20.
10. Чуприкова Н.И. Теория отражения, рефлексор-

- ная деятельность мозга и осознанные ощущения человека (к 110-летию со дня рождения В. И. Ленина) // *Вопр. психол.* 1980. №4. С.10-22.
11. *Шиленкова Н.А.* Метод интроспекции в познании внутреннего мира психолога: дис. ... канд. психол. наук. Пермь, 2003. 234 с.
 12. *Яновский М. И.* Место метода самонаблюдения (интроспекции) в психологии // *Вопр. психол.* 2001. №1. С. 91-96.
 13. *Янчук В.А.* Постмодернистская социокультурно-интердетерминистская диалогическая перспектива метода психологического исследования // *Методология и история психологии.* 2007. Т. 2. №1. С. 207-226.
 14. *Badiee M.* On the Road to Being: My Personal Journey into Existential Theory // *Journal of Humanistic Psychology.* 2008. №48. P. 477-488.
 15. *Berg E.M.* Clinical Practice: Between Explicit and Tacit Knowledge, Between Dialogue and Technique // *Philosophy, Psychiatry, & Psychology.* 2008. Vol.15. №2. P. 151-157.
 16. *Boring E.G.* A history of introspection // *Psychological Bulletin.* 1953. Vol. 50. P. 169–189
 17. Издание на рус. яз.: Боринг Э. История интроспекции // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология.* 1991. №2. С. 61–72; №3. С. 54– 63.
 18. *Bortollotti L.* The Epistemic Benefits of Reason Giving // *Theory Psychology.* 2009. Vol.19. P. 624-645.
 19. *Brook A.* Introduction: Philosophy in and Philosophy of Cognitive Science // *Topics in Cognitive science.* 2009. Vol. 1. P. 216-230.
 20. *Burkart T.* The role of the researcher in group-based dialogic introspection // *The Role of the Researcher in Qualitative Psychology / Ed. by M. Kiegelmann.* Tubingen: Verlag Ingeborg Huber. 2002. P.100-108.
 21. *Corallo G., Sackur J., Dehaene S., Sigman M.* Limits on introspection: Distorted subjective time during the dual-task bottleneck // *Psychological Science.* 2008. Vol.19. P.1110–1117.
 22. *Costall A.* 'Introspectionism' and the mythical origins of scientific psychology // *Consciousness and Cognition.* 2006. Vol. 15, №4. P. 634-654.
 23. *Danziger K.* The history of introspection reconsidered // *Journal of the History of the Behavioral Sciences.* 1980. Vol. 16, №3. P. 241–262.
 24. *Den Boer J. A., Reinders S. and Glas G.* Special Section: On Looking Inward: Revisiting the Role of Introspection in Neuroscientific and Psychiatric Research // *Theory Psychology.* 2008. Vol. 18, №3. P. 380–403.
 25. *Dennett D.C.* The part of cognitive science that is philosophy // *Topics in Cognitive science.* 2009. №1. P. 231-236.
 26. *Gaillard V., Vandenberghe M., Destrebecqz A., Cleeremans A.* First- and third-person approaches in implicit learning research // *Consciousness and Cognition.* 2006. Vol. 15, №4. P. 709-722.
 27. *Howe R.B.K* Introspection: A reassessment // *New Ideas in Psychology.* 1991. Vol. 9, №1. P. 25-44.
 28. *Johansson P., Hall L., Sikstrom S., Tarning B., Lind A.* How something can be said about telling more than we can know: On choice blindness and introspection // *Consciousness and Cognition.* 2006. Vol. 15, №4. P 673-692.
 29. *Kleining G.* An experiment demonstrating group-based dialogic Introspection // *The Role of the Researcher in Qualitative Psychology / Ed. by M. Kiegelmann.* Tubingen: Verlag Ingeborg Huber, 2002. P. 208-213.
 30. *Kleining G., Mayer P.* Roles of researchers in historical introspective psychology // *ibid.* P. 100-108.
 31. *Kleining G., Witt H.* The qualitative heuristic approach: A methodology for discovery in psychology and the social sciences. Rediscovering the method of introspection as an example // *Forum Qualitative Sozialforschung / Forum Qualitative Social Research [On-line Journal], 1.* URL: <http://www.qualitative-research.net/fqs-texte/1-00/1-00kleiningwitt-e.htm> (дата обращения: 12.10.2010).
 32. *Lyons W.E.* The Disappearance of Introspection. Cambridge: MIT Press, Bradford Books, 1986. 193 p.
 33. *Marti S., Sackur J., Sigman M., Dehaene S.* Mapping introspection's blind spot: Reconstruction of dual-task phenomenology using quantified introspection // *Cognition.* 2010. Vol. 115, №2. P. 303-313
 34. *Overgaard M.* Introspection in Science // *Consciousness and Cognition.* 2006. Vol. 15, №4. P. 629-633
 35. *Overgaard M., Koivisto M., Sorensen T.A., Vangkilde S., Revonsuo A.* The electrophysiology of introspection // *Ibid.* 2006. P. 662-672.
 36. *Overgaard M., Rote J., Mouridsen K., Zoega Ramsoy T.* Is conscious perception gradual or dichotomous? A comparison of report methodologies during a visual task // *Ibid.* 2006. P. 700-708.
 37. *Petty R.E, Brinol P.* Introspection and interpretation: Dichotomy or continuum? // *Behavioral and Brain Sciences.* 2009. Vol. 32, №2. P.157-158.
 38. *Pinku G., Tzelgov J.* Consciousness of the self

- (COS) and explicit knowledge // *Consciousness and Cognition*. 2006. Vol. 15, №4. P. 655-661.
39. *Sturm T., Wunderlich F.* Kant and the scientific study of consciousness // *History of the Human Sciences*. 2010. Vol.23. P. 48-71.
40. *Titchener E.B.* Brentano and Wundt: Empirical and Experimental Psychology // *American Journal of Psychology*. 1921. Vol.32. P.108-120.
41. *Winkielman P., Berridge K.C., Wilbarger J. L.* Unconscious Affective Reactions to Masked Happy Versus Angry Faces Influence Consumption Behavior and Judgments of Value // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2005. Vol. 31. P. 121-135.
42. *Witz K.G.* The Participant as Ally and Essentialist Portraiture // *Qualitative Inquiry*. 2006. Vol. 12, №2. P. 246-268.
43. *Witz K.G.* "Awakening to" an Aspect in the Other On Developing Insights and Concepts in Qualitative Research // *Qualitative Inquiry*. 2007. Vol. 13, №2. P.235-258.
44. *Wooffitt R., Holt N.* Silence and its organization in the pragmatics of introspection // *Discourse Studies*. 2010. Vol.12. P. 379-406.
-

PSYCHOLOGICAL INTROSPECTION IN XXI CENTURY: HISTORICAL TENDENCIES AND METHODOLOGICAL PHENOMENA

S.V. Weinstein

Perm State University, 15, Bukirev str., Perm, 614990

The article outlines several historical and methodological dynamic scopes of introspection in psychology. Introspective applications in modern psychology (AD 2000-2010) are examined. Narrative introspection introduced as phenomenon emerging at the border of reflective psychological essays and methodology of discourse analysis. Immanent reflexiveness and transcendental intersubjectivity are defined as philosophical premises of the narrative introspection.

Keywords: intersubjectivity; introspection; methodological difference; reflection; philosophical problems of psychology

УДК 159.923.2:165.18

ДИСКУССИЯ О «ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИХ ОГРАНИЧЕНИЯХ» РЕФЛЕКСИИ

Д.Г. Трунов

Пермский государственный университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15
e-mail: trunoff@hotmail.ru

В статье обсуждаются свойства рефлексивного акта (ретенциальность, репродуктивность), которые вызывают сомнение в адекватности (истинности) тех данных, которые получает человек в результате рефлексивного самосознания. Проводится тропологический анализ рефлексии, предлагается альтернативная метафора рефлексии, в которой последняя предстает как акт самонаблюдения, не противоречащий, а значит не искажающий наблюдаемое.

Ключевые слова: продуктивное переживание; рефлексивное переживание; ретенциальность; репродуктивность; самосознания; метафора; тропологический анализ; модификация переживания

Ретенциальный и репродуктивный характер рефлексии

По Э. Кассиреру, «рефлексивный процесс постижения противоположен продуктивному процессу» [3. С. 94]. Используя терминологию Кассирера применительно к теме самосознания, скажем: активность человека есть некий «продуктивный процесс», направленный «наружу», но остающийся как будто у него за спиной, и чтобы обратиться к его постижению, необходима особая — *рефлексивная* — переориентация «взгляда» (от лат. reflexio — «обращение назад»). М. Шеллер также противопоставлял рефлексии внешнему действию — «экстатическому чувственному порыву»; именно с нее, с обращения жизни «в себя самое», с *сопротивления* первоначальному спонтанному движению «вовне», с его *отрицания* начинается сознание [6. С. 36]. Э. Гуссерль писал, что любая рефлексия обладает характером *модификации сознания* [2. С. 164], имея в виду «перемену установки», «поворот взгляда» от чего-либо сознаваемого к сознанию такового. Кроме того,

Э. Гуссерль определял рефлексию как *реактуализацию* — то есть *репродуктивную модификацию* — бывшего актуально-продуктивного переживания [2. С. 98].

Таким образом, рефлексия, будучи *ретенциальной* (ретроспективной) по своему характеру, есть такая модификация продуктивного переживания, при которой последнее выступает не в актуальной, а *реактуализированной* форме. Деятельность «Я» в свете рефлексии определенным образом модифицируется, становится чем-то *иным*, нежели она была до того, как на него направили рефлексивный взгляд. Вышеупомянутые свойства рефлексии дали повод некоторым философам и психологам рассматривать рефлексию в качестве весьма неэффективного инструмента для самопознания. Дескать, в силу ее ретенциального и репродуктивного характера, мы не можем иметь качественных данных о своем истинном бытии. Возникают вопросы о том, насколько *истинным* является опыт, полученный в рефлексивном восприятии? Насколько вообще можно доверять рефлексивному опыту? Все рассуждения обыч-

но вращаются вокруг проблемы: в какой мере рефлексия «изменяет» изначальное переживание и не «подделывает» ли она его, обращая в нечто «иное»? Высказываются сомнения в способности рефлексии усмотреть подлинное переживания в их первоизданном виде, а значит — в способности человека констатировать что-либо относительно «действительного» содержания переживаний. Например, Д. Юм писал о том, что «операции нашего духа» едва лишь становятся объектами сознания, «как бы окутываются мраком», так что «глазу нелегко найти те линии и границы, которые размежевывают их» [7. С. 16]; что когда мы размышляем о своих прежних чувствах, наша мысль употребляет краски, которые «слабы и тусклы в сравнении с теми, в которые были облечены наши первичные восприятия» [7. С. 22]; что «все наши идеи, т.е. более слабые восприятия, суть копии наших впечатлений, т.е. более живых восприятий» [7. С. 24].

Как уже отмечалось, Кассирер считал, что продуктивный и рефлексивный процессы противоположны, а поэтому не могут осуществляться *одновременно*. В качестве иллюстрации этого тезиса воспользуемся примером, приводимым Х. Ортегой-и-Гассетом: «Когда я чувствую боль, когда я люблю и ненавижу [то есть осуществляю «продуктивный процесс». — Д.Т.], — я не вижу своей боли, не вижу себя любящим и ненавидящим. Чтобы я увидел мою боль [то есть осуществил «рефлексивный процесс». — Д.Т.], нужно, чтобы я прервал состояние боления и превратился бы в “я” смотрящее. Это “я”, которое видит другого [то есть *себя* со стороны. — Д.Т.] в состоянии боления, и есть теперь подлинное “я”, настоящее, действующее. “Я” болящее, если говорить точно, было, а теперь оно только образ, вещь, объект, находящийся передо мной» [4. С. 100]. Фраза «Я болею» подразумевает выход из продуктивной позиции («Я-болящее») в рефлексивную («Я-смотрящее-на-боль»), т.е. неизбежное отчуждение от непосредственного опыта.

Действительно, в определенном смысле рефлексия (самосознание) требует от человека временного прекращения своей текущей продуктивной деятельности и разворачивания фокуса внимания на себя, т.е. осуществления нового типа деятельности — рефлексивной. Означает ли это, что существуют операциональные ограничения познавательной функции рефлексии, связанные с тем, что я не могу быть *одновременно* действующим субъектом и субъектом, созерцающим себя, свое действие в качестве объекта? Вот что писал в связи с этим американский психолог и философ У. Джеймс: «Пусть кто-нибудь попытается рассеять мысль и охватить взглядом ее части — он увидит, как трудно интроспективное наблюдение... Стремительное движение мысли так безудержно, что оно почти всегда приводит нас к своему результату до того, как мы сможем остановить его. Если же мы достаточно проворны и нам все же удастся остановить мысль, то она сразу же перестает быть самой собой. Подобно тому как снежинка, пойманная теплой рукой, уже больше не кристалл снега, а капля воды, так вместо того, чтобы уловить переживание отношения, движущегося к своим членам, мы обнаруживаем, что схватили лишь некоторую субстантивную вещь — обычно последнее слово, которое мы только что мысленно произнесли, но взятое статически, с полностью испарившимися функциями, тенденциями и специфическим смыслом, которыми оно обладало в живом процессе мышления. Попытка интроспективного анализа в этих случаях весьма напоминает хватание вращающегося волчка с целью уловить его движение или попытку быстро включить свет, чтобы посмотреть, как выглядит темнота» ([8], цит. по [1. С. 85]). А вот что пишет Гуссерль: «Так, гнев испаряется благодаря рефлексии и по содержанию своему быстро модифицируется. <...> Рефлексивно исследовать гнев в его доподлинности значит изучать гнев, который тает и испаряется; правда, и это не лишено значения, но, возможно, не то, что следовало бы изучать. Внешнее же восприятие,

несравненно более доступное, напротив того, не “тает” и не “испаряется” вследствие рефлексии...» [2. С. 147]. Также начинает замирать, находясь под взглядом рефлексии, стройное и естественное течение мыслей: «При этом страдает свобода протекания мыслей, протекание сознается в модифицированном варианте, приятность, сопринадлежащая его ходу, существенно затрагивается...» [2. С. 162].

Действительно, когда наше сознание направляется на некоторые естественные физиологические процессы, оно, так или иначе, нарушает или вовсе прекращает их. Это относится не только к ментальным, но и телесным актам. Для примера можно просто понаблюдать за своим дыханием, за своей речью, ходьбой или другими действиями, которые мы осуществляем «автоматически». Вероятно, в этих случаях отношения продуктивного действия и рефлексивного самосознания можно сравнить с бегуном, который в одном случае бежит вперед, а в другом — измеряет то расстояние, которое он пробежал. Последнее практически исключает первое или значительно ухудшает его качество.

Таким образом, существует известное — разделяемое многими философами и психологами — скептическое мнение о том, что рефлексия не только не способна ухватить продуктивное самобытие (действие или переживание) в его непосредственной данности, но даже более того — препятствует спонтанному и естественному протеканию этого самобытия, искажает его. Тем не менее вопрос о том, насколько могут быть совместимы непосредственное самобытие и одновременное сознание его, пока остается открытым. Быть может, «текущая рефлексия» — назовем так созерцание непосредственного самобытия — это дело особой психотехники, и при определенном навыке человек сможет расширить рефлексивное поле на

столько, что в него попадет — в неискаженном виде — то, что происходит в данный момент¹.

Тропологический анализ рефлексии

Для того чтобы убедиться в том, насколько действительны вышеупомянутые ограничения рефлексии, необходимо провести тролологический анализ самого понятия рефлексии, т.е. критически рассмотреть метафоры, с помощью которых обычно описывается рефлексивная активность. Возможно, выяснится, что «гносеологические ограничения» рефлексии суть гносеологические ограничения не самой рефлексии, а *метафор* рефлексии.

Начнем с метафоры рефлексии, заложенной в самом названии, — с метафоры «поворота», «обращения назад». Эта метафора наглядно показывает, что в рефлексии радикально меняется объект познания (теперь это сам субъект), а субъект и объект принципиально разделены и находятся на разных полюсах процесса познания. Пожалуй, это единственное достоинство этой метафоры. Однако такое понимание рефлексии одновременно упрощает и усложняет дело. Казалось бы, все просто: «взгляд субъекта направлен на самого себя», но возникают вопросы, которые вытекают из логики пространственной метафоры: где этот «субъект», который смотрит на меня? или: кто тот субъект, на которого смотрю я? Недостатком этой метафоры является также ее не согласованность с непосредственным опытом: во время рефлексии нет никакого «поворота» ни в пространственном, ни — тем более — во временном аспекте. Мое бытие всегда направлено «вперед» («продуктивно»), даже в рефлексивном познании.

Другая метафора рефлексии развивает метафору «поворота»: обычно сознание (в том числе рефлексивное) представляют — экспли-

¹ Для примера возьмем соответствующие буддийские практики на Востоке и психоаналитическую технику «свободных ассоциаций» на Западе.

цитно или имплицитно — в виде «луча»¹. Например, Гуссерль пишет: «Луч этого взгляда заново возникает с каждым новым *cogito* и исчезает вместе с ним» [2. С. 126]. Если позволить себе немного увлечься этой геометрической метафорой, то продуктивное «Я» можно представить как движение вдоль «луча» от центра — «источника Я»; тогда рефлексивное «Я» представится как переход в перпендикулярное измерение, т.е. в позицию, которая позволяет увидеть измерение, в котором проходит «луч» продуктивного «Я». Если продуктивное «Я» просто существует, т.е. находится *внутри* некоего одномерного, линейного измерения, то рефлексия — это выход за пределы этого измерения, «поворот» того же (или появление другого?) «луча» и обретение возможности *зримо* его представить, например, в виде «потока переживаний», «цепочки» ощущений или состояний, «последовательности» действий, «череды» поступков. Продуктивное «Я» представляется рефлексивному «Я» в виде «луча-потока», на одном — проксимальном — полюсе которого мы можем успеть заметить нечто вроде импульса, который, «реализуясь», преобразуется, например, через те или иные мышечные усилия в какое-то действие, составляющее дистальный полюс этого потока. Вспоминая («откручивая назад»), мы можем отметить, что проксимальный импульс был реакцией на нечто в окружающем мире, нечто в своем организме, нечто в своем сознании. Благодаря такой рефлексии я могу проецировать в область самобытия такие понятия протяженного мира, как, например, «причина» и «следствие». Хотя в каких-то случаях мы не сможем уловить, зафиксировать

природу (причину) этого импульса, поскольку она относится к чему-то недоступному для рефлексии, трансцендентально-нерефлектируемому, «слепому пятну», непостижимому «Х».

Данная метафора («луча-потока»), стало быть, наглядно демонстрирует *историческую* рефлексия, постигающую *процесс* самобытия («движение от проксимального к дистальному полюсу луча»), но исключает *текущую* рефлексия, постигающую самого субъекта. Последняя будет выглядеть как бесконечная и безуспешная попытка луча «изогнуться» на самое себя, постепенно закручиваясь в форме спирали.

Для примера возьмем еще одну, мало распространенную метафору, которую описывает В. Франкл. Он сравнивает познающее «Я» с амебой, которая вытягивает свои псевдоподии к объектам, — таков первичный психический акт, направленный на познание объекта. Рефлексивный акт Франкл называет «вторичным» и представляет его в виде еще одной, особой псевдоподии, которая «поворачивается» к первой [5. С. 171]. Эта метафора в чем-то сравнима с предыдущими, но в то же время устраняет некоторые их недостатки: здесь нет никаких «поворотов», субъект здесь всегда «продуктивен» и одновременно доступен самому себе, наконец, здесь есть возможность текущей рефлексии, сопровождающей продуктивное действие. Мы видим, что амебоподобному существу прекрасно удастся совмещать продуктивность и рефлексивность. Хотя, конечно, это не доказывает такую возможность у человеческого существа. Единственным недостатком — но не «ошибкой» — данной метафоры, пожалуй, можно назвать то, что мы видим эту «познающую себя амэбу» со стороны², в то время как нам требуется феноменологическое описание рефлексии, данное *изнутри* рефлектирующего субъекта. Следуя этой метафоре, нужно представить, какой эйдетический результат получа-

¹ Популярная в философии метафора «луча» пришла из сферы зрительного восприятия. В результате увлечения этой метафорой мы сталкиваемся с распространением опыта зрительного восприятия на все остальное восприятие. В то же время стоит признать, что телесное восприятие (в котором выражен темпоральный компонент) едва ли адекватно описывается образом «луча». Здесь больше подойдет метафора «волны» или «пятна», которое разливается по поверхности.

² Этот недостаток присущ всем вышеупомянутым метафорам рефлексии.

ет наша метафорическая амеба в результате такого многопланового обследования. Предположим два варианта. В первом случае сознание амебы переключается с одной псевдоподии на другую, что исключает *непрерывный* «мониторинг» собственной деятельности; единственное, на что она способна, — это выработать навык быстрого переключения, что даст ей возможность осуществлять *почти* одновременное постижение объекта и собственного бытия. Во втором случае амеба одновременно получает информацию с обеих (трех, четырех и более) псевдоподий и укладывает ее в единую картину, где есть место и для объекта, и для субъекта.

Альтернативная метафора

Существует ли альтернативное метафорическое описание того, что происходит во время рефлексии «внутри» субъекта, наглядно показывающее, каким образом для него представлено его собственное рефлексивное постижение?

Поскольку рефлексия есть сознание себя в качестве *актора*, значит *рефлектирующее* сознание, для того чтобы быть таковым, всегда должно иметь элемент *самоприсутствия*. В сущности, акт рефлексии — это и есть такая «добавка»: включение в сознание вещи — в качестве особого горизонта — *себя самого* как источника, участника и свидетеля своего же сознания вещи. Рефлексивное действие с этой точки зрения не является чем-то *противонаправленным* продуктивному действию. Рефлексивность может *сопровождать* продуктивность в качестве «горизонта», «ореола», до некоторой степени вовсе не мешая продуктивному действию и не прерывая его, выступая как нейтральное «сознание себя действующим». Это можно сравнить с *рамкой*, в которой я усматриваю свое продуктивное действие. «Рамка самобытия» — это альтернативная метафора рефлексии. Рефлексивное «Я» создает кадр, в который попадает деятельность продуктивного «Я», определенным образом модифицированная. Можно сказать, что продуктивное действие или

сознание, направленное на мир, получает в рефлексии своеобразный «индекс»: «Я сознаю...», «Я делаю...» и пр. Сравнение с кадром или рамкой для картины не случайно. Рефлексия — это создание некой картины о себе. Материалом для этой картины становятся «первичные», «первозданные» переживания, которые в «рефлексивном обрамлении» преобразуются в картину «Я переживаю то-то и то-то».

У метафоры «рамки» есть ряд преимуществ. Во-первых, метафора «рамки» не исключает, а, напротив, предполагает возможность «текущей рефлексии». Рефлексия — это то, что сопровождает мое любое (?) переживание или действие, то, что всегда присутствует при нем, как его «горизонт», «ореол» или «фон». Во-вторых, метафора «рамки» не противопоставляет рефлексивное переживание продуктивному. Рефлексивное переживание — это имманентное переживание, *«обнимающее»*, по словам Гуссерля [2. С. 85], единосущностное с ним продуктивное переживание. В-третьих, метафора «рамки» не теряет из виду ни субъекта, ни объекта, они оба здесь — в рефлексивном постижении. При этом можно свободно переходить как от рассматривания объекта в горизонте субъекта, так и к рассматриванию субъекта (самого себя) по отношению к объекту. Точно так же, как можно удерживать во взгляде одновременно и рамку, и картину, в рефлексивном взгляде можно удерживать и себя, и объект. Такой *перевод* взгляда отличается от *«переключения»*, эксплицированного из метафоры «амебы», во время которого субъект прекращает один акт и начинает другой. Метафора «рамки» позволяет понять, почему во время рефлексии наши чувства все-таки *могут* удерживаться, а не «испаряются», не «тают» и не «отключаются». Они все время здесь — либо в актуальном, либо в потенциальном поле восприятия. Если бы все наши чувства быстро испарялись благодаря простому «переключению», то у человека не было бы проблем с «саморегуляцией»; гнев, боль, страх, обида, тоска, ревность, — все чувства, которые так тяготят

человека, — устранялись бы с помощью рефлексивного «поворота взгляда». Однако феноменологический опыт показывает, что даже когда я осознаю себя боящимся, то страх мой от этого вовсе не проходит, к нему лишь добавляется местоимение «Я». Скорее можно представить обратную ситуацию: я могу не осознавать свой страх, «вытеснять» его и потому его не испытывать, но когда я обращаю на него внимание, то тогда лишь почувствую его¹.

О противоречии продуктивности и рефлексивности

После рассмотрения различных метафор, описывающих рефлексивный процесс, в том числе как он представлен «изнутри» познающего субъекта (метафора «рамки»), ответим на аргументы наших оппонентов, которые считают, что рефлексия — это весьма неэффективный инструмент самопознания, поскольку она, во-первых, входит в противоречие с продуктивностью, во-вторых, запаздывает по времени, а потому не имеет дела с актуальным материалом, в-третьих, «не замечает» значительную часть внутреннего опыта, в-четвертых, искажает то, что попадает в поле ее зрения. Таковы главные «обвинения», высказанные в адрес рефлексивного познания. Попробуем их опровергнуть или, по крайней мере, побудим своих оппонентов усомниться в своей позиции.

С одной стороны, продуктивный и рефлексивный модусы человеческого бытия — актуализация и самосознание — действительно в некотором роде противоположны, это два разнонаправленных процесса; а с другой стороны, самосознание (рефлексия) — это специфиче-

ский модус самого продуктивного бытия. Рефлексивное действие вовсе не противосущностно продуктивному действию. Ведь рефлексивное «Я» есть ничто иное, как «Я» продуктивное, только направленное на собственную «продуктивность». «Я» рефлексивное — это то же когнитивный акт, но осуществляемый в отношении особого рода «объекта» — самобытия. В этом смысле *природа* продуктивного и рефлексивного процессов вовсе не противоречива.

«Что ж, — могут сказать наши оппоненты, — действительно, рефлексия не отличается принципиально по своей *сущности* от продуктивности, но ведь она противоположна ей по *направлению*». Конечно, — согласимся мы, — продуктивное и рефлексивное действия суть *разно*-направленные процессы, но — и это в нашем случае очень важно — они не *противо*-направлены по отношению друг к другу. Корректнее было бы сказать, что продуктивные и рефлексивные процессы не *взаимоположны* (метафора «поворота») и даже не *взаимоперпендикулярны* (метафора «луча»), а скорее *взаимно-дополнительны*, а потому — *взаимно-согласны* (метафора «рамки»).

Решение проблемы совмещения продуктивного и рефлексивного действий зависит от того, насколько я могу совместить в поле своего внимания *разные* объекты. Для понимания такой возможности достаточно обратиться к практическому эксперименту: я могу попробовать удерживать в поле своего внимания одновременно два предмета, расположенных отдельно друг от друга или даже на противоположных полюсах моего поля восприятия (например, в правой и левой, верхней и нижней частях поля восприятия). Сначала мне это удается с трудом, но затем я начинаю воспринимать эти два разных объекта, расположенных в противоположных по отношению ко мне точках пространства, в некотором единстве; мое внимание становится способным контролировать все, что с ними происходит одновременно. Такой же эксперимент я могу провести с «объектами» моей внутренней сферы, например, с

¹ В качестве иллюстрации: «Я шел по пустынной неогороженной дороге, пересекавшей Вустерскую пустошь, и пыгался прогнать дурные предчувствия, анализируя их. Чего, в конце концов, я боюсь? Едва я задал себе этот вопрос, я пожалел о нем. Меня поразило слово “боюсь”. До сих пор я хотел убедить себя, что речь идет о неприязни, неловкости, на худой конец — скуке. Но вот я произнес слово “боюсь” и ощутил страх» (Льюис К.С. За пределами безмолвной планеты. Переландра. М., 1993. С. 166).

восприятием разных частей моего тела. При определенной тренировке некоторые профессионалы (например, спортсмены, цирковые артисты и др.) добиваются способности координировать восприятие нескольких внешних объектов, а также движения различных частей своего тела в совершенстве. Наконец, третий шаг: при определенной тренировке я могу удерживать в актуальном поле внимания одновременно внешний и внутренний объекты¹. Это значит, что дело не в *принципиальной* невозможности такого совмещения различных направленностей своего актуального Я, а в своего рода *способностях и навыках*. При этом, возможно, не так важно, в какой сфере будут находиться объект моего внимания, внешней или внутренней, и сколько будет наблюдаемых мною объектов, а также чем я сам буду в это время заниматься, — у меня нет принципиальных ограничений на совмещение этих восприятий и этих действий.

Заметим, что идея «различных направленностей», на которую опираются наши оппоненты, исходит из метафор «поворота» и «луча». Эти метафоры, безусловно, накладывают некоторые ограничения на постижение сущности сознания. В частности, в соответствии с пространственной метафорой «луча», для того чтобы сделать объектом внимания сам луч, нужно, действительно, развернуть его в обратном (или перпендикулярном) направлении, но при этом неизбежно потеряется первичный объект, на который изначально было направлено внимание. Заключив метафору «луча» в скобки, но не исключая ее из нашего обихода, мы можем убедиться, что есть другие «взгляды» на рефлексию. Если понимать последнюю как «обрамление» бытия своим присутствием, или как некое ощущение самоприсутствия в бытии, то мы уже не заметим никаких непримиримых

противоречий между «различными объектами внимания» (объектами окружающего мира и сознанием).

Здесь для доказательства выбранной нами позиции мы можем опять же обратиться к естественному обыденному опыту или опыту профессионалов. Если бы мы не могли совмещать свои действия и самонаблюдение, мы не смогли бы сколько-нибудь эффективно существовать в этом мире, например, мы не смогли бы учиться самым разнообразным и сложным навыкам, мы не смогли бы общаться с другими людьми, поскольку все эти и другие действия требуют не только внешних действий, но и обязательного и одновременного самоконтроля и своевременной самокоррекции своих действий, слов, поступков и т.д. *Совмещение продуктивного и рефлексивного действий естественно для природы человека и его бытия в мире.* Сознание своей внутренней сферы в процессе своего продуктивного существования, как минимум, социально и биологически необходимо для него. Можно предположить, что существование человека постоянно сопровождается неким текущим рефлексивным «мониторингом», непрерывно «сканирующим» положение дел (физическое самочувствие, психическое состояние, отношение к событиям, оценка своих ресурсов, мотивов, желаний и пр.) и таким образом создающим возможность для изменения ситуации самобытия. Без этого не было бы человека. Без этого «мониторинга» не было бы воспоминаний, поскольку было бы не возможно «прокрутить» назад события и вспомнить какие-то детали, которые по началу были незамечены, и — что интересно — была бы невозможна та «запаздывающая» (ретроспективная, историческая) рефлексия, которую провозглашают наши оппоненты. Если обычный человек использует «текущую рефлексию», не задумываясь специально над этим, «автоматически», то некоторые

¹ Собственно говоря, предлагаемая «тренировка» заключается не в том, чтобы удерживать это внимание, а в том, чтобы *заметить*, как мы это делаем постоянно в процессе своей жизнедеятельности.

профессионалы сознательно пользуются такой возможностью¹.

О ретенциальном характере рефлексии

Возможно, предоставленных контраргументов уже достаточно, чтобы ответить нашим оппонентам следующим образом: если мы не признаем возможности «текущей рефлексии», то мы тогда должны отказаться от возможности *любой* рефлексии и вообще какого бы то ни было самопознания (Э. Гуссерль:). «К бытийному виду переживания принадлежит то, что на всякое действительное переживание — живое настоящее из самого первоисточника — может, с полной непосредственностью, направляться взгляд высматривающего восприятия» [2. С. 98]. И все же мы пойдем на встречу нашим оппонентам и на время сделаем вид, что мы согласны с их позицией. Представим, что действительно свойства рефлексии таковы, что она принципиально не позволяет «схватить» мгновение осуществляющегося самобытия, что она имеет дело лишь с уже прошедшим, а, стало быть, не может претендовать на то, чтобы считаться *эффективным* инструментом актуального самосознания. Другими словами, примем во внимание аргумент наших оппонентов, в котором они полагают ретенциальный характер рефлексии ее *недостатком*.

Тем не менее и в этом случае имеется контраргумент, который защитит нашу позицию. Как это ни парадоксально, но ретенциальный (а точнее — ретенциально-протенциальный, или ретроспективно-проспективный) характер рефлексии является не *недостатком*, а ее *необходимым* свойством, на котором вообще построено все самопознание (познание феномена самобытия). Если бы рефлексия была только «сиюминутна» и под-

чинялась бы исключительно тому спонтанному материалу, на который она направлена, то в этой рефлексии не было бы никакого смысла. Ведь самопознание как раз опирается на то, что, во-первых, мы имеем «массив данных» о себе и сохраняем его в нашей памяти, а, во-вторых, эти данные имеют значение только в своем *историческом соположении*, в некоей временной последовательности, распространяющейся не только в прошлое, но и *пробрасывающейся* в будущее, — только благодаря этому мы можем делать выводы касательно самобытия: подводить итоги, оценивать настоящее, строить прогнозы и пр.

О «нерефлектируемых переживаниях»

Еще один довод наших оппонентов: они говорят, что, дескать, существуют «нерефлектируемые переживания», полностью недоступные рефлексии или «незамеченные» ею, и говорят о них как о несомненных фактах. Обычно оппоненты сравнивают «нерефлектируемые переживания», каковы они «есть на самом деле» вне рефлексивного усмотрения, с тем, как они предстают в рефлексивном взгляде. Эта позиция противоречит феноменологии, опирающейся на непосредственный чувственно-интуитивный опыт. В каком непосредственном опыте мы можем схватить такие «нерефлектируемые переживания»? Если в рефлексивном, то это уже будут *рефлектируемые* переживания, если — нет, тогда что это за опыт? Любое переживание возможно обнаружить лишь в рефлексивном усмотрении, а так называемые «нерефлектируемые переживания» — это исключительно спекулятивное понятие, созданное объяснить какие-либо факты, но само при этом фактом не являющееся. Забывание этого обстоятельства приводит к мифологизации «нерефлектируемых переживаний», например в понятии «бессознательного».

Феноменолог признает существование «нерефлектируемых переживаний» исключительно в форме *потенциальности* — «неопределенно определяемого ореола» (выражение Гуссерля),

¹ Например, актеры удерживают одновременно в своем внимании сразу несколько важных для них зон: 1) собственное реальное самочувствие как человека, 2) «виртуальное» самочувствие играемого персонажа, 3) действия партнеров по сцене, 4) свой внешний вид, а также всю мизансцену, как они видятся со стороны зрительного зала, 5) замысел режиссера и, возможно, что-то еще.

всегда существующего вокруг ясно очерченных актуальных данностей сознания. Но их «нерефлектируемость» относительна — они лишь «пока-нерефлектируемые», поскольку на них в любой момент может быть направлен рефлексивный взгляд. Собственно, рефлексивный взгляд усматривает их (до некоторой степени) уже тогда, когда говорит о них как об «ореоле неопределенности», поэтому для феноменолога «нерефлектируемое» означает «смутно сознаваемое», подразумевая при этом самые разнообразные «градации темного».

Итак, возразим нашим оппонентам: сущность переживания такова, что оно может сознаваться — и, следовательно, существовать как событие самобытия — *только* в рефлексивном к нему обращении. Переживание «может быть “знаемым” лишь через посредство рефлексии и, как непосредственное знание, обосновываться лишь рефлексивным, дающим созерцанием» [2. С. 172]. Вне рефлексии нет «переживания» в его феноменальном бытии, а другого бытия у переживания нет. Все, с чем я встречаюсь в самобытии, дано мне исключительно в рефлексивном постижении. Попытки описать *нечто*, находящееся вне рефлексии, суть создание теоретических конструктов, не подтверждаемых непосредственным опытом самовосприятия, что, конечно, не ошибка, а естественный ход научной мысли, однако если такого рода теории превращаются в догматическую веру, то они уже выходят не только за рамки феноменологии, но и всякой критической науки. Феноменолог не отрицает такого рода концепции (например, концепцию «бессознательного»), но «заключает их в скобки».

О «рефлексивных модификациях»

Наконец, у наших оппонентов остается еще один довод: нам говорят, что рефлексия слишком «деструктивна» по отношению к тому, что находится в поле ее внимания, и, следовательно, она дает нам искаженную информацию. Говорят, что переживания «как они есть» отличаются от воспринятых в рефлексии переживаний

в силу разного рода модификаций, которым они подвергаются именно благодаря рефлексии. Что ж, проблема «модификации» переживаний в ходе рефлексии не отвергается феноменологами, но она не воспринимается драматически: дескать, нам никогда не познать свои переживания в их «первозданности».

Во-первых, отношение с самобытием как к *феномену*, то есть явленности (открытости) себя самому себе по мере сознания, снимает «тоску» по неким «утраченным первозданным переживаниям». Все, что нужно феноменологу, ему всегда доступно, оно *уже* есть, и оно есть в *том* виде, в котором оно необходимо ему. Феноменолог доверяет себе, своему рефлексивному опыту не потому, что благодаря ему он способен удержать в руках некую «абсолютную истину», а потому, что данные его рефлексивной интуиции являют ему именно ту истину, в которой он нуждается, — «феноменологическую правду». Быть может, вовсе не обязательно отталкиваться от привычного (естественнонаучного, «объективного») понятия «подлинности» в вопросе о «первозданных переживаниях»? Когда взгляд рефлексивного человека обращается к переживанию, оно становится тем, в качестве чего оно отныне представляется ему, — когда же он отвратит свой взор, переживание перестает быть «переживанием» [2. С. 170]. Феноменологическая истина — это *явленная* сущность, это всегда сущность *рефлектируемого* переживания.

Во-вторых, скажем об этом еще раз, «рефлексивная модификация» — как ее воспринимает феноменолог — есть необходимое условие этой явленности. Без рефлексии и ее «модифицирующей» активности мы не имели бы ни феномены «переживаний», ни феномен «самобытия». «Первичный» акт, по словам В. Франкла, становится «психической» данностью, квалифицируется как «психический акт» только в отражении «вторичного» рефлексивного акта; переживаемое качество «психического» возникает только в рефлексии и через рефлексию [5. С. 71]. Феноменология предлага-

ет примириться с тем, что в рефлексивном постижении человек всегда имеет дело с уже модифицированным опытом, и что эти модификации имеют для человека определенный смысл, что именно благодаря этим модификациям он способен постигать, например, целостность и непрерывность своего «Я».

В-третьих, для феноменолога «первозданные переживания» — такое же спекулятивное понятие, как и «нерефлектируемые переживания». Для того чтобы в этом убедиться, достаточно задать себе вопрос: откуда пришло знание о «первозданных переживаниях», в каком *непосредственном* опыте мы его получили¹. Если такого опыта нет, значит так называемые «первозданные переживания» (равно как и «нерефлектируемые») — суть спекулятивная фантазия, что само по себе, безусловно, не грех, просто в этом надо со всей ответственностью признаться и исходить в своих рассуждениях из этого положения. Феноменолог еще раз напоминает: *любое* переживание (в том числе «первозданное» и «нерефлектируемое») может быть «знаемым» только в рефлексии. Также только благодаря рефлексии мы можем сравнить знания об одном и том же переживании, полученные в различных рефлексивных схватываниях. Только в очередном рефлексивном созерцании мы можем решить, что данные, полученные в одном акте рефлексии, более истинны, чем данные, полученные в другом. Если же у меня есть опытные основания говорить о модифицирующем влиянии рефлексии, то это означает лишь одно: в своем рефлексивном усмотрении я смог зафиксировать некие стадии изменения какого-либо переживания — от первоначального его состояния до конечного — и на основании усмотренного в непосредственном опыте сравнения этих стадий смог сделать вывод о

наличии рефлексивной модификации. Однако это также означает, что я все-таки *смог* усмотреть тот «первоначальный вариант» переживания, который впоследствии модифицировался. Значит, моему рефлексивному взору доступны как «изначальные переживания», так и процесс их модифицирования в «конечные». Гуссерль утверждает, что в содержательном наполнении рефлексивного созерцания можно усмотреть нечто, относящееся и к содержанию нерефлектируемого переживания, и способу его модификации [2. С. 172].

В-четвертых, — здесь мы опять уступим нашим оппонентам — феноменолог признает: да, действительно, в некоторых (возможно, даже в большинстве) ситуациях рефлексия может быть достаточно деструктивна, но он не сетует, а задается чисто практическими вопросами: от чего зависит степень этой деструктивности? можно ли снизить ее до минимума и таким образом повысить качество рефлексии? — вот вопросы, которые будут нас интересовать в дальнейшем. «Феномены рефлексии — это на деле сфера чистых и при известных условиях совершенно ясных данностей», — пишет Гуссерль [2. С. 172]. Следовательно, продуктивная критика рефлексии должна включать поиск и описание условий «чистой», «неагрессивной» рефлексии.

Наконец, в-пятых, даже если мы откажемся от всех своих контраргументов, высказанных выше, и согласимся с тем, что рефлексия искажает все данные, которые человек получает с помощью нее, то вот наш последний контраргумент: *у человека нет иного инструмента для самопознания, кроме его рефлексии — какой бы «качественной» или «некачественно» она ни была.*

Итоги дискуссии

Как писал Гуссерль, «рефлексия не может вовлекаться в какой-либо антиномический спор с идеально совершенным познанием» и прежде всего потому, что у всякой разновидности бытия свои способы данности, а тем самым и свои

¹ Напомним основополагающий принцип феноменологии: «...скепсис утрачивает свою силу, когда мы от словесной аргументации возвращаемся назад к сущностной интуиции, к первоначальному, из самого источника, дающему созерцанию и к исконнейшему праву этого последнего» [2, с. 172].

способы познавательного метода [2. С. 172]. Поэтому в сфере самопознания рефлексия как сущностное самосозерцание не только не имеет ограничений, но, напротив, является единственно возможным инструментом, пригодным для усматривания самобытия. Коль скоро речь идет о *бытии «Я» для самого «Я»*, то говорить об «объективности» или «субъективности» данных самопознания не представляется корректным. Самопознание субъективно по определению, оно насквозь субъективно. Объект самопознания имеет значение только в лично-приватной перспективе субъекта. И рефлексивные средства здесь абсолютны, поскольку они дают уникальнейшую в своем роде достоверность.

Вообще, сомнения в исследовательских возможностях рефлексии в феноменологической традиции, говоря языком Гуссерля, «противосмысленны» и актуальны лишь за пределами феноменологической методологии. Человек говорящий: «Я сомневаюсь в познавательном значении рефлексии», — утверждает то, что вовсе не в праве утверждать, исходя из его же собственного утверждения. Ведь, высказывая свое сомнение, он *рефлектирует*, и, если принять такое высказывание как истинное, необходимо вместе с этим признать, что рефлексия действительно обладает, хотя бы в *этом* эмпирическом высказывании, *достаточной* познавательной ценностью [2. С. 171]. Подвергать сомнению возможности рефлексии как инструмента для самопознания — это значит подвергать сомнению феномен рефлексии, равно как и сами переживания. Таким образом, спор об «эффективности рефлексии» не имеет какого-либо основания: либо рефлексии как феномена сознания нет вообще, и тогда «противосмысленно» говорить об эффективности того, чего нет, либо мы признаем, что данным, полученным в результате рефлексивного постижения, можно доверять. Либо мы отвергаем возможность осуществления *любых* рефлексивных модификаций, либо мы признаем, что *только* в рефлексивных модификациях и *благодаря* им

мы видим саму сущность усматриваемого переживания, видим ее именно так, как она вообще может быть нам дана, и что других вариантов у нас нет. Можно сказать, что рефлексивная модификация переживания — это единственная возможность «высмотреть» сущность этого переживания. Человек *обречен* на то, что он имеет в виде именно *такой* возможности рефлексивного самоусмотрения. Проблема — если вообще здесь нужно говорить о «проблематичности» — не в *достоверности* рефлексии, а в *объеме* рефлексивного усмотрения сущности, который в свою очередь зависит от качества этого усмотрения. Поэтому критика этого единственного в своем роде инструмента может быть принята лишь в том случае, если она не ставит целью абсолютное отрицание рефлексии, а изучает условия, которые способствуют повышению ее качества.

Итак, еще раз определим свою позицию. Ограничения рефлексии не противоречат возможности самопознания. Более того, рефлексия — это единственный возможный путь самопознания. Самобытие познается только в рефлексивной интерпретации, какой бы эффективной или неэффективной она не была. Наша задача состоит не в том, чтобы высказывать исключительно пессимистические мнения по поводу возможностей рефлексии, а попытаться исследовать ресурсы рефлексии, понять механизмы, которые помогут нам повысить ее возможности. Все это можно суммировать в следующем тезисе: *рефлексия — это путь постижения самобытия в его непосредственной сущности.*

Список литературы

1. *Алексеев И.С.* Концепция дополнительности (Историко-методологический анализ). М., 1978.
2. *Гуссерль Э.* Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М., 1999.
3. *Кассирер Э.* Избранное. Опыт о человеке. М., 1998.
4. *Ортега-и-Гассет Х.* Эстетика. Философия культуры. М., 1991.
5. *Франкл В.* Основы логотерапии. Психотерапия и религия. СПб., 2000.
6. *Шеллер М.* Положение человека в Космосе //

- Проблема человека в западной философии. М., 1988.
7. Юм Д. Исследование о человеческом разуме-нии. М., 1995.
8. *James W.* The principles of psychology. Vol. I. N.Y., 1950.
-

DEBATE ABOUT THE «GNOSEOLOGICAL RESTRICTIONS» OF REFLECTION

D.G. Trunov

Perm State University, 15, Bukirev str., Perm, 614990

In article are discussed characteristics of the reflective act (retention, reproduction), which cause the doubt in adequacy data, which the person gets as a result of reflective consciousness. There is realised metaphoric analysis of reflection, offered alternative metaphore of reflectio, in which reflection appears as act of the introspection, not discordant, but not distorting data.

The keywords: productiveness; reflectiveness; retention; reproduction; consciousnesses; metaphore; metaphoric analysis; modification of the sufferings

УДК 159.923:159.9.072.533

ОБ ИЗМЕРЕНИИ ЧЕРТ ЛИЧНОСТИ ПОСРЕДСТВОМ ВРЕМЕНИ РЕАКЦИИ (ЧАСТЬ II: РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ)*

С.А. Шебетенко, С.В. Вайнштейн

Пермский государственный университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15
e-mails: shebetenko@rambler.ru, psytab@psu.ru

В статье представлены основные результаты эмпирического исследования взаимосвязей эксплицитных, имплицитных, экспертных и поведенческих оценок личности. Описывается модификация имплицитного ассоциативного теста модели Большой Пятёрки. На конкретном эмпирическом материале анализируются возможности, ограничения и артефакты эксплицитных и имплицитных измерений личностных черт. Имплицитный показатель экстраверсии способен предсказать релевантный поведенческий показатель. Ряд эксплицитных показателей черт личности, а также экспертные оценки позволяют определить различные поведенческие показатели. Обсуждаются возможные концептуальные и методические следствия использования имплицитных тестов для дифференциальной психологии.

Ключевые слова: Большая Пятёрка; имплицитный ассоциативный тест; личностные вопросники; поведенческие показатели; экспертные оценки

Метод

Участники. В исследовании приняли участие 62 студента специальности «Психология» философско-социологического факультета Пермского государственного университета. Данные тестов 4 участников были исключены по причине их неполноты или существенного отклонения от среднего во времени реакции и числе ошибок при выполнении основного задания (см. ниже параграф о Тесте имплицитных ассоциаций). Итоговая выборка составила 58 чел., в их числе – 12 мужчин и 46 женщин в возрасте от 19 до 25 лет ($M=19.91$, $SD=1.33$). Кроме того, в различных расчетах число включенных участников несколько варьируется в силу того, что у отдельных участников не удалось получить

полную информацию по поведенческим показателям.

Процедура. Исследование проводилось в 2 этапа. На первом этапе участники заполняли пакет тестов-вопросников. Работа проводилась в группах. На втором этапе участники выполняли Тест имплицитных ассоциаций, ряд поведенческих тестов и выступали в качестве экспертов. Кроме того, часть выборки выполняла тест на переключаемость внимания. Наконец, следует отметить, что эмпирическая часть исследования проводилась в два сезона, между которыми, с учетом предварительных результатов, мы внесли определенные коррективы в поведенческие показатели. При этом в отношении основных исследовательских процедур, в частности замера эксплицитных и имплицитных

© Шебетенко С.А., Вайнштейн С.В., 2010

* Данная статья представляет собой продолжение статьи «Об измерении черт личности посредством скорости реакции (Часть I: Постановка проблемы)», опубликованной в предыдущем номере «Вестника».

черт, процедура исследования была полностью стабильной. В общей выборке данные 26 участников были получены в ходе первого сезона, данные 32 других участников – в ходе второго сезона.

Эксплицитные тесты (вопросники). Участники заполняли 2 вопросника, направленных на измерение пятифакторной модели черт личности: (1) русскоязычную версию Big Five Inventory (BFI; [19; 20]); (2) «Пятифакторный вопросник личности» [10]. BFI показал себя в качестве одного из ключевых тестов для измерения Большой Пятерки, способным быть эффективной альтернативой более распространенному NEO-PI [14]. BFI не является вопросником в классическом понимании, поскольку представляет собой список из 44 словосочетаний, заканчивающих общее начало суждения: «Я считаю себя тем, кто...». Перевод BFI на русский язык был осуществлен авторами статьи. Была использована процедура обратного перевода: русский перевод BFI был далее переведен на английский язык независимым переводчиком. После этого оригинальный английский текст BFI был сравнен с итоговым английским переводом, а обнаруженные различия обсуждались для внесения корректив в итоговый русский текст. На выборке из 141 чел., в число которых вошли и участники этого исследования, четыре подшкалы BFI (экстраверсия, нейротизм, добросовестность, открытость опыту) показали хорошую внутреннюю согласованность ($\alpha=.82, .78, .76, .78$ соответственно), в то время как добросовестность показала удовлетворительную согласованность ($\alpha=.67$)¹. Все подшкалы BFI были распределены нормально, все $KS\ d < .13$, все $p > .2$.

С учетом того, что на начало исследования психометрическая состоятельность BFI оставалась под вопросом, мы включили в план «Пя-

тифакторный вопросник личности» (ПВЛ; [10]). ПВЛ является отечественной методикой, созданной на основе пятифакторной модели личности. Методика представляет собой вопросник, состоящий из биполярных утверждений. Всего методика включает в себя 75 пар утверждений. Представлены данные психометрических испытаний ПВЛ [10]. В нашем исследовании ($n=65$) подшкалы ПВЛ показали хорошую внутреннюю согласованность: $\alpha=.80, .84, .79, .89, .73$ для экстраверсии, привязанности (аналог доброжелательности), контролирования (аналог добросовестности), эмоциональности (аналог нейротизма) и игривости (аналог открытости опыту) соответственно. Все подшкалы ПВЛ были распределены нормально, все $KS\ d < .12$, все $p > .2$.

Соответствующие подшкалы BFI и ПВЛ хорошо коррелировали между собой: для экстраверсии, $r(57)=.794$, для доброжелательности, $r(57)=.747$, для добросовестности, $r(57)=.660$, для нейротизма, $r(57)=.786$, для открытости опыту, $r(57)=.650$. Этот последний результат свидетельствует в пользу конвергентной валидности BFI. Кроме того, в части дивергентной валидности отметим, что ни одна из подшкал BFI и ПВЛ не коррелировала с показателем переключения внимания (см. ниже: «Красно-черные таблицы»), все $-.14 < r(26) < .27$, все $p > .18$.

Красно-черные таблицы. Для оценки переключаемости внимания использовалась методика отыскивания чисел по модифицированным таблицам Шульте, разработанная для измерения помехоустойчивости у операторов [2]. Эта широко распространенная методика состоит из трех серий работы с таблицей, включающей 49 чисел, из них 25 черных и 24 красных. В первой и второй сериях испытуемый должен указать в прямом и обратном порядке числа одного цвета. В третьей серии попеременно отыскиваются черные и красные цифры при сохранении порядка предыдущих серий. Фик-

¹ Психометрическим испытаниям BFI будет посвящена отдельная публикация.

сировалось время выполнения каждой серии, и рассчитывался коэффициент переключаемости внимания по стандартной формуле (отношение времени выполнения третьей серии к времени выполнения первых двух) без каких-либо поправок. Время выполнения каждой серии распределилось нормально ($KS\ d1=.146$; $KS\ d2=.108$; $KS\ d3=.11$ все при $p>0,2$). Время выполнения третьей серии, в которой необходимо

было дифференцировать однотипные, но различные стимулы, варьировалось в интервале 144-300 с ($M=217.08$, $SD=45.06$). Коэффициент переключаемости варьировался от 1.41 до 2.8 ($M=1.9$, $SD=0.39$). Корреляционный анализ не обнаружил значимых взаимосвязей между показателями Красно-черных таблиц и показателями Теста имплицитных ассоциаций.

Таблица 1. Тест имплицитных ассоциаций применительно к доброжелательности

Этап	Число попыток	Задача	Приписка клавиш	
			D (левая клавиша)	K (правая клавиша)
1	20	Дифференциация объекта	Я	Другой
2	20	Дифференциация атрибута	Доброжелательность	Враждебность
3	20	Первичная скомбинированная задача (тренировка)	Я, доброжелательность	Другой, враждебность
4	40	Первичная скомбинированная задача (основная)	Я, доброжелательность	Другой, враждебность
5	20	Обратная дифференциация атрибута	Враждебность	Доброжелательность
6	20	Обратная скомбинированная задача (тренировка)	Я, враждебность	Другой, доброжелательность
7	40	Обратная скомбинированная задача (основная)	Я, враждебность	Другой, доброжелательность

Тест имплицитных ассоциаций. Для измерения имплицитных черт личности использовался Тест имплицитных ассоциаций (Implicit Association Test; IAT [17]). Мы использовали стандартную компьютерную версию IAT с помощью программы Inquisit 3.0. Нами была осуществлена русификация IAT, а также его адаптация к задачам исследования, т.е. измерению черт Большой Пятерки. Тестирование проводилось индивидуально. Участник размещался перед компьютером с 17-дюймовым монитором и стандартной клавиатурой, или ноутбуком с 15-дюймовым монитором¹. Задачей участников была дифференциация предъявляемых вер-

бальных стимулов в одну из двух противоположных категорий. Стимульное слово выводилось на экран без аудиального дублирования. При этом стимулы различались по цели («Я»/«Другой») и атрибутам (каждая из пяти черт личности, организованные биполярно). Полная оценка отдельной черты личности посредством IAT состояла из 7 этапов (табл. 1). На этапе 1 участники дифференцировали характеристики «Я» и «Другого» (рис. 1). Характеристики в каждую группу собирались на первом, групповом, этапе исследования. В качестве стимульных категорий, репрезентирующих Я и Другого, выступали формальные социально-демографические признаки. Участников просили определить свой статус в семи категориях: имя, возраст, пол, гражданство, род занятий, семейное положение, место рождения.

¹ Разновидность монитора не дифференцировала ни один из основных показателей имплицитных тестов, все $t(56)<1.3$, все $p>.19$.

Здесь же участники должны были определить для этих категорий совершенно неприемлемый для себя статус («Другой»). Например, в категории возраст: Я – 20 лет, Другой – 75 лет. При проведении ИАТ полученные индивидуальные значения использовались для каждого участника в отдельности. Таким образом, на мониторе появлялся стимул, относившийся либо к кате-

гории «Я», либо к категории «Другой». Для дифференциации участник должен был использовать одну из двух клавиш – D (если с его точки зрения стимул относится к категории, указанной в левом верхнем углу), или K (если с его точки зрения стимул относится к категории, указанной в правом углу).

Рис. 1. Фрагмент интерфейса ИмPLICITного ассоциативного теста на первом, тренировочном, этапе

Рис. 2. Фрагмент ИмPLICITного ассоциативного теста на 3-7-м этапах

На этапе 2 участник дифференцировал описатели одной из черт личности на принадлежность к Я или Другому. Например, для экстраверсии/интроверсии необходимо было дифференцировать слова вроде «общительность» или «застенчивость». Были составлены списки стимулов (см. приложение 1) для каждой из пяти черт личности: экстраверсии (интроверсии), нейротизма (эмоциональной стабильности), доброжелательности (враждебности), добросовестности (недобросовестности), открытости опыту (заурядности). Учитывая, что отдельные из этих описателей являются потенциально малопонятными, при предъявлении на мониторе они были заменены на более обыденные синонимы. В частности, нейротизм был представлен как «Тревожность» («Спокойствие»), экстра-

версия – как «Экстраверсия» («Интроверсия»), доброжелательность – как «Доброжелательность» («Враждебность»), добросовестность – как «Добросовестность» («Безответственность»), а открытость опыту – как «Утонченность» («Заурядность»). Списки были получены эмпирически; независимой группе студентов-психологов (n=40) нужно было оценить выраженность у себя каждого из 70 прилагательных по 7-бальной шкале. Список этих прилагательных был составлен авторами на основе списка маркеров Большой Пятерки Goldberg [16], а также толковых словарей русского языка [3; 6]. В качестве описателей той или иной черты личности использовались те прилагательные, которые образовали простую факторную структуру для данной черты. Как и в первой се-

рии, для дифференциации участник использовал клавиши D и K.

На этапе 3 IAT участник должен был дифференцировать обе группы одновременно. Допустим, что в данной серии изучается имплицитная экстраверсия. В этом случае на третьем этапе участник должен нажимать на клавишу D всякий раз, когда в центре экрана появляется стимул, который относится либо к «Я», либо к «экстраверсии». С другой стороны, участник должен нажимать на клавишу K всякий раз, когда в центре экрана появляется стимул, относящийся либо к «Другому», либо к «интроверсии» (см. рис.2). Этап 3, тренировочный, включает в себя 20 попыток.

Этап 4 полностью повторяет этап 3 за исключением того, что он не является тренировочным, а основным, и состоит из 40 попыток. Как принято в современных исследованиях с IAT, результаты, полученные на третьем и четвертом этапах, при последующей обработке агрегируются. Это обусловлено тем, что Greenwald, Nosek, and Banaji [18] показали, что реакции в «тренировочной» и «основной» сериях статистически не различаются между собой, а включение в итоговый показатель реакций в тренировочной серии увеличивает надежность теста.

На этапе 5 участник вновь выполнял этап 2 с единственным отличием: состояния в паре менялись местами. Так, если на этапе 2 к клавише D была приписана экстраверсия, а к клавише K – интроверсия, то на этапе 5 к клавише D была приписана интроверсия, а к клавише K – экстраверсия.

Этап 6 воспроизводил этап 3 с той разницей, что атрибуты (например, экстраверсия/интроверсия) здесь приписывались к клавишам D и K в соответствии с этапом 5. Таким образом, продолжая заданный пример, участник должен был нажимать на клавишу D всякий раз, когда в центре экрана появлялся стимул, относящийся либо к категории «Я», либо к

категории «Интроверсия». С другой стороны, участник должен был нажимать на клавишу K всякий раз, когда предъявленный стимул относился либо к «Другому», либо к «Экстраверсии». Как и этап 3, этап 6 предъявлялся участнику в качестве тренировочного.

Этап 7 полностью воспроизводил этап 6 за тем исключением, что он предъявлялся участнику как «основной». Данные, полученные на этапах 6 и 7, при расчетах агрегировались.

Имплицитная склонность, в данном случае – к экстраверсии или интроверсии, высчитывалась на основе разницы между средней скоростью реакции на этапах 6 и 7 (агрегированно) и средней скоростью реакции на этапах 3 и 4 (агрегированно). В соответствии с рекомендациями Greenwald et al. [18], использовалась скорректированная в коэффициент D арифметическая разность. Коэффициент D предполагает коррекцию слишком быстрых реакций (быстрее 300 мс приравнивались к 300 мс), слишком медленных реакций (дольше 3000 мс приравнивались к 3000 мс), ошибок¹ («штраф за ошибку» = среднее время реакции данного индивида + 600 мс), а также коррекцию полученной разницы на среднее стандартное отклонение от совершенных данным индивидом попыток.

Стимулы предъявлялись в центре экрана. Категории предъявлялись либо в левом верхнем углу экрана (реакция клавишей D), либо в правом верхнем углу экрана (реакция клавишей K). Последовательность этапов, их содержание и количество попыток на примере оценки доброжелательности приведены в табл. 1.

Межстимульный временной интервал составлял 250 мс. После ошибочной реакции (приписка стимула к нерелевантной категории) в центре на экране появлялся красный крест. В

¹ Под «ошибкой» понимается определение стимула, появляющегося в центре экрана, в ложную категорию. Например, «общительность» - в «Интроверсию».

инструкции участникам сообщалось, что красный крест означает ошибочную реакцию. Хотя расчет времени реакции в ошибочной попытке происходил по стандартной схеме (см. выше), участник тем не менее должен был дать верный ответ после совершенной ошибки.

Каждый участник должен был оценить все пять черт личности посредством IAT. Таким образом, каждый участник проходил пять IAT один за другим. Порядок предъявления серий личностных IAT для каждого участника задавался случайно. Поскольку мы предполагали, что по окончании первой серии большинство участников в достаточной степени освоили процедуру, для снижения рутинности работы в сериях со второй по пятую этапы 2 и 5 были опущены.

Участников инструктировали отвечать предельно быстро и правильно.

Поведенческие индикаторы. По ряду причин поведенческие индикаторы нескольких участников не были получены. В дальнейшем применительно к каждому поведенческому индикатору будет указано количество участников, у которых он был получен. Поведенческие индикаторы одной участницы не рассматривались, поскольку она участвовала в проекте в качестве ассистента и, как следствие, могла проявлять повышенную склонность к согласию в заданиях этого блока.

Рассматривалось два поведенческих показателя, гипотетически обусловленных *экстраверсией*. Во-первых ($n=54$), участнику предлагали поработать в качестве ассистента исследователя, выбрав предварительно один из двух видов деятельности: (а) проводить опрос на улицах города, или (б) вводить полученные данные в электронные таблицы на компьютере, находясь в лаборатории. При этом выбор варианта (а) рассматривался как показатель экстраверсии, в то время как выбор варианта (б) определялся как показатель интроверсии. 30 уча-

стников согласились на вариант (а), 24 – на вариант (б).

Во-вторых ($n=39$), была собрана информация о числе так называемых «друзей», имеющих у участника в личном аккаунте, функционирующем в социальной сети «ВКонтакте.ру». Данная социальная сеть является крупнейшей в России на 2009 г. [9], пользующейся особой популярностью среди молодежи, чем и был обусловлен ее выбор. Были получены данные по 38 участникам. Количество «друзей» среди участников варьировалось в диапазоне от 58 до 605 ($M=237.61$; $SD=139.44$; $KS d=.12$, $p>.2$).

Два других поведенческих показателя рассматривались как референтные для *доброжелательности*. Во-первых ($n=25$), участнику предлагалось оказать помощь факультету и абитуриентам в виде общения с последними в плане ознакомления с жизнью университета и факультета. Участнику сообщалось, что эта работа является «безвозмездной, исключительно на основе Вашей доброй воли». Показателем доброжелательности считалось согласие, недоброжелательности – отказ. 12 участников согласились на предложение, 13 – отказались.

Во-вторых ($n=30$), в процессе дебрифинга участникам сообщались результаты выполнения ими ВФИ. При этом в отношении двух из пяти переменных давалась информация, обратная имеющейся. Оценивалась реакция участника на «ошибочную обратную связь». В качестве двух экспертов выступали авторы статьи. Для оценки использовалась шкала от 5 (активное несогласие) до 1 (полное согласие). Оценки реакций варьировались в полном диапазоне ($M=3.73$; $SD=.1.08$; $KS d=.30$, $p>.01$).

В части *открытости опыту* ($n=56$) участникам предлагалось «поучаствовать в исследовании креативности, где будет применяться новый оригинальный тест». При этом отмечалось, что «тестирование достаточно громоздкое и займет 2-3 часа Вашего времени». Показателем

открытости опыту было согласие на участие в тестировании, закрытости от опыта – отказ в участии. 37 участников согласились на предложение, 19 – отказались.

В качестве поведенческих индикаторов *нейротизма* использовались два. Во-первых ($n=55$), участнику показывался рекламный видеоролик энергетического напитка *K-fee*, обыгрывающий тему резкого перепада возбуждения от низкого (демонстрация идиллической прибрежной картины) до высокого (резкое переключение на демонстрацию агрессивного монстра, сопровождающего свое появление пронзительным криком). Показателем нейротизма считалась поведенческая реакция на появление монстра. Показатель нейротизма увеличивался по мере увеличения числа разнообразных реакций. Оценивались: вербальные реакции, мимика и движение глаз, наклон корпуса в горизонтальной или вертикальной плоскости, движение плеч и предплечий, движение кистей и пальцев. Реакции оценивались двумя экспертами (авторами статьи) методом наблюдения. Затем оценки двух экспертов усреднялись для получения итогового показателя нейротизма у данного участника. Показатель нейротизма варьировался от 0 (отсутствие каких-либо реакций) до 5 (полный спектр оцениваемых реакций). Оценки диапазона реакций варьировались в полном возможном размере ($M=2.03$, $SD=1.46$; $KS\ d=.13$, $p>.1$).

Во-вторых, части участников ($n=31$) сообщалось, что они «сейчас выполняют задание на внимание». В этой связи они должны были считать стандартные звуки («Критическая ошибка Windows»), повторявшиеся через 800 мс. Участнику сообщалось, что он мог прекратить счет в любой момент, «когда почувствует, что ему надоело, он больше не может, или по любым другим причинам», и что время остановки никак не повлияет на его результат, поскольку исследователи «все равно» будут сравнивать число посчитанных звуков со временем,

которое участник потратил на выполнение задания. Показателем нейротизма было количество посчитанных звуков. Оно варьировалось в диапазоне от 23 до 366 ($M=120.61$, $SD=120.13$; $KS\ d=.22$, $p>.05$).

Использовалось два показателя, гипотетически отнесенных нами к *добросовестности*. Во-первых ($n=58$), по окончании работы участника просили в течение трех дней отправить на электронный адрес лаборатории краткое эссе о своем впечатлении от прошедшего тестирования. Показателем добросовестности было появление письма участника с эссе на электронном ящике лаборатории, показателем недобросовестности было отсутствие такого письма. 9 участников прислали письма, при этом троих из них не удалось идентифицировать, остальные 49 участников отзыв не прислали. Из-за недостатка данных по одному из значений независимой переменной мы приняли решение исключить этот показатель из дальнейшего анализа.

Во-вторых, для части участников ($n=31$) оценивалось время прихода на исследование с точностью до минуты. При этом за 0 бралось появление участника в лаборатории строго в соответствии с расписанием, положительные значения относились к опозданию, отрицательные – к раннему приходу. Этот показатель варьировался от -7 до 45 ($M=5.29$; $SD=10.20$; $KS\ d=.19$, $p<.15$). Кроме того, этот показатель вычислялся с приравниванием отрицательных значений к нулю ($M=6.06$; $SD=9.52$; $KS\ d=.26$, $p<.05$).

Экспертные оценки. Участника просили оценить троих случайно определенных сокурсников (также участвовавших в исследовании) по 10 пунктам, извлеченным из BFI. Извлеченные пункты были фиксированными для всех участников; на каждую субшкалу приходилось по 2 пункта. Участникам сообщалось, что цель данного тестирования – экспертные оценки; участников заверяли, что эта экспертиза является анонимной (участники не подписывали

бланк), проводимой исключительно с исследовательскими целями, и никак не отразится на тех людях, которых предлагается оценить, равно как и на самом участнике. Таким образом, черты личности каждого участника были оце-

нены 3-4 сокурсниками. Экспертным показателем черт личности было среднее арифметическое для оценок данной черты экспертами, оценивавшими данного участника.

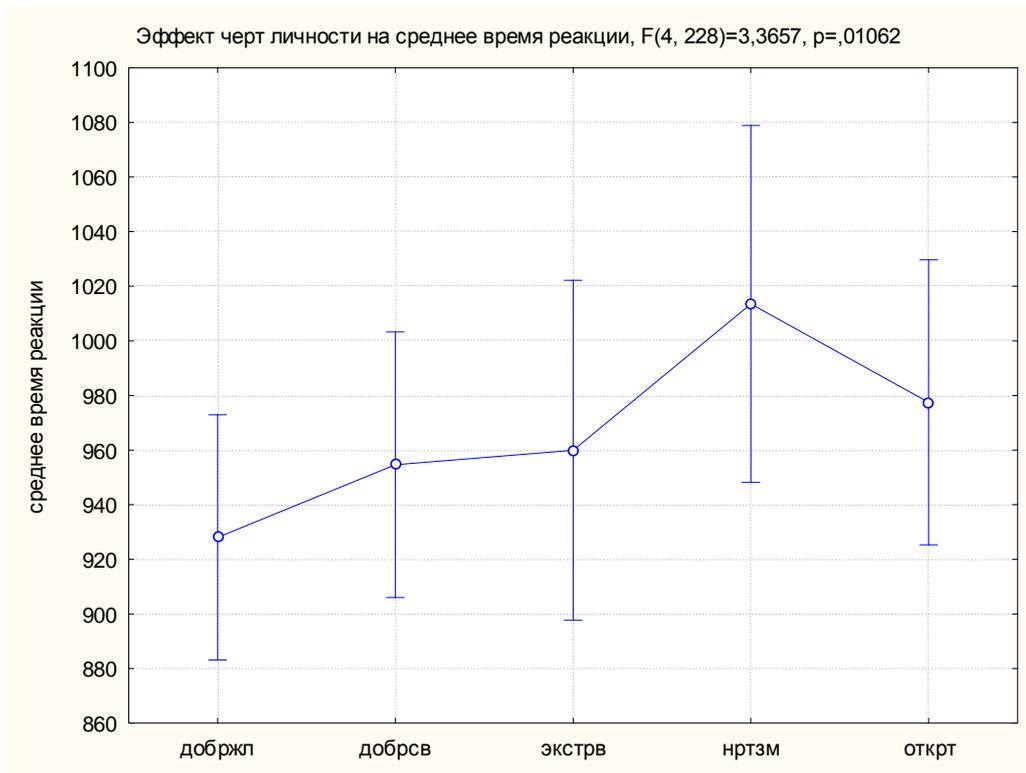

Рис. 3. Эффект черт личности на среднее время реакции

Результаты

ИмPLICITНЫЕ ЧЕРТЫ ЛИЧНОСТИ И ПЕРЕКЛЮЧАЕМОСТЬ ВНИМАНИЯ. Показатели имплицитных черт личности не коррелировали с показателем переключаемости внимания, все $p > .55$.

ИмPLICITНЫЕ ЧЕРТЫ: ЭФФЕКТ ПОРЯДКА.

Поскольку мы использовали метод повторных измерений, мы были обязаны оценить получаемые в его результате внутригрупповые различия.

Во-первых, мы обнаружили главный эффект черты личности на среднюю скорость ре-

акции, ANOVA, метод повторных измерений, $F(4, 228)=3.37, p=.01$ (рис. 3).

Из этого результата, в частности, следует, что на оценку нейротизма у участников уходило существенно больше времени, чем на оценку большинства других черт личности (за исключением открытости, $p=.14$, в остальных трех случаях $p < .03$). Напротив, доброжелательность оценивалась быстрее прочих черт личности, причем при сравнении с нейротизмом и открытостью опыту – статистически значимо быстрее, оба $p < .05$.

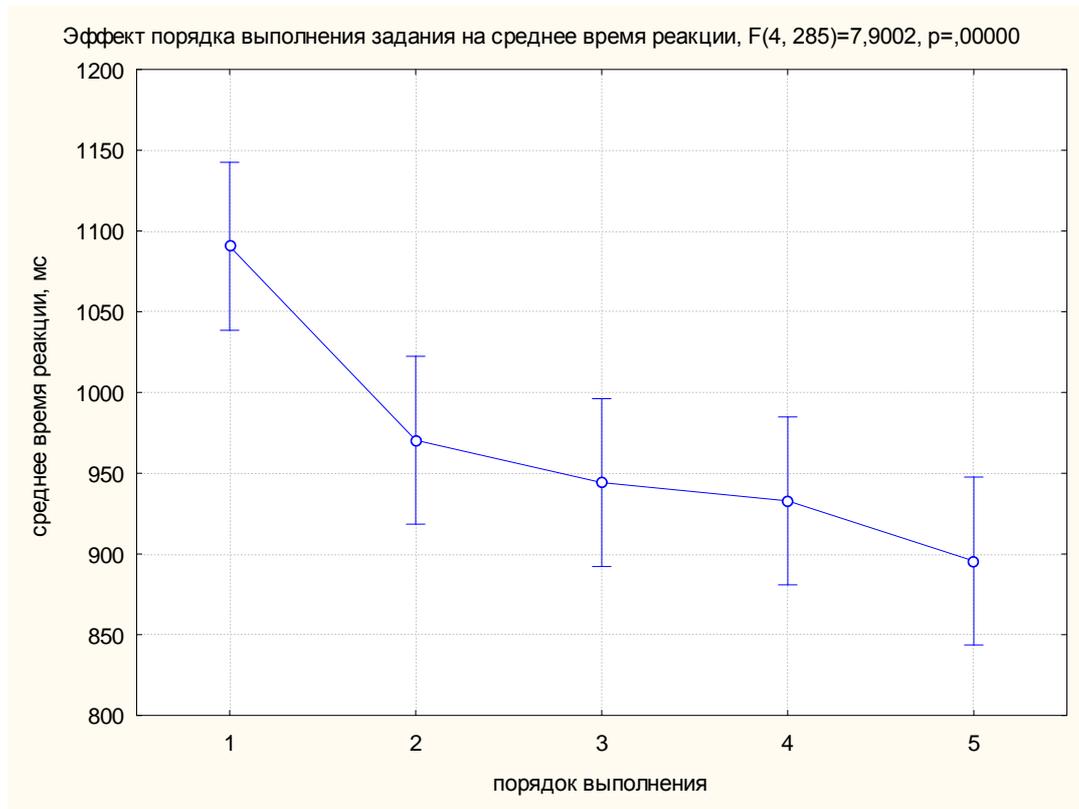

Рис. 4. Эффект порядка выполнения задания на среднее время реакции при выполнении IAT

Во-вторых, порядок, в котором участники выполняли IAT, влиял на среднее время реакции, $F(4, 285)=7.90, p<.001$, так что среднее время реакции убывало от серии к серии (рис. 4). При этом *post hoc* сравнения показали, что статистически достоверно отличалось лишь время реакции в первой серии, в то время как в остальных случаях можно говорить лишь о тенденции. Кроме того, следует отметить, что был получен эффект порядка на основной показатель IAT, $D, F(4, 285)=3.82, p=.005$, выразившийся в том, что значения IAT, полученные в первой серии, существенно отклонялись от значений IAT, полученных в последующих сериях. Порядок не произвел эффекта на процент ошибок в сериях, $F(4, 228)=1.38, p=.242$. Полученные эффекты гипотетически не предполагались, однако по этому поводу можно сформулировать ряд соображений. Во-первых, может происходить адаптация к заданию, что должно приводить к ускорению его выполнения. С другой стороны, если допустить, что участники

предпринимали попытки контролировать свои ответы (что IAT не исключает), можно предполагать, что накапливающаяся усталость и привыкание ослабляли эти попытки, что и выразилось в наблюдаемом ускорении. В любом случае этот результат заставляет нас в дальнейших расчетах использовать как полную матрицу данных, так и скорректированную матрицу, исключаящую данные, полученные в первой серии.

ИмPLICITНЫЕ И ЭКСПЛИЦИТНЫЕ ЧЕРТЫ ЛИЧНОСТИ: ИНТЕРКОРРЕЛЯЦИИ

Корреляции между чертами личности, измеренными эксплицитными тестами (BFI и ПВЛ) и имплицитным тестом (IAT), а также интеркорреляции между имплицитными и эксплицитными показателями представлены в табл. 2 и 3.

Как видно из табл. 2, статистически значимо коррелировали между собой только имплицитный и эксплицитный показатели экстравер-

сии. Эта корреляция была высокосignификантной как между IAT и BFI, так и между IAT и ПВЛ. При этом из табл. 3 следует, что при исключении данных, полученных в серии 1, сопряженность имплицитного показателя экстраверсии с эксплицитными сохраняется на прежнем уровне. Кроме того, возрастает сопряженность имплицитного и эксплицитных показателей добросовестности. При этом корреляция добросовестности, измеренной IAT и BFI, приближается к значимой. Наконец, следует отметить, что

корреляции черт личности, измеренных IAT, после исключения серии 1 практически во всех случаях увеличились либо, достигнув уровня значимости, существенно к нему приблизились (в первую очередь – отрицательная корреляция нейротизма и добросовестности). К сожалению, в данном случае технически невозможно осуществить факторный анализ, но визуальный анализ попарных корреляций позволяет ожидать получения простой факторной структуры после исключения из расчетов серии 1.

Таблица 2. Интеркорреляции имплицитных и эксплицитных показателей черт личности, измеренных BFI и IAT (n=58)

№ п/п	Черта	1	2	3	4	5
1	Экстраверсия	.54*** (.47***)	-.17	.32*	.31*	.31*
2	Нейротизм	-.36** (-.39***)	-.07 (.02)	-.01	-.31*	-.18
3	Добросовестность	-.01 (.31*)	-.21 (-.05)	.15 (.08)	.27*	.31*
4	Добросовестность	.36** (.30*)	-.34** (-.02)	.16 (.41**)	.16 (.20)	.36**
5	Открытость опыту	-.01 (.31*)	.06 (.12)	.32* (.37**)	-.10 (.10)	-.03 (.11)

Примечание: Над диагональю приведены корреляции черт личности, измеренные IAT; под диагональю – корреляции черт личности, измеренные BFI; на диагонали – интеркорреляции IAT и BFI выделены курсивом (в скобках – корреляции ПВЛ); * $p < .05$; ** $p < .01$; *** $p < .001$.

Таблица 3. Интеркорреляции имплицитных и эксплицитных показателей черт личности, измеренных BFI и IAT (после исключения данных, полученных в серии 1)

№ п/п	Черта	1 (n=48)	2 (n=46)	3 (n=43)	4 (n=49)	5 (n=42)
1	Экстраверсия	.55*** (.52***)	-.32* (n=38)	.34* (n=35)	.33* (n=41)	.30 [†] (n=33)
2	Нейротизм	-	.09 (.04)	-.27 (n=33)	-.31 [†] (n=39)	-.36* (n=31)
3	Добросовестность	-	-	.29 [†] (.21)	.32* (n=36)	.32 [†] (n=28)
4	Добросовестность	-	-	-	.16 (.20)	.48** (n=34)
5	Открытость опыту	-	-	-	-	-.24 (-.11)

Примечание: Над диагональю приведены корреляции черт личности, измеренные IAT; интеркорреляции IAT и BFI – на диагонали и выделены курсивом (в скобках приведены корреляции ПВЛ; в заголовках столбцов указано количество случаев, задействованных в эксплицитно-имплицитных корреляциях); $p < .1$; * $p < .05$; ** $p < .01$; *** $p < .001$

Предсказание поведенческих показателей черт личности

Экстраверсия. Поскольку первый индикатор экстраверсии был выражен в бинарной шкале, мы применили t-критерий для независимых групп, где в качестве независимой переменной выступал поведенческий показатель экстраверсии, а в качестве зависимых переменных по-

очередно выступали показатели экстраверсии, полученные различными способами. Были рассмотрены эффекты поведенческой экстраверсии на два показателя эксплицитной экстраверсии (BFI и ПВЛ), показатель имплицитной экстраверсии, экспертную оценку экстраверсии индивида. Кроме того, поскольку мы выбирали поведенческие показатели исходя из своих

субъективных представлений об их валидности, мы включили в качестве зависимых переменных все остальные показатели черт личности. В этом последнем случае с целью экономии в

таблицы включались лишь те случаи, когда эти показатели дифференцировались посредством данного поведенческого показателя. Результаты представлены в табл. 4.

Таблица 4. Дифференциация показателей экстраверсии по поведенческому индикатору экстраверсии

Показатель	n	Экстраверты (поведение)	Интроверты (поведение)	t	p
ВFI Экстраверсия	53	3.46	3.30	.79	.44
ПВЛ Экстраверсия	54	2.65	2.39	1.54	.13
ПВЛ Доброжелательность	54	2.62	2.17	2.64*	.011
IAT Экстраверсия	54	-.41	-.23	1.96*	.05
IAT Экстраверсия (искл. 1 серию)	46	-.43	-.15	2.80**	.007
IAT Добросовестность	53	-.47	-.30	2.03*	.05
IAT Добросовестность (искл. 1 серию)	46	-.43	-.29	1.45	.15
Экспертная оценка экстраверсии	53	3.80	3.59	1.05	.30

Примечание: ** $p < .01$; * $p < .05$

Как видно из таблицы, из показателей экстраверсии только экстраверсия, измеренная IAT, достоверно предсказывала выбор формы поведения. При этом рост имплицитной экстраверсии предсказывал выбор работы на улице с респондентами в сравнении с работой в лаборатории за компьютером. При этом исключение данных по экстраверсии, полученных в первой серии, существенно увеличивало силу этого эффекта. Следует отметить, что данный поведенческий показатель дифференцировал доброжелательность, измеренную ПВЛ, а также добросовестность, измеренную IAT. В последнем случае исключение данных первой серии элиминировало этот эффект до незначимого.

Следует также отметить, что эффект формы поведения на имплицитную экстраверсию при исключении данных серии 1 сохранился и при статистическом контроле эксплицитной экстраверсии, измеренной ВFI, ANCOVA $F(1, 42)=8.64$, $p=.005$, однако при включении дан-

ных серии 1 этот эффект элиминировался до незначимого, ANCOVA $F(1, 50)=2.69$, $p=.107$. Это означает, что имплицитный показатель экстраверсии может предсказывать поведенческий индикатор независимо от самоотчетной экстраверсии, но, предположительно, при увеличении доли «имплицитности» в значении IAT.

Далее мы оценили возможность предсказания числа «друзей», имеющихся у участников в социальной сети «Вконтакте.ру» (табл. 5).

Из таблицы видно, что число «друзей Вконтакте.ру» может быть эффективно предсказано эксплицитными показателями экстраверсии, измеренными ВFI и ПВЛ. При этом экспертная оценка экстраверсии, являясь статистически значимым предиктором, уступает самоотчетным показателям экстраверсии. Наконец, имплицитная экстраверсия не смогла предсказать количества «друзей Вконтакте.ру», в том числе – после исключения данных серии 1.

Таблица 5. Корреляция числа «друзей Вконтакте.ру» с показателями черт личности

Предикторы	n	Число «друзей Вконтакте.ру»
ВФИ Экстраверсия	37	.56***
ВФИ Добросовестность	37	.45**
ПВЛ Экстраверсия	37	.66***
Экспертная оценка экстраверсии	37	.38*
ИАТ Экстраверсия	37	.15
ИАТ Экстраверсия (искл. 1 серию)	32	.18

Примечание: * $p < .05$; ** $p < .01$; *** $p < .001$

Таблица 6. Корреляция числа импульсивных реакций на телерекламу с показателями черт личности

Предикторы	n	Число импульсивных реакций
ВФИ Нейротизм	53	.17
ВФИ Добросовестность	53	.25 [†]
ПВЛ Нейротизм	53	.26 [†]
ПВЛ Добросовестность	53	.50***
ИАТ Нейротизм	53	.20
ИАТ Нейротизм (искл. 1 серию)	44	.23
Экспертная оценка нейротизма	53	.06

Примечание: [†] $p < .1$; *** $p < .001$

Таблица 7. Корреляция числа монотонных звуковых сигналов, зафиксированных участником, с показателями черт личности

Предикторы	n	Число зафиксированных звуков
ВФИ Нейротизм	31	-.39*
ВФИ Открытость опыту	31	-.36*
ПВЛ Нейротизм	31	-.31 [†]
ИАТ Нейротизм	31	-.01
ИАТ Нейротизм (искл. 1 серию)	25	-.05
ИАТ Доброжелательность	31	-.37*
Экспертная оценка нейротизма	31	.33 [†]

Примечание: [†] $p < .1$; * $p < .05$

Следует также отметить, что два поведенческих показателя, отнесенных нами к экстраверсии, не коррелировали между собой, $t(35) = .04$, $p = .96$.

Нейротизм. Мы оценивали взаимосвязь числа импульсивных реакций на появление пугающего образа в рекламе с показателями черт личности, рассматривая первый как релевантный нейротизму (табл. 6).

Из таблицы следует, что показатель, рассматриваемый нами релевантным нейротизму, может быть скорее объяснен эксплицитной добросовестностью. Этот результат вполне по-

нятен, если принять во внимание тот факт, что одним из компонентов «Добросовестности» является контроль импульсивности (John et al., 2008), а в ПВЛ соответствующая субшкала, вообще, называется «Контролем». Нейротизм же (как эксплицитный, так и имплицитный) лишь приближался к значимому уровню предсказания данного поведенческого показателя. Имплицитный показатель добросовестности не предсказывал данный поведенческий показатель.

Другим поведенческим показателем нейротизма считалось количество монотонных зву-

ковых сигналов, которые сумел выдержать участник (результаты приведены в табл. 7). Следует также отметить, что два поведенческих показателя, отнесенных нами к нейротизму, умеренно коррелировали между собой в ожидаемом направлении, $r(31)=-.37, p<.05$.

Из таблицы следует, что оба эксплицитных показателя нейротизма были способны умеренно предсказать число монотонных звуков, зафиксированных участником. При этом с ростом нейротизма число подсчитанных звуков сокращалось, что соответствует нашим предсказаниям. ИмPLICITный показатель нейротизма не

предсказал число подсчитанных звуков. Неожиданной явилась, однако, корреляция числа подсчитанных звуков с имPLICITной враждебностью. Возможно, рост имPLICITной враждебности заставляет рассматривать подобное задание как вызов, требующий упорства. Однако следует повторить, что этот результат носит характер артефакта и для каких-либо серьезных теоретизирований требует своего неоднократного воспроизведения. То же самое относится к отрицательной корреляции между эксплицитной открытостью опыту, измеренной ВФИ, и числом подсчитанных звуков.

Таблица 8. Дифференциация показателей черт личности по готовности оказать помощь абитуриентам (t-критерий)

Показатель доброжелательности	n	«Доброжелательные» (поведение)	«Недоброжелательные» (поведение)	t	p
ВФИ Доброжелательность	24	3.52	3.39	.57	.57
ПВЛ Доброжелательность	25	2.73	2.44	1.07	.29
ИАТ Доброжелательность	25	-.43	-.40	.19	.85
ИАТ Доброжелат. (искл. серию 1)	18	-.38	-.29	.64	.53
Экспертная оценка доброжелательности	24	4.03	3.38	2.22*	.04
Экспертная оценка добросовестности	24	3.91	2.96	3.02**	.006

Примечание: * $p <.05$; ** $p <.01$

Доброжелательность. Первый предположительный поведенческий индикатор доброжелательности (согласие оказать помощь абитуриентам) значимо дифференцировал только экспертные оценки (табл. 8). Те, кто согласился безвозмездно оказать помощь факультету и абитуриентам, воспринимаются сокурсниками как более доброжелательные и, что не предсказывалось, добросовестные. Ни эксплицитные, ни имPLICITные показатели доброжелательности не приблизились к статистически значимому предсказанию поведенческой доброжелательности.

Второй предположительный поведенческий индикатор доброжелательности (степень согласия с исследователями касательно фальсифицированных данных вопросника) также значи-

мо коррелировал лишь с экспертной оценкой доброжелательности (табл. 9). В силу того, что данный показатель не был распределен нормально (см. выше), применялась ранговая корреляция Спирмена.

Полученный результат в существенной степени выглядит парадоксальным: тенденция к увеличению доброжелательности предсказывала увеличение несогласия с фальсифицированными данными. При этом в части экспертных оценок доброжелательности эта тенденция достигла порога значимости. При первом приближении можно допустить два объяснения такого результата. С одной стороны, данный поведенческий показатель вообще не является релевантным для доброжелательности. Однако против такой интерпретации говорит значимая от-

рицательная корреляция между ним и экспертной доброжелательностью. С другой стороны, можно предположить, что экспертная оценка доброжелательности (и ниже – открытости опыту) может определяться свойствами самих экспертов, в частности конкурентными отношениями. Однако для проверки этого предположения

опять-таки необходима дополнительная эмпирическая верификация подобного результата, а также, в случае положительного исхода, изучение свойств, его предсказывающих (в первую очередь, черт личности экспертов и конкурентных отношений между экспертом и респондентом).

Таблица 9. Корреляция степени согласия участника с фальсифицированными результатами личностного вопросника с показателями черт личности

Предикторы	n	Согласие с фальсификацией
BFI Доброжелательность	30	-.13
ПВЛ Доброжелательность	30	-.08
IAT Доброжелательность	30	-.22
IAT Доброжелательность (искл. серию 1)	23	-.28
Экспертная оценка доброжелательности	30	-.35*

Примечание: * $p < .05$

Таблица 10. Корреляция времени прихода на индивидуальное тестирование с показателями черт личности

Предикторы	n	Время прихода на тестирование
BFI Добросовестность	31	-.07
BFI Доброжелательность	31	-.37*
ПВЛ Добросовестность	31	-.25
IAT Добросовестность	31	.04
IAT Добросовестность (искл. серию 1)	26	-.03
Экспертная оценка добросовестности	31	-.46**
Экспертная оценка открытости опыту	31	-.38*
Экспертная оценка доброжелательности	31	-.41*

Примечание: * $p < .05$; ** $p < .01$;

Добросовестность. Единственным поведенческим показателем добросовестности была своевременность прихода участника на индивидуальное тестирование. Возможность линейного предсказания этого показателя добросовестностью обнаружилась только в части экспертных оценок. Кроме того, параллельно был получен ряд артефактных корреляций (табл. 10).

В целом время опоздания на тестирование лучше всего предсказывала экспертная недобросовестность, $p = .009$. Однако предположительно определенный вклад в данный показатель может вносить враждебность как черта

личности. Об этом свидетельствуют как данные BFI, так и экспертные оценки. Имплиcitный показатель добросовестности не предсказывал варьирования данного параметра.

Открытость опыту. Мы пытались дифференцировать открытость опыту посредством предложения участия в претесте новой методики креативности. Этот показатель значимо дифференцировал шкалу Открытости опыту в ПВЛ (в ожидаемом направлении), а также открытость опыту по экспертным оценкам (в направлении, обратном ожидаемому). Кроме того, было получено несколько артефактных эффектов (табл. 11).

Таблица 11. Дифференциация показателей черт личности по готовности участвовать в претесте нового теста креативности (*t*-критерий)

Показатель доброжелательности	n	Согласившиеся	Несогласившиеся	t	p
BFI Открытость	55	3.75	3.48	1.84 [†]	.072
BFI Экстраверсия	55	3.58	2.98	2.90**	.005
ПВЛ Открытость	56	4.06	3.76	2.42**	.019
IAT Открытость	56	-.37	-.41	.42	.68
Экспертная оценка открытости	55	3.50	3.82	1.75 [†]	.086
Экспертная оценка нейротизма	55	2.98	3.39	2.40*	.020
Экспертная оценка добросовестности	55	3.31	3.71	1.77 [†]	.083

Примечание: [†] $p < .1$; * $p < .05$; ** $p < .01$

Таким образом, готовность участвовать в претесте по креативности, в целом, эффективно дифференцировала эксплицитную открытость новому опыту. Любопытно, однако, что готовность участвовать в претесте предсказывала снижение открытости опыту, вопреки эксплицитным тестам. Этот последний результат наминает результат в части доброжелательности, описанный выше (см. табл. 9), и подтверждает высказанное ранее допущение, что в определенных случаях черты личности, оцениваемые экспертами, могут обратно коррелировать со своими поведенческими индикаторами.

Кроме того, эксплицитная экстраверсия и эмоциональная стабильность по экспертным оценкам также дифференцировали реакции в данной ситуации. В части экстраверсии результат выглядит понятным, особенно если мы примем в расчет достаточно частую эмпирическую взаимосвязь экстраверсии с открытостью опыту. В части экспертной эмоциональной стабильности полученный результат выглядит артефактом.

Обсуждение

Из пяти черт личности лишь экстраверсия показала высокую имплицитно-эксплицитную согласованность (причем на очень высоком уровне). Это может быть связано с тем, что экстраверсия (в отличие от прочих четырех черт) не имеет выраженной социальной желательности и, как следствие, индивид с большей готовно-

стью полагается на ассоциативные процессы при оценке своей экстраверсии.

Прежде чем приступить к обсуждению результатов в части предсказания поведения, следует отметить несколько моментов. Во-первых, попытки «линейного связывания» тестовых параметров с поведенческими индикаторами обычно терпят фиаско (напр., см. [7] о модели Кэттелла), а потому зачастую избегаются исследователями как «неблагодарное занятие». Варьирование поведения, судя по всему, в значительной степени обусловлено ситуацией [21], потому исследователи диспозициональных подходов могут рассчитывать на реальные корреляции между чертами личности и поведением в диапазоне $.30 < r < .55$. Во-вторых, хотя попытки вывести «лабораторно чистое» поведение, полностью обусловленное варьированием той или иной черты, безусловно, не лишено смысла и интереса, «реальное» поведение является все-таки функцией не только «личности и ситуации», но и функцией нескольких черт личности с различным удельным весом. В-третьих, можно проследить изменчивость и в «натуральности» поведенческих показателей: от импульсивного поведения в лаборатории (в нашем случае это касается, например, показателей нейротизма) и среде до высказывания респондента о том, как он повел бы себя в подобной ситуации (ср. с классическим исследованием Стэнли Милграма; напр., в [11]). В представленной работе эти факторы специально не кон-

тролировались. Таким образом, эти замечания представляются нам важными ограничителями при обсуждении полученных нами результатов, и последующие работы должны по возможности контролировать эти факторы или, по крайней мере, сокращать их неконтролируемое действие.

Предсказание экстравертированного поведения по имплицитному показателю экстраверсии отчасти подтвердило нашу гипотезу: в отдельных случаях ассоциирование Я с экстраверсией может быть связано с релевантным экстраверсией поведением. Однако этот результат не удалось воспроизвести в обоих поведенческих показателях. При этом удивительным является то, что поведение, казалось бы, более спонтанное (количество «друзей Вконтакте.ру»), очень хорошо предсказывалось эксплицитной экстраверсией, но не имплицитной. Напротив, поведение, казалось бы, более подконтрольное сознательному принятию решения, по сути – лишь намерение поведения (выбор формы работы), совершенно не предсказывалось эксплицитными тестами экстраверсии, но хорошо предсказывалось тестом имплицитным. Однако в целом результат в этой части позволяет допускать, что имплицитный тест экстраверсии (особенно при предварительной когнитивной нагрузке, как это, по сути, происходило при исключении данных серии 1), может эффективно предсказывать поведение, релевантное экстраверсии. В пользу последнего вывода также говорит и то, что наши данные в этой части подтверждают результаты, ранее полученные немецкими исследователями [12; 25].

Поведенческая открытость опыту предсказывались эксплицитными тестами и экспертной оценкой открытости (с отрицательным знаком). Здесь наш результат полностью соответствует данным Steffens and Schulze-Konig [25] и Back et al. [12]. Следует также иметь в виду, что, например, Steffens and Schulze-Konig [25] исполь-

зовали поведенческий индикатор, по степени своей натуральности достаточно похожий на наш: самоотчет о числе посещенных культурных мероприятий. На наш взгляд, сознательное принятие решения об участии в тестировании или воспроизведение числа посещенных культурных мероприятий должны в существенной степени обеспечиваться центральными, контролирующими процессами, а ассоциативные процессы в случае расхождения с первыми должны эффективно подавляться. С этим и может быть связано предсказание подобных форм поведения эксплицитными тестами и отсутствие такового для тестов имплицитных.

Почему это неверно для экстраверсии? Возможно, это связано с тем, что экстраверсия/интроверсия не является параметром, однозначно связанным с социальной желательностью, что справедливо применительно к таким чертам, как открытость, добросовестность, доброжелательность и нейротизм. По этой причине индивид более свободно ориентируется при выборе релевантного экстраверсии поведения на ассоциативные процессы, а не на центральные контролируемые. Иначе говоря, в этом случае его поведение должно быть более спонтанным. Подобные заключения предполагают в последующем обратиться к отношениям между имплицитными чертами личности и социальной желательностью.

Как отмечалось выше, отрицательные корреляции между экспертными оценками доброжелательности и открытости могут быть гипотетически обусловлены конкурентными отношениями между экспертами и оценивавшимися участниками. Однако этот результат нами никак не предполагался, а следовательно – не изучался. Для более определенного обсуждения данного вопроса требуется отдельное исследование.

Корреляции эксплицитных показателей нейротизма с числом зафиксированных монотонных звуков могут говорить и о другом: экс-

плицитные тесты могут быть отнюдь не такими плохими в части предсказания спонтанного поведения. Правда, у данного результата возможно и ограничение: полностью спонтанным этот показатель считать нельзя, поскольку в ходе исследования мы могли наблюдать, что участники стараются «досидеть» до определенного, вероятно, ранее задуманного числа. Это, в частности, выразалось в достаточно большом количестве «круглых результатов» - 50, 100, 150 звуков. Однако в любом случае следует признать, что изученные поведенческие показатели нейротизма не предсказывались имплицитным нейротизмом. Тем самым нам удалось лишь отчасти воспроизвести данные, полученные ранее в отношении эксплицитных показателей нейротизма [12; 25], и не подтвердить данные Steffens and Schulze-Konig [25] о возможности линейного предсказания нейротизированного поведения по имплицитному показателю нейротизма.

Отдельные поведенческие показатели вообще не предсказали релевантных эксплицитных и имплицитных черт личности (см., напр., табл. 6, 8, 9, 10). В ряде из этих случаев большую «прозорливость» продемонстрировали экспертные оценки, что может говорить о том, что определенные формы поведения, связанные, например, с доброжелательностью и добросовестностью, определяются скорее типичным ситуативным контекстом (потому их могут предсказывать эксперты), нежели эксплицитными и имплицитными установками индивида на свои черты личности.

В целом полученные результаты оставляют двойственное впечатление. С одной стороны, было обнаружено, что имплицитные черты личности могут отличаться от эксплицитных черт. Они, вероятно, обладают более монолитной структурой (возможно, однофакторной), чем эксплицитные черты. С другой стороны, их самостоятельная способность предсказывать релевантное поведение ограничена, возможно,

даже в большей степени, чем эксплицитных черт личности.

Если мы предполагаем, что личностные характеристики все-таки способны предсказывать поведение, нам следует иметь в виду, что эффективность этого предсказания может быть связана с числом включенных в уравнение релевантных показателей данной черты личности. Так, поведение, релевантное экстраверсии, должно быть более полно предсказано при одновременном включении в уравнение регрессии показателей эксплицитной и имплицитной экстраверсии, а также, например экспертных оценок экстраверсии индивида, и (что важно для полноценного предсказания) параметров ситуации. Более того, как показывают результаты нашего исследования, определенное поведение может быть функцией разных черт личности, например, не только экстраверсии, но и открытости опыту. Предсказание поведения с включением в уравнение всех этих параметров должно быть более полным, нежели предсказание данного поведения в простой попарной корреляции с неким параметром (например с имплицитной экстраверсией). Резюмируя в этой части, следует отметить, что самостоятельное значение черт личности как линейных и устойчивых предикторов поведения остается сомнительным. Однако мы предполагаем, что черты личности остаются весьма эвристичным конструктом при множественном предсказании поведения. Отдельные черты личности могут вносить определенный вероятностный вклад в проявление данного поведения. В связи с этим включение в анализ наряду с самоотченными показателями данные ассоциативных тестов представляется исключительно полезным. Об этом, в частности, говорят результаты нашего исследования в части экстраверсии.

Отдельной проблемой является применимость традиционных моделей личности к конструкту имплицитных черт. Дело в том, что в подавляющем большинстве случаев диспози-

циональные модели разрабатываются на основе данных, полученных с помощью вопросников, т.е. эксплицитных тестов. Так, в частности, в модели Back et al. [12] предполагается, что индивид действительно эксплицитно будет квалифицировать ситуации и, соответственно, инициировать свое поведение, согласно эксплицитным чертам своей личности (как наиболее вероятный на сегодня вариант – Большой Пятерки). Однако по каким принципам будут квалифицироваться ситуации и, соответственно, инициироваться поведение индивида в случае имплицитных черт личности? Возможно ли применение в этом последнем случае тех же эксплицитных моделей, той же Большой Пятерки? По крайней мере, у нас нет достаточных оснований утверждать, что архитектура имплицитных черт личности изоморфна архитектуре эксплицитных черт личности. Напротив, мы можем, например, допустить, что имплицитная личностная модель, являясь ассоциативной по сути, будет обладать простейшей структурой. В пределе мы можем получить однофакторную структуру имплицитной личности, обусловленную базовым принципом сближения – удаления (напр., [24]). Об этом, в частности, свидетельствует то, что практически все черты личности, измеренные IAT, коррелируют в согласованном направлении.

Следует также иметь в виду, что Имплицитный ассоциативный тест не может считаться предельно валидным методом для диагностики имплицитных черт личности, если под последними понимать ассоциативные процессы, лежащие в основе самопознания индивида. Об этом, в частности, говорит его подверженность эффектам порядка, обнаруженным в нашем исследовании. Вероятно, что IAT не свободен от центрального контроля при своем выполнении; следовательно, его усовершенствование лежит в плоскости ограничения для индивида возможностей такого центрального контроля. Нам удалось это заметить в том, что

в ряде случаев исключение данных серии 1 приводило к более выраженным (или хотя бы приближавшимся к значимым) взаимосвязям имплицитных черт с поведенческими показателями, более монотонным корреляциям между имплицитными чертами и, наконец, в существенно большем времени реакции при выполнении IAT в серии 1, чем в последующих сериях. Возможно, что создание ситуации дополнительной когнитивной нагрузки [13] при выполнении IAT сможет привести к более валидным результатам в отношении ассоциативных процессов личности. В качестве примера исследований, начинающихся в этом направлении, может быть приведена разработка теста LOAD, предполагающего самооценочные суждения в условиях когнитивной нагрузки (цит. по: [23]).

Заключение

Эксплицитные и имплицитные черты личности позволяют в перспективе включиться в дискуссию касательно классической проблемы дифференциальной психологии: проблемы отношения конструкторов личности и темперамента. Известно, что эти отношения достаточно неоднозначны. Так, в зарубежной психологии оба конструктора характеризуют индивидуальную вариативность поведения. Тем самым неизбежно возникают ситуации пересечения темперамента и личности. Так, например, Rothbart, Ahadi, Hershey, and Fisher [22] определили 3 измерения темперамента: контроль с усилием (effortful control), негативную аффективность и экстраверсию. Очевидно (и авторы это отмечают), что эти три измерения связаны с 3 факторами Большой Пятерки: экстраверсией, нейротизмом и добросовестностью¹. Известна путаница с вопросом, что измеряют вопросники личности(!), созданные Айзенком, – черты лич-

¹ Еще более прямо они могут считаться отражением трех черт личности в более классической модели Айзенка [1]: психотизма, нейротизма и экстраверсии.

ности или темперамента (о концепции личности Айзенка как концепции «личности – темперамента» см. в [3]). Ничего удивительного, таким образом, нет в попытках ограничить конструкт темперамента какой-то своей «территорией», например, вариативностью поведения в раннем детском возрасте [26] или эмоциональной сферой ([15]; здесь тогда встает вопрос о месте темперамента среди эмоций).

Напротив, в отечественной традиции эти два конструкта достаточно четко разграничены на территории «содержательных» и «формальных» свойств [3; 8]. При этом темперамент характеризует формальные свойства, обеспечивая так называемую психодинамическую [5] вариативность (скорость и интенсивность реакции, эмоциональную окраску реакции и т.п.), преимущественно обусловленную врожденными факторами. В то же время личность характеризует т.н. содержательные свойства, так сказать, психосоциальную вариативность, преимущественно обусловленную средовыми факторами. Однако методологически это различие не выглядит достаточно убедительным, что, в частности, выражается в использовании схожих диагностических средств при измерении личности и темперамента. Например, распространенной практикой является использование при диагностике и личности и темперамента вопросниковых методов. Это с неизбежностью усиливает уже методологическое перекрытие конструктов личности и темперамента, увеличивая и без того досадную путаницу.

Возможным решением проблемы может быть вариант, возникающий на территории имплицитного социального познания и черт личности: темперамент может получить новое эвристическое значение при определении его как автоматизированной (ассоциативной) вариативности поведения, измеряемой имплицитными тестами. С другой стороны, личность можно определять как контролируруемую (центральную) вариативность поведения, измеряемой тради-

ционными эксплицитными тестами. Это означает принципиальное разграничение личности и темперамента на методическом уровне: свойства темперамента следует диагностировать исключительно средствами, обходящими центральную обработку информации¹. Применение современных имплицитных тестов в контексте темперамента может быть весьма перспективным. Напротив, свойства личности, в этом смысле, подвержены диагностике средствами, обращенными к центральной обработке информации. Их примером могут быть традиционные самоотчетные тесты вроде ВФИ или ПВЛ.

Наконец, мы не обнаружили каких либо корреляций между личностными параметрами и переключаемостью внимания. Этот результат был ожидаемым, и он показывает, что переключаемость внимания, по крайней мере – линейно, не обуславливает результатов имплицитных тестов черт личности, что говорит в пользу их валидности.

Как уже отмечалось, любое поведение не является чистой функцией того или иного личностного конструкта, например, экстраверсии. В дисперсию данного поведения могут вносить вклад и другие личностные конструкты, например доброжелательность. Конечно, степень «чистоты» того или иного поведения будет варьироваться. На данный момент у нас нет должных оснований для математико-теоретического вывода такой «чистоты». Можно быть практически уверенным, что многие рабочие понятия дифференциальной психологии личности со временем будут уточнены, что неминуемо скажется на эффективности их диагностики и на возможности разработки адек-

¹ В этом положении нет ничего оригинального: скоростные и прочие психофизиологические методы были основным источником данных на протяжении почти всей истории научного изучения темперамента [3; 4]. Однако распространенная практика применения самоотчетов при диагностике темперамента и разработка имплицитных тестов заставляют нас останавливаться на этом вопросе отдельно.

ватных математических моделей. На данном же этапе развития дисциплины нам следует создавать и тестировать эмпирические схемы. Безусловно, для достоверных заключений требуются значительно более репрезентативные и объемные выборки, нежели представленная в данной работе. Мы, очевидно, находимся в начальной точке пути изучения того, как черты личности могут предсказывать поведение, и что собой представляют черты личности в принципе. Безусловно, эта проблема стара как мир. Однако введение в исследовательское поле имплицитных методов социального познания, теоретизация имплицитных (ассоциативных) компонентов наряду с эксплицитными (центральными) компонентами личности, безусловно, имеют смысл и право на существование.

Благодарности

Авторы выражают свою признательность старшему преподавателю кафедры общей и клинической психологии ПермГУ А.Г.Продовиковой за помощь в работе над переводом ВФИ и студентке специальности «Психология» ФСФ ПермГУ О.С. Онучиной за помощь в сборе эмпирических данных.

Список литературы

1. Айзенк Г.Ю. Структура личности. СПб.: Ювента; М.: КСП+, 1999. 464 с.
2. Горбов Ф.Д. О «помехоустойчивости» оператора // Инженерная психология. М.: Изд-во МГУ, 1964. С. 340-357.
3. Ефремова Т.Ф. Большой современный толковый словарь русского языка. М., 2006. URL: http://dic.academic.ru/traditional_contents.php/efremova (дата обращения: 19.08.2010).
4. Либин А.В. Дифференциальная психология: на пересечении европейских, российских и американских традиций. М.: Смысл, 1999. 532 с.
5. Мерлин В.С. Очерк теории темперамента. Пермь, 1973.
6. Мерлин В.С. Очерк интегрального исследования индивидуальности. М.: Педагогика, 1986.
7. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: онлайн-версия. 2007-2010. URL: <http://www.ozhegov.org> (дата обращения: 19.08.2010).
8. Первин Л., Джон О. Психология личности: Теория и исследования. М.: Аспект Пресс, 2001. 607 с.
9. Русалов В.М. Психология и психофизиология индивидуальных различий: некоторые итоги и ближайшие задачи системных исследований // Психологический журнал. 1991. Т. 12, № 5. С. 3-17.
10. Россияне больше всех сидят в социальных сетях // Lenta.ru: Издание Rambler Media Group. 2.07.2009. URL: <http://lenta.ru/news/2009/07/02/engaged/> (дата обращения: 12.08.2010).
11. Хромов А.Б. Пятифакторный опросник личности: учебно-методическое пособие. Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2000. 23 с.
12. Чалдини Р., Кенрик Д., Нейберг С. Социальная психология. Пойми себя, чтобы понять других! Т. 1. СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2002. 336 с.
13. Back M.D., Schmuckle S.C., & Egloff, B. Predicting actual behavior from the explicit and implicit self-concept of personality // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2009. Vol. 97. P.533-548.
14. Baddeley A.D. *Working memory*. Oxford, U.K.: Oxford University Press, 1986.
15. Costa P.T., & McCrae R.R. *The NEO Personality Inventory manual*. Odessa, FL: Psychological Assessment Resources, 1985.
16. Ekman P. Expression and the nature of emotion. In: K.Sherer, P.Ekman (Eds.), *Approaches to Emotion*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 1984.
17. Goldberg L.R. The development of markers for the Big-Five factor structure // *Psychological Assessment*. 1992. Vol. 4. P.26-42.
18. Greenwald A.G., McGhee D.E., & Schwartz J.L.K. Measuring individual differences in implicit cognition: The Implicit Association Test // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1998. Vol.74. P.1464 – 1480.
19. Greenwald A.G., Nosek B.A., & Banaji M.R. Understanding and using the Implicit Association Test: I. An improved scoring algorithm // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2003. Vol. 85. P.197-216.
20. John O.P., Donahue E.M., & Kentle R.L. *The Big Five Inventory--Versions 4a and 54*. Berkeley, CA: University of California, Berkeley, Institute of Personality and Social Research, 1991.
21. John O.P., Naumann L.P., & Soto C.J. Paradigm shift to the integrative Big Five trait taxonomy: History, measurement, and conceptual issues. In O.

- P. John, R. W. Robins, & L. A. Pervin (Eds.), *Handbook of personality: Theory and research*. New York, NY: Guilford Press, 2008. P.114-158.
22. Mischel W. *Personality and assessment*. New York: Wiley, 1968.
23. Rothbart M.K., Ahadi S.A., Hershey K., & Fisher P. Investigations of temperament at three to seven years: The Children's Behavior Questionnaire // *Child Development*. 2001. Vol. 72. P.1394–1408.
24. Rudolph A., Schroder-Abe M., Riketta M., & Schutz A. Easier when done than said! Implicit self-esteem predicts observed or spontaneous behavior, but not self-reported or controlled behavior // *Journal of Psychology*. 2010. Vol. 218. P.12-19.
25. Schnabel K., Banse R., & Asendorpf J. Employing automatic approach and avoidance tendencies for the assessment of implicit personality self-concept: The Implicit Association Procedure (IAP) // *Experimental Psycholog.* 2006. Vol. 53. P. 69-76.
26. Steffens M.C., & Schulze-Konig S. Predicting spontaneous Big Five behavior with Implicit Association Tests // *European Journal of Psychological Assessment*. 2006. Vol.22. P.13-20.
27. Thomas A., & Chess S. *Temperament and Development*. New York: Brunner, 1977.

Приложение 1. Список стимулов

Стимулы	Категории	Фактор B5
Теплота, сотрудничество, дружелюбие, доброжелательность, уступчивость	Доброжелательность	Дружелюбие (A)
Агрессивность, подозрительность, враждебность, презрение, конфликтность	Враждебность	
Аккуратность, ответственность, самоконтроль, серьезность, надежность	Добросовестность	Ответственность (C)
Неряшливость, инфантильность, беспечность, небрежность, безалаберность	Безответственность	
Коммуникабельность, общительность, открытость, разговорчивость, контактность	Экстраверсия	Экстраверсия (E)
Пассивность, застенчивость, замкнутость, скрытность, молчаливость	Интроверсия	
Тревожность, напряженность, подавленность, беспокойство	Тревожность	Нейротизм (N)
Расслабленность, невозмутимость, уравновешенность, спокойствие	Спокойствие	
Изысканность, оригинальность, креативность, утонченность	Утонченность	Открытость опыту (O)
Консерватизм, заурядность, тривиальность, банальность	Заурядность	

ON THE MEASUREMENT OF PERSONALITY TRAITS BY MEANS OF REACTION TIMES (PART II: RESULTS OF A STUDY)

S.A. Shchebetenko, S.V. Weinstein

Perm State University, 15, Bukirev str., Perm, 614990

The article represents several results of an empirical study concerning the interrelatedness of explicit, implicit, and peer measures of personality traits according to the Big Five model as well as their behavioral indicators. Modification of Implicit Association Test according to the Big Five model is also described. Advantages and disadvantages, limitations and artifacts of both explicit and implicit personality traits are considered. It was revealed that implicit extraversion is able to predict relevant behavioral indicators. Moreover, a number of explicit traits measures as well as peer assessments of personality traits predicted various behavioral indicators. Theoretical and methodological implications of the implicit tests application in psychology of individual differences are discussed.

Keywords: Big Five; Implicit Association Test; personality inventories; behavioral indicators; peer evaluations

УДК 159.9:004.912

ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ПРОГРАММЫ «ТАКТ» ДЛЯ АНАЛИЗА МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОРИКО- ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

Т.А. Иванова

Пермский государственный университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15
e-mail: mysorm@yandex.ru

Статья посвящена методологическим возможностям применения компьютерной программы «ТАКТ» для исследования историко-психологических текстов. Показаны примеры анализа текстов Б. Ф. Ломова, В.С. Мерлина, В.А. Ганзена, В.Д. Шадрикова, посвященных методологии системного подхода в психологии 80-х гг. XX в. Установлено, что контент-аналитическое исследование на основе использования программы «ТАКТ» имеет значительные преимущества, такие как скорость обработки данных, визуальное отображение результатов исследования и прозрачность процедуры операционализации всех переменных. Данная программа позволяет получать высокоинформативные результаты, которые могут интерпретироваться в широком историческом контексте, и в сочетании с другими методами сбора эмпирических данных.

Ключевые слова: контент-анализ; программа ТАКТ; системный подход; методология психологии

Одной из наиболее известных пользователям программ, реализующих работу с электронным текстом, является «ТАКТ». Программа «ТАКТ» была разработана Джоном Бредли в Компьютерном центре гуманитарных наук при университете Торонто (Канада) [1. С.133-141]. Данная программа является электронным аналогом процедуры контент-анализа и предназначена для подробного изучения качественно-количественных параметров текста. В контент-аналитическом исследовании с применением данной программы выбор единиц анализа компьютеризирован, что дает возможность получать объективные данные для их последующей обработки и интерпретации, не требуя процедур дополнительной верификации, в частности экспертной оценки.

Возможности применения компьютерной программы «ТАКТ» для анализа психологиче-

ских текстов продемонстрируем на примере исследования методологических глав монографий Б.Ф. Ломова, В.С. Мерлина, В.Д. Шадрикова и В.А. Ганзена, опубликованных в 80-е гг. XX в. В данный хронологический период, по результатам наукометрического исследования Лившица и Крыловой, работы вышеперечисленных авторов являлись наиболее цитируемыми [4;5. С.118-123]. В истории отечественной психологии — это период «системного бума» [3. С.90], т.е. десятилетие высочайшей популярности системного подхода, широкой экспансии его во все области психологического знания, стремительного роста числа публикаций, посвященных различным аспектам применения системного подхода к исследованиям психики. Применение системного подхода предполагает использование специальной терминологии, особого понятийного аппарата так называемого

«языка системного подхода». Определение базовых понятий, выявление их специфического содержания позволит проследить сложный путь формирования методологии системных исследований в отечественной психологии.

Первоначально изложим суть применяемой нами процедуры контент-анализа текстов с помощью компьютерной программы ТАКТ¹, затем представим результаты исследования по каждому из авторских текстов и сопоставим их.

Анализ текстов с помощью системы «ТАКТ»

Работа с использованием программы «ТАКТ» состоит из нескольких последовательных этапов. Первоначально исследователь должен преобразовать текстовый файл в текстовую базу данных, выполнив при этом две операции. Во-первых, задать русский алфавит, во-вторых, если это необходимо, использовать описательный язык разметки документа: перечислить символы разметки, указав ими строение документа. После создания полнотекстовой базы данных осуществляются управление и анализ полученного машиночитаемого источника.

Создание запросов к базе данных состоит из двух этапов. Во-первых, можно выбрать слова из образованного частотного словаря-индекса их встречаемостей в тексте как вручную, так и автоматически. Во-вторых, при сформулированном исследователем запросе текст может быть представлен в одной из пяти доступных форм демонстрации результатов обработки: полный текст, с заданным контекстом (KWIC), INDEX, график распределений, таблица конфигураций слов. В состав «ТАКТ» входит программа Collgen, которая позволяет автоматически находить в тексте языковые клише из 2 и более слов в зависимости от поставленной проблемы.

Таким образом, для анализа текстов авторских концепций при помощи программы

«ТАКТ» были созданы их электронные версии. Мы отсканировали тексты методологических глав монографий Б.Ф. Ломова, В.С. Мерлина, В.Д. Шадрикова и В.А. Ганзена и сформировали файлы. В нашем случае подготовленные электронные тексты являются нужными файлами.

Итак, следующий этап — это подготовка файлов для ввода в программу «ТАКТ» (с этой целью создается .txt файл). Во-первых, необходимо, чтобы все буквы в тексте были прописными, во-вторых, файлы должны сохраниться с расширением DOS и разбиением на строки. Готовые .txt файлы мы размещаем в папке «ТАКТ», где находятся программные файлы данной системы. Далее переходим к созданию файлов с расширением .tdb, используя с этой целью утилиту МАКВАС. Утилита МАКВАС создает файлы с расширением .tdb (textual database — текстовая база данных), с которыми работает данная программа.

В целом общую схему работы с системой «ТАКТ» (иначе, жизненный цикл электронного текста и рамках этой системы) можно представить следующим образом: исходная точка — свободный, т.е. лишенный какой либо служебной информации текст. В этот текст вносится структурная информация в виде маркеров определенного вида. Подготовленный таким образом (маркированный) текст подается на вход программы МАКВАС. После обработки этой программой текст продолжает свое существование уже в виде текстовой базы данных, объекта особого типа, который система «ТАКТ» может отразить различными способами, в том числе и в виде исходного текста. Аналитическая работа ведется исследователем с помощью средств системы, причем в качестве объекта может выступать как сама текстовая база данных, так и производные персональные базы

¹При сохранении англоязычной транскрипции — ТАСТ.

отношений, в которых оно существует как целостная система. Б.Ф. Ломов заостряет внимание на том, что природа психического может быть понята только на основе системного подхода: «...наиболее надежной стратегией изучения психики является подход, позволяющий изучать ее как систему: единую и целостную, но вместе с тем и структурированную. При этом психическое должно рассматриваться в процессе его развития, т.е. предметом психологического исследования становится системогенез психики» [6. С.76]. Изучая вопросы применения системного подхода в психологии, Б.Ф. Ломов отмечал: «Системный подход должен стать инструментом синтеза данных, накапливаемых в многочисленных специальных психологических дисциплинах, и дальнейшего развития общей теории психологии» [6. С.104].

Кроме того, ученый выделяет наиболее важные, с точки зрения психологии, принципы системного подхода и общие требования системного анализа психических явлений: 1) многоплановость исследования психических явлений; 2) многомерность психических явлений; 3) многоуровневость и иерархичность психических явлений; 4) множественность отношений психических свойств; 5) системная детерминация психических явлений; 6) развитие психических явлений.

Для того чтобы в более четкой форме представить список из наиболее референтных категорий для текста Б.Ф. Ломова, используем соответствующую функцию программы «ТАКТ» (Collocate). Результаты анализа, позволяющие говорить о силе связи и комбинации слов в тексте Б.Ф. Ломова, рассчитанные программой «ТАКТ», представлены в табл. 2.

Таблица 2. Результаты анализа совместной встречаемости слов в тексте Б.Ф. Ломова при значениях силы связи (Z-score) > 4.0¹

Категория совместной встречаемости (Collocates)	Частота встречаемости (Collocate Freq)	Частота типа (Type Freq)
Закон	234	253
Система	224	282
Развитие	113	156
Уровни	80	110
Связи	75	138
Целое	66	125
Структура	35	40
Системный подход	31	31
Отражение	26	38
Элемент	15	30

В первой колонке указываются категории, сила связи между которыми больше четырех. Во второй колонке приводится частота употребления категории. Например, в тексте Б.Ф. Ломова категория «закон» встречается 234 раза. В третьей колонке приводится общее количество словоформ, представляющих данную категорию в тексте (в данном случае 253 словоформы).

Таким образом, для текста Б.Ф. Ломова наиболее референтными являются понятие «закон» и категория «система». В два раза реже – он пишет о «развитии», в три раза реже об «уровнях», «связях» и «целом», которое нужно изучать. Автор подробно рассматривает проблему закона в психологии. Именно психология, по его мнению, наиболее должна раскрыть закон как общее и вместе с тем показать имманентное происхождение разнообразия его индивидуальных проявлений.

Анализ содержания позволяет сделать вывод о том, что в концепции Ломова тесно переплетены онтологические и гносеологические позиции. С одной стороны, вслед за

¹При анализе исторических текстов с помощью системы «ТАКТ» наибольший интерес представляют категории, сила связи между которыми определяется программой и превышает 4.0

В.Г.Афанасьевым и В.П. Кузьминым, Ломов доказывает, что психическое как одна из форм материи является системой, т.е. психика — это система, и только на основе системного подхода может быть понята природа психического.

С другой стороны, отмечая известную долю абстракционизма любых инструментов познания, Ломов пишет, что именно знание о психике должно быть системным, а это предполагает создание сложнейшей классификации, которая бы объединила многочисленные области психологической науки, а в будущем — все знание о человеке. Таким образом, доказательства системной природы психики (онтологические установки) тесно связаны у Ломова с трактовкой системности знания и с разработкой понятия «закон» как ядра научного познания (гносеологические позиции).

Именно поэтому категории системной методологии в тексте тесно переплетаются с понятиями высокого уровня теоретического обобщения. Сгруппируем приведенные в табл. 2 понятия на специфические для системной методологии и не специфические (все остальные) категории. Итак, группа «системной методологии» представлена такими понятиями, как «целое», «система», «уровни», «связи», «системный подход», «структура» и «элемент». Соответственно, оставшиеся категории — «закон», «развитие» и «отражение» составляют группу, которую назовем «общетеоретические» категории. Подсчитаем удельный вес каждой из групп и представим полученный результат на рис. 1.

Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что для текста Б.Ф. Ломова характерно рассмотрение проблематики системного подхода в контексте общетеоретических вопросов психологии. В авторской концепции Б.Ф. Ломова системная методология является, прежде всего, средством решения теоретических задач психологии, выступает в качестве интегратора разнородного психологического знания.

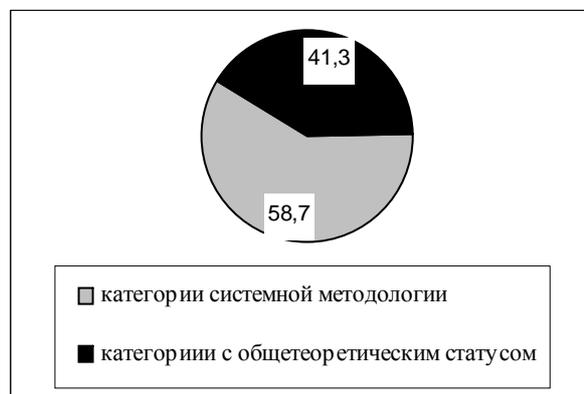

Рис. 1 Соотношение категорий системного подхода и общетеоретических понятий в тексте Б.Ф. Ломова, %

Анализ текста методологической главы монографии В.С. Мерлина

При исследовании авторской концепции В.С. Мерлина был проведен анализ методологической главы «Теоретические принципы исследования интегральной индивидуальности» в монографии «Очерк интегрального исследования индивидуальности» [7].

Для того чтобы отследить динамику появления категории «системный подход» в тексте В.С. Мерлина, воспользуемся предлагаемой программой «ТАКТ» процедурой, позволяющей графически представить распределение данной категории в исследуемом тексте. Результаты данного анализа представлены в табл. 3.

«Топографический» принцип демонстрации распределения терминов показывает, что категория «системный подход» была «минусовой», в промежутке от 70-100%, т.е. к данной категории автор не обращается в последней трети своего текста. В остальных же частях текста категория является «плюсовой». Если в промежутке от 0-30% — это разовые упоминания, то в периоде 30-70% интенсивность колеблется от трех до пяти. Максимальная концентрация встречаемости приходится на промежуток 40-50% и 60-70%.

Таблица 3. Динамика появления словосочетания «системный подход» в тексте В.С. Мерлина

Интервал текста, %	Количество упоминаний	График распределения ключевого понятия
0-10	1	>
10-20	1	>
20-30	1	>
30-40	3	>>>
40-50	5	>>>>>
50-60	3	>>>
60-70	5	>>>>>
70-80	0	-
80-90	0	-
90-100	0	-
Всего:	19	

Примечание: Динамика отражена 10%-ными интервалами, разбивающими весь текст на 10 равных частей.

В данной части текста В.С. Мерлин последовательно доказывает, что магистральный путь исследования такого явления, как интегральная индивидуальность, — это системный подход. Под системным подходом ученый понимает «общенаучный метод эмпирических исследований в самых различных теоретических и практических областях». По его мнению, общенаучный характер системного подхода вытекает из основного принципа материалистической диалектики — всемирной, всесторонне живой связи всего со всем, и полностью соответствует принципу системности К.Маркса.

Наряду с этим ученый поднимает вопрос о метаязыке. В.С. Мерлин называет его методологическим требованием системного подхода исходя из того, что система в целом и взаимосвязь различных ее уровней не могут быть описаны языком одной науки. В качестве такого метаязыка автор предлагает синтетический вариант — философский язык (понятия материалистической диалектики) и математический язык (теория множеств и понятие о стохастических, вероятностных связях). Ученый выделяет ряд важных отличий математического языка системного подхода для интегрального исследования индивидуальности. К ним он относит

такие особенности, как нелинейные связи внутри сложно иерархизированных систем; установление многомерных связей между большим количеством различных показателей; способ применения критерия статистической значимости. Рассматривая возможность использования особых математических приемов, он указывает на уравнения А.А.Маркова. Так, для различения разноуровневых и одноуровневых связей индивидуальных свойств Мерлин предлагает использовать математические критерии, применяемые для изучения больших систем. Заимствуя у В.С. Тюхтина [8] термин «много-многозначный», Мерлин постулирует, что явления разных уровней связаны между собой много-многозначно, т.е. каждая переменная множества А связана с несколькими переменными множества В и наоборот.

Особую задачу научно-практического познания индивидуальности ученый видит в том, чтобы при помощи системного подхода управлять ее развитием. Для решения данной задачи он предлагает два средства — это практическая диагностика и преобразующий (*воспитывающий*.) эксперимент.

Отмечая многообразие концепций системного подхода в научных исследованиях, Мерлин подчеркивает своеобразие принципов системного подхода в интегральном изучении человека. Он противопоставляет свое исследование, в котором допускает существование двух типов детерминации — каузальной (однозначной) и телеологической (много-многозначной), концепциям системного подхода, где учитывается только один тип детерминации — каузальный (функциональный). К последним он относит теории технической кибернетики, теорию функциональных систем П.К. Анохина, структурные концепции психики Ж.Пиаже, гештальттеорию и др. Еще одно отличие, на которое указывает Мерлин, заключается в разделении по типу математических связей, разноуровневых и одноуровневых индивидуальных

свойств. В других системных концепциях разный тип математических связей соотносится с одним и тем же типом каузальной (функциональной) детерминации.

Мерлин идет дальше, формулируя и сравнивая задачи интегрального изучения индивидуальности и основные задачи, представленные в других концепциях системного подхода (см. табл.4).

Таблица 4. Сопоставление задач системных исследований в концепции В.С. Мерлина

Задачи интегрального исследования индивидуальности	Задачи других концепций системного подхода
1. Выяснить, какие индивидуальные свойства относятся к одной и той же подсистеме и связаны статистически жестко, однозначно, а какие относятся к разным подсистемам и связаны статистически много-многозначно	1. Установить причинную (функциональную) зависимость элементов или подсистем от системы в целом
2. Определить опосредующие переменные в много-многозначных связях и, как они изменяются в процессе развития	2. Выявить различные типы структурных и функциональных связей между ними
	3. Выяснить динамику развития этих связей

Таким образом, ученый иллюстрирует, как в психологических исследованиях вариативность задач системных исследований предопределяет многообразие концепций системного подхода, о которых упоминает Э.Г. Юдин [10]: структурализм, структурно-функциональный подход, структурно-системный подход и др.

Для того чтобы в более четкой форме представить список из наиболее референтных категорий для текста В.С. Мерлина, используем функцию программы «ТАКТ» (Collocate). Результаты анализа, позволяющие говорить о силе связи и комбинации слов в тексте данного автора, рассчитанные программой «ТАКТ», указаны в табл. 5.

В тексте В.С. Мерлина наиболее часто встречаются такие категории, как «уровни» и «связи», далее — категории «система», «большая система», «интегральная индивидуальность» и «иерархия». В пять раз меньше по сравнению с доминирующим понятием и практически одинаково часто в тексте используются категории «системный подход» и «целое».

Таблица 5. Результаты анализа совместной встречаемости слов в тексте В.С. Мерлина, при значениях силы связи (Z-score) > 4.0

Совместная встречаемость (Collocates)	Частота встречаемости (Collocate Freq)	Частота типа (Type Freq)
Уровни	95	120
Связи	89	117
Система	62	94
Интегральная индивидуальность	51	60
Иерархия	40	43
Системный подход	19	31
Целое	18	25
Элемент	12	21
Структура	10	17
Принцип системности	7	14

Кроме того, для концепции В.С. Мерлина характерно смешение онтологических и гносеологических установок системного познания. Онтологизм проявляется тогда, когда психическое рассматривается как материальная система (доказательство — марксистский принцип системности). Гносеологическая установка Мерлина проявляется в его «желании увидеть» в исследуемом объекте (интегральной индивидуальности) совокупность разноплановых отно-

шений — систему. Не случайно, Мерлин часто пишет об «уровнях», «связях» и «структуре» — понятиях, выражающих общие познавательные установки системной ориентации. Итак, если сгруппировать категории на понятия системной методологии и «все остальные», то становится очевидным, что в тексте доминируют категории системной методологии, и только одно из понятий исключается из общего контекста — понятие «интегральная индивидуальность», введенное Мерлиным в язык психологической науки. Подсчитаем удельный вес каждой из групп и представим полученные результаты на рис. 2.

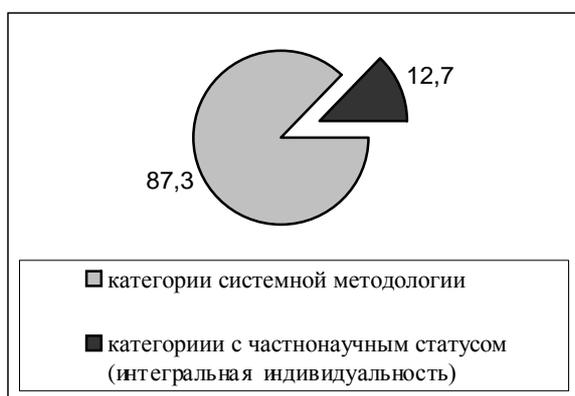

Рис. 2. Соотношение категорий системного подхода и психологических понятий в тексте В.С. Мерлина, %

Кроме того, для концепции В.С. Мерлина характерно смешение онтологических и гносеологических установок системного познания. Онтологизм проявляется тогда, когда психическое рассматривается как материальная система (доказательство — марксистский принцип системности). Гносеологическая установка Мерлина проявляется в его «желании увидеть» в исследуемом объекте (интегральной индивидуальности) совокупность разноплановых отношений — систему. Не случайно, Мерлин часто пишет об «уровнях», «связях» и «структуре» — понятиях, выражающих общие познавательные установки системной ориентации. Итак, если сгруппировать категории на понятия системной методологии и «все остальные», то становится

очевидным, что в тексте доминируют категории системной методологии, и только одно из понятий исключается из общего контекста — понятие «интегральная индивидуальность», введенное Мерлиным в язык психологической науки. Подсчитаем удельный вес каждой из групп и представим полученные результаты на рис. 2.

Таким образом, специфика авторской концепции В.С. Мерлина заключается в том, что версия разработанного им системного подхода, ориентирована на раскрытие системной природы интегральной индивидуальности. Другими словами, если в авторской концепции Б.Ф. Ломова системный подход — это средство интеграции психологического знания, и психика выступает в качестве целого или системы, то в данном случае системный подход — это средство изучения интегральной индивидуальности, которая рассматривается как система.

Анализ текста методологической главы монографии В.А. Ганзена

Для исследования особенностей авторской концепции системного подхода В.А. Ганзена был осуществлен анализ методологической главы «Системные описания — главный результат системного подхода в психологии» в монографии «Системные описания в психологии» [2].

Первоначально, используя топографические возможности программы «ТАКТ», графически проследим динамику распределения категории «системный подход» в тексте В.А. Ганзена. Результаты анализа, появления данной категории представлены в табл.6.

«Топографический» принцип демонстрации распределения терминов позволяет сделать вывод о том, что категория «системный подход» была «минусовой», в промежутке от 40-60% и от 70-100%. Фактически категория является «плюсовой» только в первую четверть текста в промежутке от 0-40%, за исключением единич-

В качестве особенностей применения системного подхода в психологии Ганзен называет сложность выбора объекта исследования, так как это требует выявления в сложной организации человека обособленной подсистемы, обладающей относительной функциональной и структурной самостоятельностью. В качестве примеров он приводит сенсорную организацию человека, психомоторную организацию, интеллект и т.д. Ученый отмечает, что более крупные

образования (сома, личность, психика) трудны для индивидуального экспериментального исследования и могут стать объектами либо комплексного, либо теоретического исследования. Кроме того, отмечает Ганзен, для выбранного объекта нужно подыскать такой «срез» исследования, для которого можно указать и экспериментально изучить полный набор характеристик, так как если этим пренебречь, то исследование становится локальным.

Таблица 7. Варианты системного подхода в монографии В.А. Ганзена

<i>Комплексный системный подход</i>	<i>Структурный системный подход</i>	<i>Целостный системный подход</i>
1. Предполагает наличие совокупности компонентов объекта или применяемых методов исследования 2. Не принимаются во внимание ни отношения между компонентами, ни полнота их состава, ни отношения компонентов с целым 3. Решаются задачи статики: количественного соотношения компонентов и подобные	1. Предполагает изучение состава (подсистем) и структур объекта 2. Нет соотнесения подсистем (частей) и системы (целого) 3. Декомпозиция систем на подсистемы производится не единственным образом. 4. Динамика структур, как правило, не рассматривается	1. Изучаются отношения не только между частями объекта, но и между частями и целым 2. Декомпозиция целого на части единственна: «целое — это то, от чего ничего нельзя отнять и к чему нельзя ничего добавить» 3. Предполагается изучение состава (подсистем) и структур объекта не только в статике, но и в динамике, т.е. изучение поведения и эволюции систем 4. Применим к системам (объектам), которым свойственна высокая степень функциональной независимости

Кроме того, ученый акцентирует внимание на различиях в понимании термина «системный подход» и дает два определения этой категории в так называемом «узком» и «в широком смысле». В узком смысле в качестве системного подхода он видит применение системных методов для изучения реальных физических, биологических, социальных и других систем. В широком смысле, по мнению ученого, системный подход включает применение системных методов для решения задач систематики, планирования и организации комплексного и систематического эксперимента. В качестве системных методов психологии Ганзен выделяет: генетический, лонгитюдный, аналитический (расчленение и различение), синтетический (выделе-

ние общего и объединение), индуктивный и дедуктивный, композиционный. Данные методы могут применяться в процессе исследования и представления полученных результатов.

Отмечая большое разнообразие использования целостного, системного подхода в психологической литературе, ученый выделяет четыре группы исследований. Специфика первой группы состоит в выделении двух компонентов в целом, например низших и высших психических функций, поведенческого и гностического компонентов интеллекта, различных сторон личности и т.д. Вторую группу составляют работы, в которых как целое анализируются отдельные подсистемы или характеристики психики. К третьей группе относятся работы, в ко-

торых с целостных позиций рассматриваются организм, психика, личность или человек. В отдельную группу ученых включает работы прикладного характера, в которых используются средства кибернетики и математики. Таким образом, объектами системного подхода в широком смысле выступают множества психических процессов, состояний, свойств, актов, в отношении которых необходимо решать задачи классификации, упорядочивания и систематизации. Главная задача систематизации — это обобщение накопленных знаний, на основе которого формируются теоретические концепции и модели психологии.

Таблица 8. Результаты анализа совместной встречаемости слов в тексте В.А. Ганзена при значениях силы связи (Z -score) > 4.0

Совместная встречаемость (Collocates)	Частота встречаемости (Collocate Freq)	Частота типа (Type Freq)
Система	71	149
Целое	48	61
Описание	42	52
Объект	36	81
Системный подход	24	36
Часть	12	24
Структура	9	31
Анализ	7	10
Элемент	7	12
Синтез	5	7

Сопоставим список из наиболее референтных категорий для содержания авторской концепции В.А. Ганзена в более четкой форме с помощью функции Collocate, предусмотренной программой «ТАКТ». Результаты анализа, позволяющие говорить о силе связи и комбинации слов в тексте данного автора, представлены в табл.8.

В тексте Ганзена наиболее часто используется категория «система», в два раза реже — понятия «целое», «описание» и «объект». Для текста В.А. Ганзена наибольшее значение имеет категория «система», затем следует катего-

рия «целое», а также референтные для данного исследования понятия «системные описания», «объект» и «системный подход».

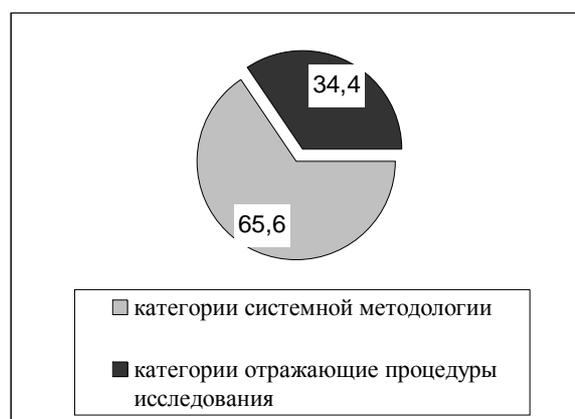

Рис. 3. Соотношение категорий системного подхода и остальных понятий в тексте В.А. Ганзена, %

Ниже представлены результаты группировки используемых автором понятий на категории, специфичные для системной методологии, и «все остальные». Итак, в группу «системной методологии» включены понятия: «система», «системный подход», «структура», «элемент», «часть» и «целое». Категории «описание», «объект», «анализ» и «синтез» были отнесены к группе «процедуры исследования». Процентное соотношение выделенных в тексте групп иллюстрирует рис 3.

Таким образом, специфика авторской концепции В.А. Ганзена отличается тем, что проблему методологической и методической оснащенности психологии он решал в контексте системного подхода. Системный подход в концепции Ганзена — это прежде всего проработка специальных исследовательских шагов, осуществляемых с целью получить целостное системное описание.

Анализ текста методологической главы монографии В.Д. Шадрикова

В рамках нашей работы был осуществлен также анализ методологической главы «Системный подход к изучению деятельности» в моно-

графии В.Д. Шадрикова «Проблемы системогенеза профессиональной деятельности» [9].

Используя топографические возможности программы «ТАКТ», графически представим динамику распределения категории «системный подход» в тексте В.Д. Шадрикова (см. табл. 9).

Таблица 9. Динамика появления словосочетания «системный подход» в тексте В.Д. Шадрикова

Интервал текста, %	Количество упоминаний	График распределения ключевого понятия
0-10	7	>>>>>>>
10-20	5	>>>>>
20-30	9	>>>>>>>>>
30-40	8	>>>>>>>>
40-50	6	>>>>>>>
50-60	4	>>>>>
60-70	0	-
70-80	0	-
80-90	0	-
90-100	0	-
Всего:	39	

Примечание: Динамика отражена 10%-ными интервалами, разбивающими весь текст на 10 равных частей

«Топографический» принцип демонстрации распределения терминов позволяет сделать вывод о том, что категория «системный подход» была «минусовой», в промежутке от 60-100%. Данная категория является «плюсовой» в промежутке от 0-60%. Таким образом, наибольшая концентрация встречаемости приходится на промежуток 20-40%, при этом можно говорить о том, что проблематика системного подхода отражена в большей части текста и колеблется от 4 до 9 упоминаний.

Методологическая глава В.Д.Шадрикова начинается с определения системного подхода. Вслед за В.П. Кузьминым, под системным подходом автор понимает конкретно-научную методологию познания сложных объектов, пришедшую на смену аналитическим исследованиям. Отмечая, что путь аналитического изучения, линейного детерминизма и редукционизма

успешен для физических наук, Шадриков подчеркивает его низкую эффективность при изучении биологических, психологических, социальных объектов и явлений. Автор делает вывод о том, что формирование системного подхода в исследованиях сложных объектов связано с осознанием ограниченности традиционных методов, в частности при разработке теоретических вопросов биологии, психологии, лингвистики.

Далее В.Д. Шадриков переходит к анализу вопроса о сущности системного подхода к исследованию объективной реальности, которая заключается в том, что объекты познания изучаются как системы. В научной литературе он выделяет два направления системных исследований (см. табл. 10).

Таблица 10. Направления системных исследований в монографии В.Д. Шадрикова

I направление	II направление
<ul style="list-style-type: none"> • Изучение процессов формирования системы, выявление механизмов ее функционирования • Исследование закономерности взаимодействия отдельных компонентов системы, направленные на получение запрограммированного результата • Изучение внутренней операциональной архитектоники систем 	<ul style="list-style-type: none"> • Изучение механизмов, порождающих новые системные качества, которые возникают в процессе взаимодействия отдельных компонентов системы и не сводятся к свойствам отдельно взятых элементов, ее образующих

Оба направления, по мнению В.Д. Шадрикова, должны выступать как взаимодополняющие при изучении сложных объектов, при этом необходимо учитывать ограниченные возможности одного исследователя (исследовательского коллектива). Исходя из этого ученый допускает возможность ограничения системного подхода в конкретных исследованиях. Таким образом, системный подход должен быть ограничен каким-либо направлением при обязательном определении той системы, которая

изучается, так как это позволяет достигнуть единого понимания результатов исследования и определить их практическую значимость.

Отмечая, что наиболее сложным в методологии системного подхода является вопрос о системных основаниях (уровнях, которые лежат в основе функционирования системы), В.Д. Шадриков указывает на отсутствие единых критериев для определения системных оснований. Наиболее перспективным подходом к решению данного вопроса В.Д. Шадриков называет идею Б.Ф.Ломова (1975) о рассмотрении объекта с позиций метасистем, в которые он включен и свойствами которых обладает. Показательно, что изучение компонентного состава системы, ее структуры и внутренней организации он связывает с целевой целостностью системы. В.Д. Шадриков делает вывод о том, что методология системного подхода должна включать в себя генетический (системно-исторический) аспект. При этом конкретно-исторический анализ системы должен проводиться на фоне общего функционального и структурного анализов.

Называя системный подход более высокой ступенью научного познания, Шадриков аргументирует свою позицию наличием определенных этапов в познании объективной действительности и связью с несистемными методами исследования. Он рассматривает три ступени познания. На первой объект представлен субъекту как простой эмпирический факт. На второй — качества объекта выражаются через сущность и закон определенной системы, к которой он принадлежит. На третьей — объект представлен с учетом всей совокупности действующих условий. Таким образом, Шадриков предлагает алгоритм системного познания, как наиболее «научного» — ступенчатого, пошагового познания, в сравнении с менее высокой ступенью — несистемным научным познанием.

На основе анализа концепций, появившихся и развившихся в психологии в период конца

ХІХ — начала ХХ вв., Шадриков делает вывод о том, что психологические исследования оказали существенное влияние на формирование принципов системного подхода, и «психология выступила в роли одной из «повивальных бабок» системного подхода».

В качестве наиболее успешных работ, выполненных в рамках инженерно-психологического направления системного подхода, Шадриков называет исследования А.А. Крылова (1972) по разработке «концепции включения», В.Ф. Рубахина (1974) по изучению процесса принятия решения, а также работы Б.В. Блинова, О.Ф. Стародубова, А.П. Чернышева, направленные на разработку системы профессионального отбора. В качестве специфической характеристики данного направления Шадриков называет четкую изначальную системную направленность исследований, сознательно опирающихся на методологию системного подхода. Это связано с тем, что благодаря Б.Ф. Ломову системный подход в работах инженерно-психологического направления был основным методологическим принципом исследования.

Следующей, важной областью, где системный подход занял лидирующие позиции, является психология личности. Шадриков отмечает, что степень реализации принципов системного подхода в каждом исследовании различна. Так, большинство работ ориентированы на рассмотрение структуры личности. В качестве примера он приводит концепции личности Г.Олпорта (1938, 1960) и мотивации А. Маслоу (1954). Данные теории привлекательны для ученого тем, что в них личность рассматривается в соотношении с деятельностью. В отечественной психологии он отмечает структурные концепции личности К.К. Платонова, А.Г. Ковалева, В.С. Мерлина, Б.Г. Ананьева, Г.В. Шороховой. Делая краткий обзор всех концепций, автор подробно останавливается на подходе Б.Г. Ананьева, который реализовал, по мнению

Шадрикова, системный подход к изучению личности.

Таблица 11. Результаты анализа совместной встречаемости слов в тексте В.Д. Шадрикова при значениях силы связи (Z-score) > 4.0

Совместная встречаемость (Collocates)	Частота встречаемости (Collocate Freq)	Частота типа (Type Freq)
Система	118	156
Структура	84	87
Элемент	42	73
Системный подход	39	54
Целое	28	29
Метод	26	28
Анализ	26	35
Развитие	21	31
Цель	20	29
Связь	13	27

Воспользуемся функцией Collocate, предусмотренной программой «ТАКТ», для того, чтобы представить список из наиболее референтных категорий для содержания авторской концепции В.Д. Шадрикова. Результаты анализа, позволяющие говорить о силе связи и комбинации слов в тексте данного автора рассчитанные программой «ТАКТ», представлены в табл. 11.

Анализ текста монографии В.Д. Шадрикова позволил выявить несколько референтных для авторской концепции категорий системного подхода. Прежде всего, это категория «система», о которой ученый говорит наиболее часто. С большим отрывом (фактически в два раза реже) Шадриков использует понятие «структура». Категории «элемент» и «системный подход» встречаются в тексте практически с одинаковой частотой, далее, категория «целое», которая используется автором для определения всех базовых понятий, и, наконец, категории «развитие», «цель» и «связь».

Рис. 4. Соотношение категорий системного подхода и остальных понятий в тексте В.Д. Шадрикова %

Как и в предшествующих параграфах, сгруппируем понятия на специфичные для системной методологии и «все остальные». Итак, в группу «системной методологии» вошли понятия: «система», «структура», «элемент», «системный подход», «связь», «целое». Категории «метод», «анализ», «развитие», «цель» включены во вторую группу. Для наглядности подсчитаем удельный вес каждой из групп и представим полученный результат на рис. 4.

Таким образом, в авторской концепции В.Д. Шадрикова доминируют категории системного подхода. Данные категории обсуждаются в контексте изучения проблемы «метода» и «анализа» в психологии, а также при исследовании психологического содержания феномена деятельности, когда речь идет о «развитии» и «цели».

Сопоставление текстов авторских концепций системного подхода

Результаты, полученные в ходе контент-аналитического исследования текстов методологических глав монографий Б.Ф. Ломова, В.С. Мерлина, В.Д. Шадрикова и В.А. Ганзена, позволяют нам актуализировать общее и особенное в представлениях ученых о сущности методологии системного подхода, характерного для 80-х гг. XX в. Прежде всего, обратимся к результатам анализа ссылок на философские ра-

боты по данной проблематике. Основные источники знания о системном подходе представлены в табл. 12.

Таблица 12. Список цитируемых авторов

Авторы	Встречаемость в тексте, %
Кузьмин В.П.	100
Тюхтин В.С.	75
Афанасьев В.Г.	50
Юдин Э.Г.	50

Таким образом, в психологии 80-х гг. в качестве основного источника знания о системном подходе выступают работы В.П. Кузьмина, далее — исследования В.С. Тюхтина, В.Г. Афанасьева, Э.Г. Юдина. Интерес психологов к версии системного подхода, изложенного в работах В.П. Кузьмина и В.Г. Афанасьева, объясняется несколькими причинами. Фактически до середины 80-х гг. специфика социальных систем реально изучалась мало. В.Г. Афанасьев одним из первых попытался раскрыть специфику системного исследования социального объекта, предложив схему познания социального объекта, которая предполагала рассмотрение компонентов социальной системы в контексте человеческой деятельности. С другой стороны, в работах В.П. Кузьмина и В.Г. Афанасьева предлагается философское обоснование принципа системности, изложенное в работах И.В. Блауберга, В.Н. Садовского и Э.Г. Юдина. В исследованиях В.С. Тюхтина речь шла о сложных системах любого типа, однако он предлагал принять противоречия, возникающие в процессе анализа сложной системы, как объективное условие самого процесса познания, что не могло не заинтересовать психологов. Естественно, что Б.Ф. Ломов, когда в 1975 г. впервые заговорил о возможностях применения системного подхода в психологии, а затем конкретизировал его положения и принципы применительно к изучению явлений психики, то опирался на работы этих авторов.

Если соотносить представления о сущности системного подхода в текстах методологиче-

ских глав, то следует учитывать, что именно рассматривалось в исследовании как целое. Очевидно, что наиболее высокая степень теоретического обобщения при рассмотрении вопроса о сущности системного подхода в психологии представлена в работе Б.Ф. Ломова. В его тексте в качестве «целого» выступает психическое и знание о нем, а системная методология рассматривается им в контексте фундаментальных проблем психологии. В концепции В.А. Ганзена системный подход осваивается на методологическом и методическом уровнях. Для него системный подход реализуется в специальных исследовательских действиях, процедурах исследования, осуществляемых с целью получить целостное системное описание.

Идеи системной методологии в исследовании интегральной характеристики индивидуальности человека были разработаны В.С. Мерлиным. Он ввел в психологию понятие интегральной индивидуальности в качестве научного объекта психологического исследования, понимая под интегральной индивидуальностью целостную характеристику индивидуальных свойств человека. Данное направление получило название «интегральное», т.е. ориентированное на изучение интегрального проявления индивидуальности человека. Версия системного подхода в изложении Афанасьева и Кузьмина давала четкую ориентацию на рассмотрение проблемы деятельности. В наиболее общем виде методология системного подхода в исследовании деятельности была реализована в теории системогенеза деятельности В.Д. Шадрикова. В данной концепции психологическая система деятельности — это целостное образование, в котором отдельные психологические свойства человека организуются и объединяются для выполнения конкретной цели деятельности. Это направление в исследовании индивидуального в деятельности как процесса формирования психологической системы деятельности у ее субъекта было названо «системогенетическим».

Специфика понимания сущности системного подхода в психологии проявляется в смешении онтологических и гносеологических установок. Так, категория «система» используется учеными при объяснении психологической реальности «системы повсюду!», «мир — это система» (онтологические установки) и как особый инструмент познания в рамках системного подхода (гносеологические установки).

Представления о тотальной системности мира, классификации системных объектов и принцип изоморфизма представляют основной потенциал онтологического направления общенаучного системного подхода. Действительно, философский принцип системности в трактовке В.Г. Афанасьева и В.П. Кузьмина позволял рассматривать психическое наравне с другими уровнями материи. Идея классификации системных объектов привлекала внимание и психологов, так как позволяла навести порядок в фактах. В частности, Б.Ф. Ломов поднимает вопрос о разработке системной многомерной классификации свойств человека.

При этом психологи не принимали идею об изоморфизме систем, так как они использовали системный подход как раз для обоснования специфики содержания предметного поля психологии, позиционируя ее от других уровней материи физического, биологического, социального. Парадокс заключался в том, что для легитимации собственного предметного поля психологи, в силу культурно-исторических причин, использовали инструмент, априори нивелирующий специфику и детерминирующий как раз типичные характеристики исследуемых объектов. Психологи, пытаясь осмыслить специфику исследования психического с позиций системного подхода, вынуждены были лавировать и искать компромиссы с общенаучной системной методологией. Идея системных описаний, разрабатываемая в психологии В.А. Ганзеном, с одной стороны, понимается автором как «любая форма представления информации человеку о каком-либо одном психологическом феномене», а с другой стороны, в отличие от

общенаучной системной методологии, не предполагает экстраполяции знаний об изученной системе на другой объект.

Осознание специфики психологической системы позволило психологам разрабатывать гносеологическое направление системной методологии. Психологи приняли идею полисистемности, т.е. множественности систем в одном объекте, которая должна была лечь в основу интеграционных процессов в психологической науке. Так, следуя за И.В. Блаубергом и Б.Г. Юдиным, Б.Ф. Ломов писал: «Когда мы рассматриваем психические явления в какой-либо системе координат и абстрагируемся от других измерений, ...то получается как бы срез в какой-то одной плоскости». Об этом говорит и В.А. Ганзен: «Для выбранного объекта нужно подыскать такой «срез» исследования, для которого можно указать и экспериментально изучить полный набор характеристик». Понятно, что следующим шагом стало признание необходимости синтеза всех возможных «срезов». Фактически при подобном решении проблемы системности знания о психическом роль психологии в науке сводилась к глобальной классификации знаний о человеке. Предмет психологии виделся учеными как система знаний, т.е. как результат познавательного процесса.

Таким образом, именно работы Б.Ф. Ломова сформировали особую исследовательскую традицию проведения системных исследований в отечественной психологии, так как им были сформулированы общие принципы системного рассмотрения психических явлений: разноплановости, многомерности, многоуровневости и иерархичности, множественности отношений, системной детерминации и развития. В этом русле в основном осуществляли свои исследования В.С. Мерлин, В.А. Ганзен и В.Д. Шадриков.

Обращение советской психологии к системному подходу в период его «триумфального шествия» по всем областям науки, в период становления новой системной парадигмы научного мышления было естественным и законо-

мерным. Однако характер использования и особенности развития системного подхода в психологических исследованиях и в практической сфере были сложно обусловлены целым рядом внешних и внутренних по отношению к психологии обстоятельств.

Вместе с тем утвердившийся в других областях знания высокий статус системного подхода, как нового эффективного познавательного средства, воспринимаемый психологией аксиоматически, снизил барьер критики, облегчил «проходимость» подхода в психологическую науку. Разработка психологической методологии системного подхода начиналась с определения особенностей психологических явлений и процессов как объектов системного исследования.

Построение исследования на основе системного подхода предполагает продвижение к познанию системной сущности определенного объекта. С точки зрения современной методологии системного подхода, логика продвижения к системной сущности того или иного объекта познания должна определять следующую последовательность этапов: 1) доказательство того, что данный объект является системой (онтологическая позиция) или может быть рассмотрен как система (гносеологическая позиция); 2) данный объект является системой определенного класса (уровень общенаучной методологии как синтез онтологических и гносеологических позиций); 3) данный объект является системой определенного вида, входящей в определенный класс систем (уровень конкретно-научной методологии); 4) обнаружение особенностей данного объекта как уникальной системы в конкретных обстоятельствах (праксеологический уровень).

С современной точки зрения очевидна логика обоснования специфической системной сущности психологического, элементы которой изложены в методологических главах авторских концепций Ломова, Мерлина, Ганзена, Шадрикова, опубликованных в 80-е гг. В

обобщенном виде эта логика выглядит следующим образом:

а) психика может быть рассмотрена как система, так как имеет признаки системы;

б) психика является социальной системой, следовательно, психика — сложная, большая, открытая, динамическая, самоорганизующаяся, вероятностная, саморазвивающаяся и т.п. система;

в) психика — особая система, поэтому в отличие от других систем имеет уникальные признаки и свойства;

г) поскольку психика — это система, то она обладает рядом характеристик, присущих всем системам, т.е. типичных системных качеств, что позволяет описывать, моделировать и выстраивать ее развитие на основе объективных законов общей и психологической системной теории, учитывая её уникальные характеристики как особой системы.

Таким образом, сопоставительный анализ содержания авторских концепций 80-х гг., первых методологических работ, посвященных возможностям использования системного подхода в психологических исследованиях, позволяет сделать вывод о том, что они содержали, в основном, доказательства системной природы психологических явлений и процессов. Результаты нашего анализа таковы — Б.Ф. Ломов, В.С. Мерлин, В.Д. Шадриков и В.А. Ганзен работали в рамках особой исследовательской традиции проведения системных исследований, характерной в целом для отечественной психологии. Основы данной традиции были заложены в работах Б.Ф. Ломова, который сформулировал общие принципы системного рассмотрения психических явлений: разноплановость, многомерность, многоуровневость и иерархичность, множественность отношений, а также принципы системной детерминации и развития. Ломов предложил и общие требования системного анализа психических явлений. В свою очередь, В.А. Ганзен предпринял попытку выразить теоретические постулаты системного подхода в конкретных познавательных проце-

дурах, в результате чего создал единую технологию познания и вариант представления конечного варианта — системное описание. В.С. Мерлин разработал идеи системной методологии для исследования интегральной характеристики индивидуальности человека. Наконец, методология системного подхода в исследовании деятельности была реализована в теории системогенеза деятельности В.Д. Шадрикова. Особенности авторских концепций системного подхода Б.Ф. Ломова, В.С. Мерлина, В.Д. Шадрикова и В.А. Ганзена отражены в текстах методологических глав и представлены в специфическом наборе основных понятий, используемых для объяснения как психического в целом, так и его частей.

Первые методологические работы, посвященные возможностям использования системного подхода в психологических исследованиях, содержали, в основном, доказательства того, что психологические явления и процессы имеют системную природу. В результате, правомерность применения системного подхода к психологическим феноменам отодвигала на второй план вопросы специфики объектов психологии — акцент делался на типичности психологических систем.

В заключение следует отметить, что специфика психологического, как объекта познания, очень чутко реагирующего на всевозможные методологические вмешательства, с одной стороны, подталкивала ученых к использованию системного подхода, как методологии с менее жестким формализованным аппаратом, чем, например, математика. С другой стороны, применение данного средства познания вынуждало «резать» психическое на доступные конкретному исследователю части, а затем объединять полученные «срезы» с целью получения целостной картины. Однако сложности возникали уже на этапе выделения психологической системы, так как критерии были не ясны, и тогда ученые апеллировали к методологии К. Маркса и к наработкам системологов-философов. Большие сложности возникали при попытке

собрать полученные факты в целостное представление о психике, так как на этапе «склеивания» обнаруживались противоречия, не позволяющие выстраивать искомую целостность знания о человеке и его психике.

Таким образом, программа «ТАКТ» для реализации контент-аналитического исследования психологических текстов — это методика с широким спектром применения, с определенными значительными преимуществами в виде скорости обработки данных в независимости от объема анализируемого текста, наглядного отображения полученного результата, прозрачности процедуры операционализации всех переменных. Благодаря данной программе можно получать высокоинформативные верифицированные результаты, которые должны интерпретироваться лишь в широком историческом контексте, что не достижимо только средствами контент-аналитического исследования, а возможно при сочетании данного метода с другими процедурами сбора эмпирических данных.

Список литературы

1. Белова Е.Б., Бородкт Л.И., Гарскова И.М., Изместьева Т.Ф., Лазарев В.В. // Историческая информатика. М., 1996. С.133-141.
2. Ганзен В.Б. Системные описания в психологии. Л., 1985.
3. Иванова Т.А. История и современное состояние системного подхода в отечественной психологии. Пермь, 2005.
4. Лившиц В.М. Наукометрический анализ материалов «Психологического журнала» за 10 лет // Психол. журн. 1990. №6. С.118-123.
5. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984.
6. Мерлин В.С. Очерк интегрального исследования индивидуальности. М., 1986.
7. Тюхтин В.С. Системный подход и общая теория систем. М., 1972.
8. Шадриков В.Д. Проблемы системогенеза профессиональной деятельности. М., 1982.
9. Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности. Методологические проблемы современной науки. М., 1978.

THE POSSIBILITY OF USING THE TACT PROGRAM FOR THE ANALYSIS OF
METHODOLOGICAL HISTORICAL AND PSYCHOLOGICAL TEXTS

T.A. Ivanova

Perm State University, 15, Bukirev str., Perm, 614990

The article is devoted to the methodological possibilities of using computer programs to measure the psychological study of historical texts. The article focuses on demonstrating the possibilities of the program TACT to the analysis of texts by B. Lomov, V. Merlin, V. Hansen, B. Shadrikov dedicated to the methodology of system approach in the psychology of the 80's the 20 th century.

The author argues that content-analytic study using the TACT program has significant advantages, such as processing speed, visual display of results and transparent procedures for the operationalization of all the variables. The program allows to reveal the highly informative results, which should be interpreted in a broad historical context as well as in combination with other methods of data gathering.

Key words: system; system approach; program TACT; analysis of texts

УДК 159.9

ОСОБЕННОСТИ ПОЗНАНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ НЕЗНАКОМОГО ЧЕЛОВЕКА У ЛИЦ СОЦИОНОМИЧЕСКИХ ПРОФЕССИЙ

С.Ю. Жданова, Л.З. Зарипова

Пермский государственный университет, 614990, Пермь, Букирева, 15
e-mail: Svitlana@perm.raid.ru, Linochka03@gmail.com

Представлены результаты исследования особенностей познания индивидуальности незнакомого человека (женщины и мужчины) у лиц соционимических профессий. Выявлены общие и специфические черты познания индивидуальности незнакомого человека (женщины и мужчины) у представителей разных типов профессий.

Ключевые слова: познание индивидуальности незнакомого человека; субъект и объект познания; лица соционимических профессий

Проблема индивидуальности человека в настоящее время широко изучается в научной среде с позиции объекта и субъекта познания, эксплицирована в научной психологической и междисциплинарной библиографии. Вопрос о познании индивидуальности является многоплановым и может быть рассмотрен с точки зрения как объекта, так и субъекта познания. Исследование скрытого, имплицитного знания об индивидуальности с позиции субъекта ее познающего представляет особый интерес, поскольку способствует более полному и глубокому пониманию феномена индивидуальности [7]. Обращение к изучению индивидуальности человека как к субъекту познания становится все более распространенным [1; 3; 4; 5; 6; 9 и др.].

Опираясь на данные исследований [3; 9] о закономерностях познания людьми друг друга в связи с возрастными, гендерными, этническими и профессиональными особенностями, можно предположить, что познание индивиду-

альности, в т.ч. незнакомого человека, также будет иметь свои специфические особенности у субъектов разных профессий.

С целью изучения особенностей познания индивидуальности у представителей разных профессиональных групп (соционимических и несоционимических [7; 8]) нами было проведено собственное эмпирическое исследование. Выборочную совокупность составили представители 2 групп профессий: первый (соционимический) тип профессий «человек-человек» (врачи, юристы, педагоги) и второй (несоционимический) тип — «человек-техника» (инженеры, машинисты и др.), «человек-знак» (программисты, редакторы и др.), «человек-художественный образ» (художники, дизайнеры и др.). Общее количество обследованных составило 311 чел., возраст — от 18 до 72 л.

В процессе исследования были использованы: метод свободного описания, метод рисунка, метод определений, метод семантического дифференциала. В соответствии с методикой

последнего респондентов просили описать индивидуальность незнакомого им человека (женщину и мужчину) по фотографии [3]. Обработки полученного материала осуществлялась качественными [2; 10; 12;] и количествен-

ными методами [11]. Для подтверждения данных использовались дополнительные процедуры: экспертная оценка, контент-анализ (сегментарный тип подсчета) и ϕ^* — угловое преобразование Фишера.

Таблица 1. Значимые различия текстовых описаний индивидуальности незнакомого человека (женщины) у лиц социономических и несоциономических профессий

Место категории в структуре индивидуальности	Категории	Подкатегории	Частота встречаемости признака, % доли		ϕ -критерий Фишера
			Лица социономических профессий	Лица несоциономических профессий	
Характеристика индивидуального уровня индивидуальности	Физические качества	Пол, возраст, характеристика внешности (рост, вес, внешний облик, цвет глаз, волос)	0,47	0,52	2,09*
Характеристика познавательной сферы и личностного уровня индивидуальности	Психологические особенности	Особенности познавательной сферы (психические процессы, интеллект)	0,18	0,23	1,31
		Свойства личности (темперамент, характер, способности)	0,74	0,75	0,26
		Мотивационная сфера личности (мотивы, потребности, интересы, ценности)	0,13	0,21	2,05*
		Особенности общения	0,35	0,20	2,23*
	Эмоциональное отвержение	Отрицательные качества	0,26	0,16	1,70*
	Эмоциональное одобрение	Положительные качества	0,43	0,23	2,76*
	Эгоизм	Употребление личных местоимений (я, мы, мне, мой, мои)	0,01	0,04	2,10*
Характеристики социально-психологического уровня индивидуальности	Социальные роли	Социальные роли /статус	0,11	0,26	3,48***
	Ссылка на других людей	Ссылка на знакомых, друзей, членов семьи	0,10	0,12	0,70
	Метафора и/или оценка		0,27	0,35	2,06*

Примечание: * — $p < 0,05$; ** - $p < 0,01$; ***- $p < 0,001$

Полученные в ходе исследования результаты изучения особенностей познания индивидуальности незнакомой женщины лицами социономических и несоциономических профессий представлены в табл. 1.

Полученный в ходе исследования материал позволяет говорить о наличии **общих особенностей** в описании индивидуальности незна-

комого человека (женщины) лицами социономических и несоциономических профессий, например, обращение к категории «*психологические особенности личности*», в частности к свойствам личности объекта познания. Авторы текстов подробно характеризуют темперамент, характер и способности изображенной на фотографии незнакомой женщины, например, «она

интроверт», «эмоционально сдержана», «уравновешенная», «расслабленная», «недоверчивая», «спокойная, невозмутимая», в то же время «активная», «волевая», «энергичная», «амбициозная», «уверенная», а также «пунктуальная», «трудолюбивая», «аккуратная», «отзывчивая», у нее «твердый характер» и «высокая самооценка», она «добросовестная», «инициативная», «наблюдательна в меру», «упряма и самостоятельна», кроме того, «креативная», «музыкальная», «творческая личность», «со сценическими качествами» и мн. др. Наиболее важными при описании незнакомого человека выступают особенности категории «свойства личности», значимые для общения и деятельности: «дружелюбная», «заботливая», «самостоятельная», «целеустремленная» и др. Эта категория имеет наибольший вес среди прочих (74 и 75% ссылок категории соответственно), что указывает на ее значимость в познании индивидуальности незнакомого человека.

В большинстве случаев обследованные обеих групп описывают индивидный уровень индивидуальности объекта познания (47% ссылок у лиц социномических профессий и 52% — у лиц несоциномических профессий): для авторов текстов наиболее значимы физиологические качества (пол, возраст, рост, вес, внешний облик, цвет глаз, волос и др.) незнакомой женщины. Категория «*физические качества*», несмотря на различную частоту встречаемости в текстовых сообщениях представителей разных профессий, имеет один из самых больших весов среди прочих. Описывая особенности индивидуальности, авторы текстов чаще прибегают к характеристике пола объекта познания («женщина»), возраста («25-28 лет», «бальзаковский возраст»), ее физических и физиологических качеств («полные руки», «крупный подбородок», «тяжелые верхние веки», «светлые крашенные волосы, темные глаза», «светлорусая», «индивидуальная форма носа и разрез глаз»), описывают стиль и одежду: «скромная

одежда и бижутерия», «деловой стиль одежды и прически», «имеет вкус: классика с элементами «изюминки», «следит за собой: прическа, макияж», «спущенная ровно уложенная челка», «аксессуар — платок на шее», «предпочитает свободные формы одежды», «имеет свой стиль», «короткая стрижка», «одета скромно, но со вкусом» и т.д. Обследованные оценивают внешний облик в целом: «ухаженная», «элегантная», «аккуратная» и «миловидная внешность», «своеобразное, пленительное обаяние», а также характеризуют особенности фотографии и положение/позу на ней объекта познания: «сфотографировалась под углом, на светлом фоне», «фотогенична», «голова наклонена в бок», «улыбка на камеру», «руки необычно сложены», «положение туловища будто у кошки» и др.

Для респондентов обеих групп профессий характерно эмоциональное принятие объекта познания: лица социномической и несоциномической специальностей отмечают положительные качества (43 и 23% ссылок соответственно). Таким образом, незнакомая женщина воспринимается позитивно субъектами познания независимо от их профессиональной принадлежности.

Обследованные всех групп профессий описывают объект познания как общительную женщину, например, пишут: «разговорчивая», «общительна», «коммуникабельная», «открытая для общения», «располагающая к общению», «любит поболтать», «скорее всего она хороший собеседник», и как малообщительную женщину: «скорее всего не очень общительная», «малоразговорчивая», «говорит мало», «немногословная», «не болтливая», «молчаливая», «тяжело находит контакт с другими», «не всем открыта», а также указывают на специфические особенности общения: «остра на язык», «избирательна в общении», «вовремя умеет промолчать», «за словом в карман не полезет», «в общении может быть резкой», «мягкая в об-

щении». Частота встречаемости ссылок на категорию «особенности общения» достаточно высока (35% у представителей социэкономического труда и 20% у представителей несоциэкономического труда).

В большинстве случаев при познании индивидуальности незнакомого человека представители обеих профессий используют метафоры (частота встречаемости соответствующей категории 27 и 35%), отмечая, что незнакомая женщина на фотографии: «классическая», «мадам», «дама с характером», «тетушка-добрый совет», «хамелеон» и др.

Общими чертами в описании индивидуальности незнакомого человека (женщины) представителями социэкономического и несоциэкономического труда также является обращение к характеристике познавательной сферы. В частности, авторы текстов ссылаются на категорию «Особенности познавательной сферы», которая имеет достаточно высокий вес среди прочих (18% и 23% соответственно). Обследуемые акцентируют внимание на выявлении особенностей познавательной сферы незнакомой им женщины, в частности, психических процессов, мышления, интеллекта: «умная», «интеллектуально развитая женщина», которая «стремится к интеллектуальному развитию»; она «много знает, читает», «мудра», «логична», «внимательная», «проницательна», «рассудительна», а также «образованная и разумная», «имеет математический склад ума».

Характеризуя индивидуальность человека по фотографии, представители всех профессиональных групп делают ссылки на других людей (11% в среднем): «похожа на мою тетю», «похожа на Юлию Меньшову», «похожа на мою коллегу». Вместе с этим респонденты описывают семейное положение: «у нее есть дети», «имеет семью», указывают на отношение объекта познания к окружающим, в т.ч. к знакомым, близким и членам семьи: «любящая детей», «заботящаяся о близких», «любит своих 2

детей», «к детям строгая», «любит семью», «любящая людей, близких», «с друзьями и знакомыми милая», «хочет быть приятной окружающим», «интерес к другим людям», «спокойно ведет себя в обществе других», а также в противовес: «зависимая от окружающих», «завышенные требования к окружающим людям», «любит обсуждать знакомых», «тяжело находит контакт с другими», «в меру закрыта от окружающих», «отсутствие негативного отношения к окружающим», «в общении с окружающими резка» и др. Таким образом, можно констатировать о наличии взаимосвязи особенностей познания незнакомого объекта с особенностями окружающего мира, других людей, в т.ч. близких, друзей, родных, коллег, его сверстников и т.д.

Полученные результаты позволяют говорить также о *специфических чертах* в познании индивидуальности незнакомого человека в связи с особенностями профессиональной деятельности субъектов познания.

Так, лица социэкономического труда в меньшей степени уделяют внимание индивидуальным характеристикам индивидуальности незнакомого человека, таким как пол, возраст, внешние данные. Это свидетельствует о том, что представители профессий типа «человек-человек» обращены преимущественно к внутреннему миру человека в силу специфики профессиональной деятельности, в которой объектом труда является человек, его личностные и жизненные условия.

Вместе с тем для лиц социэкономического труда при познании индивидуальности незнакомого человека (женщины) характерно обращение к качествам, значимым для успешной профессиональной деятельности. В частности, представители социэкономических профессий обращаются к категории «Особенности общения» достоверно чаще (35%), чем представители несоциэкономического труда (20% ссылок соответственно, $\phi = 2,23$; $p < 0,05$). Такие результа-

ты могут быть обусловлены тем, что одним из профессионально-важных качеств лиц профессий типа «человек-человек» является коммуникативность. Для специалистов данной профессиональной сферы общительность — один из главных навыков и показателей эффективности и успешности деятельности. Например, лица юридического труда должны владеть навыками устной и письменной речи, грамотно аргументировать и логически выстраивать фразы и выражения; для представителей образовательной среды профессиональной задачей является донесение материала до самого разного круга лиц, учет специфики аудитории, с которой работает педагог, воспитатель, преподаватель и т.д. В связи с этим они ценят и оценивают именно особенности общения как существенную сторону личности объекта познания. Лица социономического типа профессий особо подчеркивают, что «индивидуальность проявляется в манере общения», «...чтобы увидеть индивидуальность, требуется общение».

Описывая индивидуальность, лица социономического труда по сравнению с лицами других профессий чаще используют положительные оценки в познании индивидуальности незнакомого другого (43% и 23% ссылок на категорию «*Положительные качества*», $\varphi = 2,76$; $p < 0,05$). Раскрывая индивидуальность человека по фотографии, респонденты социономических профессий более склонны проявлять эмоциональное одобрение к объекту познания: «характерна доброжелательность», «скромная», «на первый взгляд добродушная», «приятная», «искренняя», «ласковая», «дружелюбная», «позитивная», «не меркантильна», «заботящаяся о близких» и др. Лица профессий типа «человек-человек» часто прибегают к отрицательным характеристикам (26 и 16% ссылок на категорию «*Отрицательные качества*», имеющей достаточно высокий вес, $\varphi = 1,70$; $p < 0,05$): «хитрая немного», «лукавая», «нечестная», «злобная», «строптивая», «наглая», «хамоватая», «ковар-

ная», «упрямая», «черствая», «часто бывают припадки ярости» и др. Характеризуя положительные и отрицательные качества незнакомого объекта познания, респонденты указывают на возможное их сочетание: «мягкость — дома, строгость — на работе» и др. Таким образом, можно говорить о некоторой закономерности оценивания специалистами социономического труда объекта познания, который им незнаком. Возможно, такие результаты свидетельствуют об определенном отношении к незнакомому человеку. Так, в связи с профессиональной деятельностью лица социономического труда, включаясь в ситуацию жизни человека, стремятся к ее оценке, квалификации, конкретным характеристикам: выявление симптомов заболевания, постановка диагноза, выбор определенного вида медикаментов, срока и характера лечения (у медицинских работников); оценивание знаний, умений и навыков, интеллектуального и физического потенциала (у педагогов); квалификация правовых действий, отнесение к судебному институту, построение защиты и обвинения с опорой на конкретные нормативно-правовые акты, статьи, обстоятельства дела (доказательственную базу), вынесение решений суда, в т.ч. приговора, назначение меры (вида и срока) наказания в уголовном судопроизводстве (у лиц юридических профессий).

Полученные результаты исследования индивидуальности незнакомой женщины как объекта познания показывают, что лица *несоциономических* профессий также имеют *специфические черты* познания индивидуальности незнакомого другого. Так, они в большей степени уделяют внимание индивидуальным характеристикам, таким как «*пол, возраст, характеристика внешности*», по сравнению с представителями *несоциономических* профессий (47 и 52% ссылок соответственно, $\varphi = 2,09$, при $p < 0,05$). Познавая индивидуальность незнакомого им человека по фотографии, авторы текстов указывают, что «индивидуальность женщин описы-

вать и оценивать по фото сложно», можно дать только «внешнюю характеристику». Респонденты ориентированы на внешнюю оценку и описание индивидуальных черт индивидуальности незнакомого человека по фотографии. Внутренний мир для обследованных в этом случае остается малопонятым, завуалированным, сложным для однозначной интерпретации и понимания.

Специфические тенденции познания индивидуальности незнакомого человека проявились в том, что респонденты несоциального труда по сравнению с лицами других профессий чаще ссылаются на «Мотивационную сферу личности» (21 к 13% ссылок, $\phi=2,05$; $p<0,05$). В частности, участники исследования описывают интересы и ценности незнакомой женщины: «любит готовить», «...поболтать, посплетничать», «любит большие компании», «...занимается приготовлением пищи, вышивкой, шитьем», «увлекается ручным хобби», «любит посмотреть сериалы о любви или прочитать любовный роман», «любит шутить и сама любит смеяться», «любит все новое, но не все принимает, так как много привязанностей», «любит посвящать себя работе». Объект познания с точки зрения респондентов «пребывает в поисках нового мужа» и «страстно желающая выйти замуж», «любит быть в центре внимания» и «позировать перед камерами», «стремится к хорошему вкусу во всем», «много работает и добивается своего», «семья и работа — ее ценность в жизни», «в процессе самореализации», «стремится к интеллектуальному развитию», «знает, чего хочет» и др. Наряду с этим это женщина, которая «имеет моральные ценности», «возможно религиозна». Полученные результаты можно объяснить тенденцией к описанию «видимого», внешнего мира объекта познания лицами несоциальных профессий: физических качеств, физиологических характеристик, внешности, а также хобби и инте-

ресов, с которыми они ассоциируют человека на фотографии.

Особенные черты познания индивидуальности незнакомого другого также выражены в использовании личных местоимений (я, мы, мой, мои). Категория «Эгоизм» имеет в целом небольшой вес в текстах респондентов обеих групп выборки, что можно объяснить низкой степенью знакомства с объектом познания, поверхностным взглядом на личность незнакомого человека. Однако представители несоциального типа профессий достоверно чаще ссылаются на данную категорию (4% к 1% ; $\phi = 2,10$; $p<0,05$). В текстах респондентов обнаруживаются такие описания, как «на мой взгляд», «я увидела», «не вижу я в ней...», «я думаю». Полученные данные могут свидетельствовать, в частности, о восприятии представителями несоциальных групп профессий окружающих явлений в диаде «мой — не мой», «свой — чужой», о влиянии специфики их профессиональной деятельности, которая не предполагает активного «вторжения» в личное пространство человека, тогда как особенность профессий типа «человек — человек» заключается в конструктивном включении в жизнедеятельность человека, будь то пациент, клиент, ученик, подзащитный, обвиняемый и т.д., при этом границы вмешательства могут определяться обеими сторонами. Социальный тип профессий в связи с этим может в обыденном сознании отражаться как гуманный, более «человеколюбивый», «человечный», тогда как другие профессии будут представляться более «эгоцентрированными».

Как видно из табл. 1, в категории «Социальные роли/статус» обнаружены значимые различия: представители профессий типа «человек-знак», «человек-техника», «человек-художественный образ», в отличие от лиц профессий «человек — человек», чаще прибегают к определению социальной роли и статуса объекта познания (26 к 11% соответственно; $\phi =$

3,48; $p < 0,001$). Индивидуальность незнакомой женщины как объекта познания они раскрывают через такие социальные роли и статусы, как «хорошая мать, жена», «хороший друг», «писательница или теле-, радио-ведущая», «похожа на воспитательницу или администратора», «возможно врач, учитель», «работает фармацевтом», «убийца», «представитель технической специальности», «бизнес-леди», «зоолог», «кулинар-кондитер», «гример», «домохозяйка или собирается ей стать», «американка возможно», «замужем» и др. Вероятно, такие данные могут быть обусловлены значимостью статуса и социальных ролей в знании о другом человеке у лиц несоциономического труда, стремлением «определить место» и «адресовать» какой-либо сфере объект познания. В свою очередь, представителям профессий типа «человек — человек» эта характеристика не кажется такой принципиальной, статус человека не так существенен при реализации медицинской, педагогической, правовой деятельности, не влияют на квалифицированность труда субъектов познания и возможность обращения к профессиональным услугам специалистов.

Обследованные данного типа профессий достоверно чаще используют метафорические формы выражения индивидуальности незнакомому человеку (35% – частота встречаемости категории «*Метафора и/или оценка*» в группе несоциономических профессий, 27% – в группе социономических профессий; $\varphi = 2,06$; $p < 0,05$): «сильная, смелая, как лебедь белая», «игра»,

«дегустация», «ветер в голове», «душа компании», «интеллигентная», «лиса», «романтическая натура», «женщина-кошка», «мечта несостоявшегося поэта», «мадам», «себе на уме», «среднестатистическая женщина», «человек-одиночка» и др. Вместе с тем сохраняется тенденция к использованию метафорической формы познания индивидуальности. Так, идентичные данные мы обнаруживали и в понимании термина «индивидуальность», когда респонденты несоциономического труда описывали индивидуальность, используя абстракции, метафоры, схематические способы отражения. Индивидуальность для них – что-то «из ряда вон выходящее», «характерное для определенных людей», трудновыразимое в словах, тексте, которую возможно отразить с помощью рисунков или метафорических выражений.

Вместе с тем респонденты указывают на сложность отражения индивидуальности незнакомому им человека, влияние времени знакомства на знание о другом человеке, знание о его индивидуальности. Индивидуальность — сложный для познания объект, особые трудности вызывает познание индивидуальности человека по фотографии незнакомому человеку, что требует непосредственного взаимодействия с объектом познания. Участники исследования пишут, что для них «личность мало ясна», «на первый взгляд одно, что внутри — вот вопрос?», «не вижу я в ней какой-то особой индивидуальности», «не всегда способна проявлять свою индивидуальность».

Таблица 2. Значимые различия в текстовых описаниях индивидуальности незнакомому человеку (мужчины) у лиц социономических и несоциономических профессий

Место категории в структуре индивидуальности	Категории	Подкатегории	Частота встречаемости признака, % доли		φ -критерий фишера
			Лица социономических профессий	Лица несоциономических профессий	
Характеристика индивидуального уровня индивидуальности	Физические качества	Пол, возраст, характеристика внешности (рост, вес, внешний облик, цвет глаз, волос)	0,29	0,34	1,49

Место категории в структуре индивидуальности	Категории	Подкатегории	Частота встречаемости признака, % доли		φ-критерий фишера
			Лица социомных профессий	Лица несоциомных профессий	
Характеристика познавательной сферы и личностного уровня индивидуальности	Психологические особенности	Особенности познавательной сферы (психические процессы, интеллект)	0,39	0,42	1,36
		Свойства личности (темперамент, характер, способности)	0,80	0,85	0,96
		Мотивационная сфера личности (мотивы, потребности, интересы, ценности)	0,17	0,27	2,52**
		Особенности общения	0,29	0,17	2,08**
	Эмоциональное отвержение	Отрицательные качества	0,16	0,08	2,05*
	Эмоциональное одобрение	Положительные качества	0,39	0,25	1,64*
	Эгоизм	Употребление личных местоимений (я, мы, мне, мой, мои)	0,01	0,05	1,80*
Характеристики социально-психологического уровня индивидуальности	Социальные роли	Социальные роли и статус	0,13	0,30	3,77***
	Ссылка на других людей	Ссылка на знакомых, друзей, членов семьи	0,08	0,10	0,71
	Метафора и/или оценка		0,18	0,19	0,17

Примечание: * — $p < 0,05$; ** - $p < 0,01$; ***- $p < 0,001$; раскрывается заключается

Результаты исследования особенностей познания индивидуальности незнакомого человека (мужчины) лицами социомических и несоциомических профессий представлены в табл. 2.

Интерпретация полученных данных позволяет говорить о наличии *общих черт* в познании индивидуальности незнакомого человека (мужчины) у лиц разных типов профессий: респонденты обеих групп большое внимание уделяют в процессе познания индивидуальности незнакомого человека (мужчины – свойствам личности, например, описывают темперамент, характер, способности: «уравновешенный», «спокойный», «невозмутимый человек» или «для него характерна повышенная эмоциональность», он «нервозен (неврастеник)»; это и «интраверт», и «экстраверт»; «педантичный» и «небрежный»; «несколько закрыт, раскрывает-

ся не сразу», «немного замкнутый» и «открытый»; «уверенный» и «уступчивый» и т.д. Незнакомый другой – «серьезный», «самостоятельный», «твердый», «волевой», «тонко чувствующий», «с веселым нравом», «добрый», «трудолюбивый», «пунктуальный», «энергичный человек», «умеющий играть на музыкальном инструменте» и имеющий «творческое начало». Таким образом, темпераментальные и характерологические особенности, а также способности незнакомого мужчины вызывают повышенный интерес у всех участников исследования, независимо от их профессиональной принадлежности. Именно данная категория является приоритетной в характеристике незнакомого мужчины по фотографии, по сравнению с параметрами физических качеств и внешнего облика, которые доминируют в познании незнакомой женщины.

Как показывают данные таблицы, в познании индивидуальности незнакомого человека обследованные обеих групп в равной степени ссылаются на подкатегорию «*Особенности познавательной сферы*» (40,5% в среднем). Респонденты описывают психические процессы и интеллект объекта познания: «умный», «рассудительный», «мыслящий», «знающий», «не глупый», «математический склад ума», «интеллектуал», «рассудительный», «внимательный», «глубокие познания в разных сферах» и др. Авторы текстов подчеркивают, что «внутренняя индивидуальность — это нестандартность мышления». Полученные результаты свидетельствуют, в частности, о значимости для субъекта познания познавательной сферы другого, об интересе к интеллектуальным возможностям объекта познания. Вместе с тем представляется сложным точное ее описание по фотографии, когда объект познания — незнакомый человек. В этой связи респонденты зачастую применяют косвенные, ассоциативные выражения, опосредованно подтверждающие особенности познавательной сферы объекта познания: «ассоциируется с умным человеком», «задает много вопросов», «на лице «отпечаток разума»», «относится к сословию интеллектуалов» и т.д.

При описании незнакомого мужчины как объекта познания у представителей всех групп профессий присутствует обращение к подкатегории «*пол, возраст, характеристика внешности*» (31,5% ссылок в среднем). Авторы текстов описывают пол и возраст незнакомого мужчины на фотографии: «мужчина», «мужчина средних лет», «молодой мужчина», «более 30 лет», «мужчина 35-40 лет», дают характеристику физических и физиологических особенностей: «возможно имеет плохое зрение», «довольно пухлые губы», «оттопыренные уши», «сократовский лоб», у него «короткая стрижка», «ямочка на подбородке», «хорошо физически развит». Наряду с этим они описывают

стиль объекта познания: «предпочитает неформальный стиль в одежде», «спортивный стиль в одежде», «в очках и в часах на левой руке», «не следит за модой», «прост в одежде» и т.д. Респонденты прибегают к оценке внешнего облика незнакомого другого: «открытый взгляд», «глаза, полные печали», «интеллектуально богатое выражение лица», «внешне обаятельный», «индивидуальный, пронзительный взгляд», «следит за собой», «прост внешне», «дорогие часы» и др. Вместе с этим участники исследования социномических и несоциномических профессий характеризуют особенности фотографии и положение/позу объекта познания на ней: «руками как бы закрывает себя, отгораживает», «темный фон фотографии», «необычная поза и положение рук», «прямая осанка», «уверенная поза», «руки крайне удобно сложены», «на фото голова прямо, смотрит прямо пронзительно». Отметим, что среднее число ссылок на индивидуальный уровень индивидуальности представителями обеих групп выборки в отношении познания незнакомого мужчины по фотографии составляет 31,5% , в отношении познания незнакомой женщины по фотографии — 49,5%. Такие данные указывают на привлекательность женщины как объекта познания, на значимость характеристик ее внешности для других в отличие от мужчин, внешний облик которых видится субъектам познания вторичным по отношению к психологическим особенностям мужчины, в частности свойствам его личности.

Категория «*метафора и/или оценка*» также является равноупотребимой в описаниях индивидуальности незнакомого человека (18,5% ссылок в среднем). Индивидуальность объекта познания описывается как: «широкая душа», «похож на счастливого человека», «шестидесятник» (физик-лирик, поколение Ю. Визбора и С. Никитина), «типичный интеллигент», «мечтатель», «гармоничный», «вещь в себе», «живой», «романтик», «хулиган», «ботаник», «сам

себе на уме», «...это мужчина моей мечты» и др. Авторы текстов заключают, что «индивидуальность у него в голове», «проявлена внутренняя индивидуальность, внешняя — мало свойственна...», «не очень-то индивидуальный», «по фото сложно судить...». Индивидуальность незнакомого другого отражается через метафоры и оценку как возможно наиболее легкие, приемлемые, адекватные формы познания с точки зрения лиц социономических и несоциономических профессий.

Как показывают данные таблицы, в познании индивидуальности незнакомого человека (мужчины) обследованными социономических и несоциономических групп имеются общие особенности, в частности ссылка на других людей: на знакомых, друзей, членов семьи, окружение (9% в среднем): «независим от мнения других людей», «нейтрален к другим людям», «друзей не много, но много хороших знакомых», «умеющий вдохновлять окружающих», «напоминает известного актера» и др. Таким образом, с позиции участников всех групп исследования, познание индивидуальности незнакомого мужчины и женщины видится в связи с социальным окружением, значимыми другими. Этот факт, наряду с прочими, позволяет респондентам обеих групп профессий говорить о том, что познаваемый ими человек индивидуальность.

Специфические тенденции в познании незнакомого человека по фотографии (мужчины) проявляются в том, что *лица социономических профессий* достоверно чаще (29%) по сравнению с лицами несоциономических профессий (17%; $\phi = 2,08$, $p < 0,05$) ссылаются на характеристику «особенности общения». Авторы текстов указывают, что объект познания, с одной стороны: «неразговорчивый», «молчаливый», «нелюдимый», «закрытый для общения...», «некрасноречивый», «избирателен в общении», «больше слушает, чем сам говорит», «возможно неразговорчивый», «при общении

держит дистанцию между собой и собеседником», «общения не избегает, но и не ищет его», «в меру общителен», с другой стороны, «в общении прост и спокоен», «приятный в общении», «готовый на контакт», «располагающий к общению», «интересный в общении», «хороший собеседник», «открыт в общении с людьми», «общительный», «разговорчив», «легок в общении». Таким образом, у представителей профессий типа «человек — человек» сохраняется тенденция в ссылке на общение как значимую характеристику индивидуальности.

Особенные черты также проявились в социальной оценке индивидуальности незнакомого человека (мужчины). Представители социономического труда значимо чаще по сравнению с лицами несоциономных профессий употребляют как положительные (39 и 25% соответственно; $\phi = 1,69$, $p < 0,05$), так отрицательные оценки (16% и 8% соответственно; $\phi = 2,05$, $p < 0,05$) в отражении объекта познания. Описывая положительную сторону незнакомого мужчины, авторы текстов применяют такие эмпирические индикаторы, как «готовый помочь», «добродушный», «порядочный», «дружелюбный», «не конфликтный», «умеет дружить», «неагрессивный», «честный», «не будет громко ругаться, кричать, только в крайних случаях», «добросовестный», «терпимый», «не лжет сам и не прощает лжи», «отзывчивый», «верный друг», «правдивый», «всегда готов прийти на помощь ближнему человеку или нуждающемуся в помощи» и т.д. Отрицательно характеризуя объект познания, респонденты отмечают: «двуличный человек», «злой», «заносчивый», «раздражительный», «скрытный», «неискренний», «нечестный», ему свойственно «лицемерие», «эгоизм и равнодушие к чувствам женщин», он «может быть жестким», «повредничать и позлиться на публику», «морально слабоват» и т.д. Таким образом, прослеживается тенденция в высокой частоте ссылок на категории «положительные качества» и «отрицательные каче-

ства». При этом в большей степени для лиц профессий типа «человек — человек» свойственно эмоциональное одобрение и принятие объекта познания независимо от его пола.

Для лиц несоциальных профессий специфичным в познании незнакомого мужчины по фотографии является указание на его социальные роли и статус. В частности, встречаемость ссылок на данную категорию достоверно выше у лиц сигономического, технономического и артономического труда (30%) в сравнении с показателями у представителей социомических профессий (13%; $\phi = 3,77$, $p < 0,001$). Авторы текстов указывают, что незнакомый им объект познания: «строитель высокого уровня», «друг», «адвокат или ученый», «семьянин», «может быть как гуманитарием (юрист, культуролог), но скорее «технар» (IT-специалист; инженер, программист)», «женат», «простой рабочий», «отец», «музыкант», «украинец или прибалт», «журналист, репортер», «дядя», «писатель», «лидер», «бизнесмен», «служащий банка», «работяга» и др. Таким образом, сохраняется тенденция в обращении к социальному статусу и роли объекта познания, выявленная также и в отражении индивидуальности незнакомой женщины. Для респондентов несоциальных профессий значимыми являются «адресация» объекта познания к какой-либо сфере жизнедеятельности, причисление к определенной профессиональной группе, обозначение его социального «функционала». Полученные данные подчеркивают, в частности, интерес субъектов познания к внешним характеристикам индивидуальности незнакомца (от физических до социальных). Такие характеристики при познании индивидуальности незнакомца по фотографии могут быть легко считываемыми, понятными в описании, быстро и свободно вызывающими ассоциации в отличие от отображения внутреннего мира, сложного, малопонятного, плохо считываемого с фотографии.

Вместе с тем имеются и различия в особенностях познания индивидуальности в зависимости от частоты обращений к «мотивационной сфере личности»: лица несоциальных профессий более склонны использовать ссылки на мотивы, потребности, интересы и ценности объекта познания (27%) в отличие от представителей несоциального труда (17%; $\phi = 2,52^*$, $p < 0,01$). Респонденты описывают интересы, мотивы и потребности, ценности незнакомца им мужчины: «имеет 1-2 тихих увлечения — порыбачить, собирать модели из частей», «не склонен к активному отдыху», «любит собак», «меломан», «любит походы», «увлекается компьютерами, книгами», «любит заниматься спортом», «любит свою жизнь», «занимается йогой», «любит путешествия, рыбалку, охоту», а также «много работает, и ему всегда не хватает на это времени», «главная вещь — это его любовь к работе, деньги не первостепенны», «придерживается собственных убеждений», «предпочитает основательность, правильность», «доводит дело до конца», «любит точность и быть «у руля», «ставящий перед собой точные, конкретные цели и задачи и достигающий их в минимальное время», «всегда добивается, чего хочет», «следит за тенденциями общества», «стремится быть первым, своего не упустит», «достиг всего с самых низов — простого рабочего», «ведет правильный образ жизни», «дорожит временем», «морально стоек и тверд перед врагами» и т.д. Итак, мотивационная сфера является значимой в познании индивидуальности незнакомца как женщины, так и мужчины, легко считываемой субъектами познания.

Употребление личных местоимений также является специфичной чертой в познании индивидуальности незнакомца. Так, ссылка на данную категорию в текстах лиц несоциальных профессий встречается достоверно чаще (5%), чем в описаниях лиц социомических (1%; $\phi = 1,80$, $p < 0,05$). Обсле-

дованные соответственно используют индикаторы: «я понимаю...», «я все могу!», «я думаю...», «мне кажется» и т.д. Таким образом, мы прослеживаем тенденцию в ссылке на категорию «Эгоизм» при описании незнакомого другого: мужчины и женщины, что может, в частности, указывать на стремление респондентов найти общие особенности с познаваемым объектом, включиться в его жизненное поле, а также на демонстрацию своей позиции, собственной точки зрения в отношении незнакомого человека.

Выводы

1. Обнаружены общие тенденции в познании индивидуальности незнакомых женщины и мужчины по фотографии участниками обеих групп исследования: респонденты социномических и несоциномических профессий прежде всего выделяют в объекте познания, независимо от его пола, свойства личности (темперамент, характер, способности), уделяют внимание познавательной сфере (психическим процессам, интеллекту) незнакомого человека; ссылаются в процессе познания индивидуальности незнакомого человека на других людей (знакомых, друзей, членов семьи). Таким образом, индивидуальность объекта познания — это прежде всего сфера личности, темпераментальные и характерологические особенности, интеллект и способности человека, его взаимодействие с окружающим миром, наличие различного рода (информационно-коммуникативных, личных, профессиональных, бытовых и др.) связей. Это ключевые составляющие индивидуальности человека с позиции представителей социномической и несоциномической специальностей.

2. Лица социномических профессий в познании незнакомого мужчины и женщины часто уделяют внимание коммуникативной сфере объекта познания, описывают незнакомого другого как с положительной, так и с отрицательной сторон.

3. Представители несоциномического труда в познании индивидуальности незнакомого другого, независимо от его пола, акцентируют внимание на социальной роли и статусе объекта познания, его мотивационной сфере, а также используют личные местоимения в описании.

4. Специфические черты проявились в интересе к физическим качествам незнакомого человека. Лица несоциномического типа профессий в познании индивидуальности незнакомой женщины достоверно чаще по сравнению с лицами других профессий обращаются к характеристике внешности, индивидуальным свойствам объекта познания. В познании индивидуальности незнакомого мужчины различия показателей между группами выборки не значимы, что можно, в частности, объяснить тем, что лица социномического типа профессий в основном ориентированы на внутренний мир человека, поскольку объектом их труда является человек, его личностные и жизненные условия; а также тем, что интерес к внешнему облику незнакомой женщины проявился преимущественно в «мужской» выборке несоциномических профессий. Следует отметить и наличие взаимосвязи применения метафорических форм отражения и оценок индивидуальности. Так, характеризуя индивидуальность незнакомой женщины, представители несоциномического труда значительно чаще по сравнению с лицами социномических профессий используют метафоры и оценки, однако при познании индивидуальности незнакомого мужчины частота ссылок на категорию «метафора и/или оценка» невелика.

5. Авторы текстов, раскрывая индивидуальность незнакомого им человека по фотографии (и женщины, и мужчины), указывают на сложность познания и восприятия человека, которого видят в первый раз на фото. Участники исследования заключают, что легче удастся описать внешние данные. Вместе с тем респонденты зачастую ассоциируют объект познания

с другим человеком, наделяют его соответствующими характеристиками: «напоминает известного актера», «похожа на мою тетю», что указывает на способ опосредованного отражения объекта познания, на желание описать объект познания через образ другого, отойти от подробностей, однако прибегнуть к стереотипизации и оценке.

В заключение следует отметить, что исследование профессиональных особенностей познания человека имеет теоретическое и практическое значение. Оно дополняет ранее изученные индивидуальные и возрастные особенности данного феномена и позволяет описать его с большей полнотой, способствуя дальнейшему раскрытию совокупности закономерностей и механизмов этого процесса [9].

Список литературы

1. Андреева Г.М. К проблематике социального познания // Мир психологии. 1999. №3. С.15-23.
2. Богомолова Н.Н., Стефаненко Т.Г. Контент-анализ. М., 1992. С. 18-29.
3. Бодаев А.А., Васина Н.В. Познание человека человеком (возрастной, гендерный, этнический и профессиональный аспекты). СПб.: Речь, 2005. 324с.
4. Брушлинский А.В. Психология субъекта: индивида и группы // Психологический журнал. 2002. Т.23. №1. С. 71-80.
5. Знаков В.В. Психология субъекта как методология понимания человеческого бытия // Психологический журнал. 2003. Т. 24. №2. С. 95-106.
6. Жданова С.Ю. Психология познания индивидуальности человека / Перм. гос. ун-т., Перм. гос. пед. ун-т; Ин-т психологии. Пермь, 2005. 190 с.
7. Каверина Р.Д. Опыт психологической классификации некоторых профессий в целях профконсультации // Вопр. психологии. 1978. №4. С.65-71.
8. Климов Е.А. Образ мира в разнотипных профессиях. М., 1995. 215с.
9. Кукосян О. Г. Профессия и познание. Ростов н/Д., 1981.157с.
10. Метод контент-анализа в психологических исследованиях: учеб.-метод. пособие /А.Ю. Бергфельд, Е.В. Шевкова, Н.А. Шиленкова и др.; под общ. ред. О.И. Кильченко. Пермь, 2007. 113 с.
11. Сидоренко Е.В. Методы математической обработки в психологии. СПб., 2003. С. 157-198.
12. Чупасова М.К. Место качественных методов в анализе социальных представлений // Социально-психологические исследования: сб. науч. тр. Тверь, 2002. С. 27-34.

FEATURES OF COGNITION OF INDIVIDUALITY UNFAMILIAR MAN BY PEOPLE OF SOCIAL PROFESSION

S.U. Zhdanova, L.Z. Zaripova

Perm State University, 15, Bukirev str., Perm, 614990

The article illustrates the research cognition of individuality unfamiliar man by people of socioeconomic professions, in particular cognition of individuality of unfamiliar men and women by photo. Methodological tools of cognition of this phenomenon are represented; categories of cognition of individuality are revealed and analyzed. It was shown that people of various professions have general and specific trends in the cognition of individuality.

Keywords: cognition of individuality; subject and object of cognition; cognition of unfamiliar individuality; people of social profession; photographic method

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.42+316.74:2

RELIGIOUS SYNCRETISM AND THE MANIFESTATIONS OF THE SACRED IN AN AGE OF GLOBALISATION***I. Skamperle***

University of Ljubljana, Aškerčeva 2, SI-1000 Ljubljana, Republic of Slovenia
e-mail: <mailto:igor.skamperle@guest.arnes.si>

The lecture treatment some aspects of the new forms of religious syncretism and the new social paradigm. The lecture analysis the consequences in the field of religions of the transformation of Europe (the fall of the Berlin Wall, dissolution of the Soviet Union, disintegration of Yugoslavia) and the reconstruction of Europe, escorted with strong technological development. The religious field itself become globalistic and its characteristic is hard syncretism. In the forms of religious beliefs reemerge new form of gnosis, strong individualism, theological questions of God's incarnation and considerable large distance from Church. The western society in the age of globalism is also moving away from historical context of time and have much fewer links with tradition. The lecture attempt to evidence a typological classification of some post modern religious categories, like personal experience, subjective spirituality, deterritorialism and the manifestations of sacred in the form of individual gnosis.

Key words: sacred; syncretism; subjective spirituality; gnosis; new communitarism; church

I. New social paradigm

In the last fifteen years, from about the middle of the 1990s, we have been witness to an intense social development, encompassing practically all the fields of life, from economy and politics to culture, social relations, forms of communication, sociability, morality, intimacy, partner relationships, sexuality, happiness, questions of identity and self-image. The same can be said also for the field of religion, which is going through certain expressive changes. In his last work, *Le Pacte du lucidite ou l'intelligence du Mal* (Baudrillard 2004), sociologist Jean Baudrillard introduced the concept of integral reality since everything is supposed to be present or included in it. It is characteristic of contemporary society that it "possesses" everything, a

profusion of both the factual and the informational, where there is "no longer anything we could not say something about". (Baudrillard 2004) This reality indistinguishably overlaps with the so-called virtual reality, while the procedure itself is based on the principle of the deregulation of institutional elements, identities and (the traditionally understood) reality itself (Beck 2003). Objects do not refer to something else, something transcendent, everything is integrated and virtually accessible. Reality no longer has its constitutive transcendental foundations beyond what is known, but is "all" present and integrated. According to the author, we are becoming increasingly more trapped in the abundance of communication reality, which we cannot escape from. The negation or denial and the

consequent death of the imaginary which we no longer believe, therefore, seems an understandable consequence. This brings with it the death of symbolic language and an implicit slide into signalling, which erases all the ambiguous and suggestive meanings, which were the foundation of human culture, imagination and, after all, social relations. To a particular extent, this holds true for religion. In short, it is a matter of a particular abolition of the reality of objects and their suggestive imaginary status or the abolition of that level contained in the Slovenian phrase "the naked truth" which presupposes that, behind the veil, the real, naked truth is hiding. But, in the new global network paradigm, it seems that we no longer believe that there is anything behind the veil. The veils are integral reality, they are all there is. There is nothing behind them that would escape communication and the game of signs or simulacra in the global network. The expectations of the unknown, the premonition of inaccessibility and its imaginary, which we translate into the integral and currently present reality, are erased.

Baudrillard's analysis of contemporary society is an acute but sufficiently pertinent and daring reflection on transformation processes created by political and cultural globalisation. His book *Perfect Crime* (Baudrillard, 1995) was already a great success. I use his terms and theses in as much as they are useful for the consideration and assessment of those forms of religiosity that seem new or typical of the global syncretism framework and the transformation changing contemporary developed society.

For a sociologist and a religious studies scholar, contemporary time seems privileged since we can follow, firsthand, the social change of paradigm and the related transformation of mentalities and the complex field of cultural production. We can say that the process of the great transformation of Western societies began in the beginning of the 1990s, which coincides with concrete social happenings that swiftly changed the map of

the world and which we, for the most part, consciously followed up-close: the fall of the Berlin Wall, which will remain a metaphor for the end of ideological polarity and political division between European countries after WWII, but also world countries; dissolution of the Soviet Union; disintegration of Yugoslavia and Balkan conflicts; the reconstruction of Europe and its ambitious development project in the framework of the monetarily, economically, politically and culturally united community; strong technological development, establishment of the internet as the new *agora*, which is becoming a basic form of communication; liberalization of the economy and the devestment of the laic social state; control of oil sources in the Middle East ensured by the strategic connection between the Wahhabi house in Saudi Arabia and the USA. The interventions in Afghanistan and Iraq can be read in this context, with the effective event of September 11 and the complex problem of the relations between Israel and Arab countries.

At first sight, the new features pervading contemporary society seem above all of a technological nature. But sociological analyses have pointed out that, with them, the broader social paradigm is changing. The technical and media paradigm changes the forms of social communication, individual and collective expectations, their identities, culture and thought patterns. Technological and the related social development have become so rapid that social sciences can hardly follow it with appropriately critical reflection which is a phenomenon whose consequences cannot be foreseen.

II. The religious field and hypothetical transformations

How does this social transformation influence religion? Despite the laic secularisation accompanying the development of modern society, religion remains a vital field of human society. Compared to the 1960s, when an emphasized atheism was on the rise and religion was considered a remnant of superstition or traditional forms of corporative community, it today demonstrates a new vitality

and a surprising ability of adapting to post-modern society. Secularisation, of course, remains the meta-narration of the modern world. Despite this, religion is alive and capable of creating new identification icons operating at the individual as well as the collective level. In this sense, it is precisely the Catholic Church that is the most vital. Pope Benedict XVI's first encyclical entitled *God is Love* (*Deus caritas est*) is quite telling. The Pope, who with his reasonably cautious and rational first appearances successfully took over the heritage of the powerful charisma of John Paul II, at the same time, pointed to the problems that the Church has kept swept under the carpet for the last quarter of the century. With the last encyclical, the whole sphere of eros has been integrated into the sphere of love, which is God himself. This love is both spiritual and physical. The church thus rejects misogyny or an ambiguous reservation towards the female body and sexuality — which, for a long time, was a difficult and controversial topic in Catholicism. Here, we have to say that modern secularisation is, above all, a European phenomenon. In the USA, social development unfolded differently and the genesis of a secular and laic society did not have the causes that we know from the history of modern Europe.

Contemporary societies are entering a situation with new characteristics. We are in a period of globalisation and a great plurality of religious choices that take place syncretically. A substantial share of the younger population is turning to religion. They were no longer religiously formed in the traditional way as the past generations were, despite all limitations, especially in Catholic countries and Germany. In contemporary society determined by the market mechanisms of supply and demand, religion also adapts to these criteria or succumbs to them. The emphasis is no longer on the persistence of the fundamental, substantive and doctrinal patterns, i.e., on that which has, throughout the ages, remained identical and fundamental, such as the basic concepts of spiritual proclamation

and the traditions of a certain religion, what gains on value is mobility, discontinuity, openness to new connections and the capability of integrating syncretic elements and goods. It is not vertical identity or personal introspection that is in the forefront, but mobility in the horizontal network and the capacity to coordinate external plural aspects. (Filoramo 2004).

In a global society, identities, which I understand as individual and collective forms of identification, mix and dissolve. It is a matter of the principles of global society (Beck 2003), such as deterritorialization, i.e., the extraction from physical space and destabilisation of identities. These dissolve in a virtual production of the simulacra of the other, which leads to an agony of constant displacement. We can observe a similar phenomenon in the field of religion where a real dissemination of the sacred is starting to take place. I use the concept of the sacred in the sense developed by the German School of the 19th c. (Schleiermacher 2005), which became established in religious studies through the pioneering work of Rudolf Otto (Otto 1993). In the traditional understanding of religion, the sacred is a characteristic or quality of things, objects, locations and persons which is, at its core, transcendental and unknowable. Religious studies, on the other hand, started talking about the “sacred” as an independent substance with an ambivalent nature, related to the concept of the sacral, which attracts and frightens at the same time, its characteristic being the feeling of the *numinous*. In post-modern society, the sacred is constituted in a new way, while the forms of its expression remain an interesting, but undetermined and little explored object of research so far. We could make a daring hypothesis that the sacred, which, starting out as something objective, is becoming an increasingly more autonomous or substantive category, is, to an extent, breaking away from religion, reaching a level where it does not necessarily overlap with the religious. This is a risky hypothesis, a working hypothesis for now, but more detailed analyses show

that the field of religious forms is rapidly turning into something we could perhaps name post-Christian or, more precisely, post-Church and not post-religious or post-sacral society (Luckmann 2007). It is interesting to observe how the return of old Gnostic elements, which European culture had not managed to completely reject or surpass, can be seen in the forms of the so-called New Age or new spirituality. The forms of post-modern or even global gnosis appear in new clothing, but the outcome of this peculiar "sacralization" and creation of new religious forms that are manifested individually and globally cannot be foreseen (Filoramo 1994).

III. Post-modern globalised gnosis

How should we define religion today? Is religion still composed of cultic acts and the belief in supernatural beings? Are cultic acts expressed through prayer, thanks and the veneration of God? Is the foundation of religion still the belief in after-life? The belief in God's incarnation? Is it a matter of observing the forces of nature and examining the questions of the meaning of the world's existence? A matter of loyalty to one's tradition? Or is religion merely an ethical code of earthly existence? The admission that human knowledge of the ultimate things is limited? The search for a spiritual disposition ensuring inner peace, equilibrium and meaning of life? Here, we have to ask ourselves which characteristics define the new forms we call contemporary New Age spirituality.

Contemporary forms of religious expression come very close to or even overlap with the questions that belong to the field of psychology, sociology, anthropology, politics, natural sciences and also ecology. Traditional religious ideas, such as hope, belief in redemption, intercession and the faith in grace are not in the forefront. Studies show that even religious people are giving up their belief in redemption and afterlife. The emphasis is on values, the meaning of life, spiritual equilibrium, self-realisation and happiness. Many of these questions should actually be seen to by the social laic

state, which is obviously not up to this task and even renounces its traditional role of a social guarantee. New religious movements with their lively dynamics thus enter this field.

We mentioned that one of the fundamental characteristics of new religious forms is a syncretic use of available goods. The deterritorialization, continuous displacement and destabilisation of identities lead to the crumbling of traditional collective religious identities instead of which the sphere of individuality and syncretic choices becomes increasingly more established (Baudrillard, 2004). Contrary to the form of religious formation passed down to an individual by tradition, with them either fulfilling their task of actively or passively preserving it or distancing themselves from it, today, religion appears as a choice. General social formation does not offer an individual religiosity; religiosity is a product of one's own choice and upgrade. From a religiosity rooted in space and time supported by collective memory (Halbwachs 2001) and sustained by a living tradition with cultural reproduction, we are moving to a religiosity where space changes according to the relevant subjects and where time is not subject to the forms of traditional liturgy nor (cosmic) time shifts and cultural or collective identifications. Personal identity, too, that used to be given once and for all is today labile and resembles a kaleidoscope. In new religious movements, there comes to a creation of new, fictitious identities when members of a certain denomination want to connect to a certain ethnos, most often to Hindu or Asian cultures to which the adopted spiritual form is supposed to correspond ethnically and culturally (e.g., Hare Krishna). But in the age of globalisation, there are no original ethnic cultures and certainly not in a big Western city which is why this is a peculiar fictive identification simulacrum. In this respect, Hindu spiritual forms are more adaptable, while Buddhism is more conservative and less prepared to adapt to Western civilization.

Two important new criteria are undoubtedly the privatisation of the religious sphere, which is connected to the possibility or even the pervading form of personal spirituality that is no longer determined in advanced, but chosen and upgraded by the individuals themselves, implying a form of a “supermarket” where I choose at will those spiritual elements that suit my own taste. The main factor of this choice is the global paradigm of the free market offer, in this case, enabled by religious pluralism. In a way, the guarantee of this plurality is, or at least is supposed to be, precisely the laic state, which, in its separation from the church, ensures the freedom of religion. Of course, the question arises whether in such a society religion still performs its role of the fundamental social bond that contributes to the common collective identification (of a region, nation, country, continent, civilisation) as proposed by the founder of the sociology of religion, Durkheim. It seems that religion is no longer based on social bonds which would be collectively acknowledged as such and even less can it today establish them, but succumbs to the so-called *rational choice*, i.e., to the individualised criteria of spiritual suitability and usefulness (Filoramo 2004).

Contemporary individualisation of religious form, which is not subject to church control nor doctrinaire tradition, but chooses spiritual contents at will, according to its own criteria, as if in a supermarket, is part of a broader transformation of mentality accompanying globalisation. Anthony Giddens wrote an excellent study on this where he focuses on forms of general self-reflection of contemporary human beings (Giddens 2000). A characteristic accompanying the transformation of cultural identity is also an emphasised orientation towards the present. The very deregulation and polyvalence of identities, which are today becoming prevalent, imply a synchrony of relations. In a religious sense, this means that spiritual concerns are not directed towards the anticipated future and redemption for which one yearns and prepares and,

in line with this, leads a moral and socially committed life, but that the concern and attention are directed towards the “now”, towards the existence here and now, which is turning into an integral reality. This, in a way, is all that exists and interests one at the moment.

Contemporary authors find that Western society is moving away from linear historical time of the Judaeo-Christian tradition, which is based on the continuity and successiveness of the timeline extending from the origin to the expected messianic or utopian time, the last hour and redemption beyond time and space. Linear time is also the historical time of recording events and giving meaning. But it also includes an implicit exclusiveness characteristic of Abrahamic religions, excluding those who do not follow the “right path”. It is precisely this scheme that is today collapsing in the Western world, taking on forms that are temporally unbound and synchronously inclusive. Beck uses a felicitous concept of *uchronia* (Beck 2003), denoting existence outside temporal and natural determinants, on a virtual replaceable or reversible net freed of successive time and its determinants. Such religion is extracted from the physical and historical context and is therefore, in a way, dematerialised. It is based on a homogenisation of goods whose only reality is personal perception. It is, of course, a matter of the concept of reality close to the concept of integral reality as developed by Baudrillard and mentioned at the beginning of this paper. This reality is, mostly, if not exclusively, based on sensory perception. The concept of Narcissus, which we used years ago, is today changing. Narcissus is no longer fixated on his, such or other, perhaps even pathological image, but takes on a collective form that is deterritorialised and de-substantialised, its characteristics being indifference and allurements. This leads to a dissolution of the ‘I’ where the consciousness finds itself in a constant displacement filled by a game of allurements performed by unstable and amplificatory icons and TV images. The effect of such an agony

of displacement is a special form of agitation, which is becoming a form of hysteria of contemporary society, indifference and a certain lack of identity. Gilles Lipovetsky (Lipovetsky 1993) writes about this.

So, what is characteristic of new religious forms of syncretism is the free choice of spiritual elements, freed of a priori determinations and institutional norms in general, their basic criterion being their usefulness and immediate affirmation.

The primacy of individuality, which is taking hold also of the religious field, is part of the transformation of forms that were first manifested in the literary field when, in the 1980s, parallel to deconstructivism, people started talking about post-modernism and auto-poetics. The phenomenon of religion is part of the same cultural and social context. Next, we list a few properties characteristic of the new spiritual movements from which it should be evident how the forms of modern gnosis, which are one of the possible forms of expressing the sacred (Filoramo 1994), are latently or explicitly manifested. In part, we draw on the excellent studies developed by Thomas Luckmann (Luckmann 1997).

An attempt at a typological classification

1) An important criterion in grasping religious form is *personal experience*. In order to be spiritual, it is not enough to belong to a church or religion. External expressions of religiosity are often redundant or even wrong. They are not genuine and do not express real spiritual intentionality. Participation in rituals and traditional prayer are not the right criteria. One has to have a personal experience. Most Sunday believers thus do not come into consideration and members of New Age movements think that they do not know real spirituality. The imperative is an unmediated personal experience that one experiences in practice, mentally and psychophysically.

2) This means that a subjective spiritual experience has an important role. This is what the charisma of a leader of a certain sect or community

rests on, but it seems that this aspect was especially present twenty or thirty years ago, while it is no longer important today, at a time of a global network and rapid displacement. Despite this, the charisma of a community leader, who is assumed to really know spirituality due to his/her personal spiritual experience, is an important factor that sustains the transference between group members and their rejection of traditional religious institutions. This rejection of traditional institutions is a precondition for their mutual connectedness. And the subjective experience is the one connecting the members to their leader. The sect members are convinced that only they are really initiated into the spirituality that is, for them, the only right one. Within a certain collective identity, everyone acts with the intention to awaken the divine spark they carry inside.

3) The divine spark that we carry inside and that waits for us to awaken it is our real spiritual essence. It is identical to well-being, psychophysical equilibrium and self-realisation. Here, we are far from traditional Christian negative denotations of worldliness, the instructions for patience, devotion and expectation of the beyond. The imperative demands that I feel well in my body and am satisfied with it, here and now. It has to suit my person, which is why we talk of the privatisation of religious experience. Personal well-being that tends to self-realisation carries with it a series of practices that predominate in many spiritual movements and thus overshadow religious elements in the narrower sense. In new forms, the body has an important role. This is a trademark of New Age movements. Parts of this framework are yoga, breathing exercises, ritual dances, select food, meditative practices, headstand and other physical exercises, music rituals, also magical ritual sexuality, energy awakening, activating chakras and the ecological type of the believer. Instead of redemption in the afterworld, full self-realisation here and now. Possible is also a cyclically spiral path of advancing through the reincarnations of the spirit.

Such a religious selection of formations shows us two faces: on the one hand, there is the loosening of social bonds and collective identities, with an individual becoming one's own church, torn out of the traditional *habitus*, which is why such forms do not tie themselves to any defined confession and pass freely along the spiritual field. The beliefs in Muhammad, Christ or Buddha are established at the same level and are interchangeable. The criterion is personal well-being, which dictates a subjective selection of spiritual elements. On the other hand, there is the reverse current when a new form encourages an entry to the global *network*, a capillary network of new movements. Because of the transference relations, which are constitutive for them, they are restrictive, to an extent, sometimes authoritarian and institutionalised. In this, we could perhaps see an attempt at a new religious communitarianism.

4) New religious movements have no determined canon. They have no disciplined teachers who would draw on their own tradition and perform normative supervision. There is no universal proclamation that would implicitly wait to reveal itself to all. Everyone is a "church for themselves", while, at a higher level, individualism merges with general holism where everyone is connected to everything, not only people, but all beings in general. The holistic perspective makes it possible for everyone to gain access to the global network and enter integral reality composed of universal individual pluralism. These aspects are similar to the spiritual forms in the age of Hellenism and the Imperial age when the spiritual "care for oneself" formed among the Stoics and strong Gnostic elements came to life in various forms, while mystery religions gained an intellectual character. The goal of new spiritual movements is not a messianic perspective or afterlife redemption. Ethically viewed, these new movements do not presuppose a final judgement that would function as a criterion. The goal is not a redeemed or heavenly state, but psychophysical equilibrium in everyday life and the

union of one's consciousness with the sacred cosmic spirit.

We can see from the above that, with the social transformation we are witness to, certain aspects of religion are changing in an important way. The old and traditional human — divine — sacred relation is undergoing a subtle change that is difficult to characterise comprehensively. New spiritual movements reject religious forms of redemption and are not based on a creationistic God or a personal God, the live "you" in Abrahamic beliefs, which we find in traditional forms of religion, from Old Testament psalms to Catholic liturgy and literature. The new movements replace the concept of a personal God with alternative forms that are gnostic, naturalistic or deistic. Instead of transcendence, the concept of holistic immanence appears. Redemption does not concern individuals but the whole planet, which is emphasised above all by the form of ecological gnosis. The gnostic god, which is identical to the divine spark and lies dormant in an individual, is, contrary to the Christian God, impersonal and has no subjective will. This is precisely why, in the field of new religious gnosis, analogously to the old gnosis, subject, object and mediator coincide and are identical at the top level. Such religious consciousness that excludes divine will implicitly slides into a sort of necessitarianism. Divine powers are manifested in forms that transcend the anthropomorphic determination. There also comes to an abolishment of the difference in the status of the secular and the sacred, although this question would demand a more detailed analysis. This was due to the influence of Asian religions, in which we do not find this distinction, when, with "Hindo mania" at the end of the 19th century, they started making their way to the West and entered the cultural spheres of western societies. The rejection of this distinction implicitly means that every moment and every part of life is sacred and that there is nothing separated from it that would not be sacred. Or in other words, we can experience the sacred everywhere. To come

into contact with it, one does not have to go into a consecrated space, but can experience it in full anywhere. An important factor contributing to the abolishment of the status of the sacred as that which constitutively differs from the secular is undoubtedly the already mentioned new paradigm of global society based on deterritorialisation, displacement, “uchronia” and integral reality.

Contemporary global human beings preserve their spiritual intentionality, while the forms of their search and expression show that there emerges a distinction between religion and the sacred. Today, religion is undergoing a peculiar transformation, which deserves a more detailed analysis, since, on the other hand, a certain sacralization of the world has entered into an alliance with post-modern global culture. This alliance is no longer based on symbolic language giving meaning to human existence or a transcendence as the foundation of the ontological existence of the world. Instead of this, it is accompanied by a certain erasure of historical memory or a dehistoricization of culture.

Literature

1. Baudrillard Jean. *Le crime parfait*. Paris: Editions Galilee, 1995.
2. Baudrillard Jean. *Le pacte de lucidite ou l'intelligence du Mal*. Paris: Ed. Galilee, 2004.
3. Beck Ulrich. *Kaj je globalizacija? // What Is Globalization?* Ljubljana: Krtina., 2003.
4. Filoramo Giovanni. *Le vie del sacro. Modernita e religione*. Torino: Einaudi, 1994.
5. Giddens Anthony. *Preobrazba intimnosti // (The Transformation of Intimacy)*. Ljubljana: *cf, 2000.
6. Halbwachs Maurice. *Kolektivni spomin // On Collective Memory*. Ljubljana: Studia humanitatis, 2001.
7. Lipovetsky Gilles. *L'ere du vide. Essais sur l'individualisme contemporain*. Paris: Ed. Gallimard, 1993.
8. Luckmann Thomas. *Druzba, komunikacija, smisel, transcendenca (Society, Communication, Sense, Transcendence)*. Edited by Vinko Potočnik and Igor Bahovec. Ljubljana: SOU, Claritas, 2007.
9. Otto Rudolf. *Sveto (The Sacred)*. Ljubljana: Nova revija, Hieron, 1993.
10. Schleiermacher Friedrich. *O religiji // On Religion*. Ljubljana: Kud Logos, 2005.

РЕЛИГИОЗНЫЙ СИНКРЕТИЗМ И МАНИФЕСТАЦИИ ДУХОВНОГО В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

И. Шкамперле

Университет Любляны, 1000 Любляна, Республика Словения

Рассматриваются отдельные аспекты новых форм религиозного синкретизма и новой социальной парадигмы. Анализируются последствия для религиозной сферы европейских изменений (падение Берлинской стены, распад Советского Союза, дезинтеграция Югославии) и реконструкции Европы, сопровождающейся интенсивным технологическим развитием. Сфера религии сама становится глобалистичной, а синкретизм является одной из ее характеристик. В формах религиозных верований возникают новые формы гнозиса, сильный индивидуализм, теологические вопросы, касающиеся божественной инкарнации, и сравнительно большая дистанцированность от церкви. Западное общество в эпоху глобализма также движется от исторического контекста времени и имеет мало традиционных связей. Предпринимается попытка типологической классификации некоторых постмодернистских религиозных категорий, таких как личный опыт, субъективная духовность, детерриториализм и манифестация духовного в форме индивидуального гнозиса.

Ключевые слова: духовное; синкретизм; субъективная духовность; гнозис; новый коммуитаризм; церковь

УДК 32 001+37.013

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ***И.Г. Долинина***

Пермский государственный университет, 614099, Пермь, Букирева, 15
e-mail: irina_edu@mail.ru

В статье рассмотрен образовательный контекст политической культуры, проанализировано состояние индивидуального уровня, выявлена и описана динамика развития в общеобразовательных учреждениях, вузах и общественных организациях.

Ключевые слова: политическая культура; эксперимент; политическое участие; заинтересованность; способность

Необходимость формирования гражданской политической культуры продиктована, с одной стороны, желанием достичь нового качества образования, соответствующего современным потребностям развития общества, с другой — пониманием бесперспективности прежних подходов к политическому просвещению и осознанием возможных негативных последствий в случае отсутствия или недостаточной эффективности образования: опасность отчуждения и асоциализации, пассивность и абсентеизм, контрпродуктивный характер политических интересов и участия, расхождение в оценках системы ценностей, опыта, перспектива возникновения асоциальных и контрсоциальных сообществ, возможность проявления интолерантности и социального радикализма молодежи, опасность отчуждения и скатывания на дно общества, пассивность, контрпродуктивное развитие политических интересов и участия.

Категориальный статус термин «политическая культура» обрел в западной литературе в 1956 г. в работах американских политологов Г. Алмонда и С. Вербы. Они считали, что политическая культура — это особый тип ориентации

на политическое действие, отражающий специфику каждой политической системы.

Политическая культура в широком понимании — составная часть общей культуры, показатель политического опыта, уровня политических знаний, образцов политического поведения и функционирования политических субъектов; характеризует жизнь государства, социальной группы, индивидов. Следовательно, политическая культура — это совокупность трех элементов: исторического политического опыта, политического сознания и политического поведения.

Политическая культура — это не политическая деятельность, а основа для формирования готовности к гражданскому участию, деятельности социально — политического характера.

Разработка теории, содержания и методического оснащения педагогического процесса в данном направлении недостаточна, в том числе и в связи с тем, что «не существует простой формулы развития политической культуры, способствующей поддержанию демократии» (Г. Алмонд и С. Верба).

Исходное теоретическое положение, с позиции которого реализуется система формирования политической культуры (обучающихся) и весь спектр содержания педагогического явления, таково: *«формирование политической культуры обучающихся — это целенаправленный процесс воспитания и обучения, включающий в себя освоение обучающимися политического опыта, выработанного человечеством, развитие соответствующего нормам современного демократического общества политического сознания и подготовку к адекватному политической реальности конвенциональному поведению; процесс становления личности как субъекта и объекта политических отношений».*

Цель констатирующего эксперимента — экспертная оценка состояния политической культуры обучающихся по выработанным критериям. Исследование включало в себя:

- 1) выявление особенностей состояния политической культуры обучающихся;
- 2) опрос молодых людей для выявления индивидуального уровня политической культуры с позиции подготовленности к политическому участию;
- 3) анализ результатов мониторинга письменных работ;
- 4) анализ педагогической практики формирования политической культуры обучающихся.

Составленная анкета дает возможность проанализировать отношение обучающихся к политической жизни общества и оценить, как происходит изменение отношения к политической жизни, системе и своему месту в окружающей политической реальности. При рефлексии обучающимися индивидуального уровня политической культуры по выработанным нами критериям (заинтересованное отношение к политическим процессам, готовность к участию в политической жизни страны, знание того, как гражданин может взаимодействовать с государством и обществом) автором выявлена

динамика проявления соответствующих концепций особых социальных качеств личности.

В процессе анкетирования были выявлены такие суждения:

1. Я заинтересованно отношусь к событиям в политической жизни (города, страны), международным отношениям: владею знаниями о своих политических правах, политической системе, политических событиях; у меня есть собственное мнение на основе владения информацией о политических лидерах, партиях и их программах, политических институтах государства и общества; обсуждаю политические проблемы с друзьями дома и т.д.

2. Я готов к участию в политической жизни: понимаю, что необходима сменяемость власти и считаю себя готовым участвовать в выборах; могу оценивать деятельность властей.

3. Я приобрел способность и желание взаимодействовать с обществом и государством: знаю правовые основы и механизмы действия институтов власти; умею находить решение сложных общественно-политических проблем путем переговоров и взаимных компромиссов; уважаю чужое мнение и поведение на основе принятия общечеловеческих ценностей, социальной адаптации и интеграции.

Анализ результатов констатирующего эксперимента позволил сформулировать выводы о том, что у основных субъектов диагностики (обучающихся) недостаточны или отсутствуют знания о демократическом обществе, правовом государстве, гражданском обществе; политическое сознание характеризовалось конкретностью, персонализированностью, эгоцентричностью (имеет немедленный, чувственный, очевидный и прагматичный характер). Отсутствует целостное представление о системе общечеловеческих и гражданских ценностях.

Выделены три группы причин: первая — социальный характер, так как в Российском обществе в целом процессы формирования

гражданского общества и правового государства до сих пор находятся в стадии становления, налицо неподготовленность самого населения; вторая — педагогический характер: теоретико – методологические основы недостаточно распространены и интериоризированы педагогическим сообществом, поэтому устранение этой причины лежит в области переподготовки и повышения квалификации работников образования; третья группа причин имеет организационный характер, поскольку связана с обеспечением условий для успешной реализации педагогического процесса.

Сделан вывод о недостаточности уровня политической культуры для участия в жизни демократического общества.

Для оценки достоверности результатов проведено большое число испытаний, а затем применены методы диагностики небольших групп испытуемых, основанные на ожидаемых результатах, полученных в средних школах и учреждениях НПО, вузах и общественных организациях.

Цель формирующего эксперимента – проверка эффективности теоретико-методологических основ формирования политической культуры молодежи, определение динамики формирования индивидуального уровня политической культуры гражданского типа.

В качестве показателей динамики и критериев эффективности использовались:

- знания политологии о механизмах функционирования институтов гражданского общества и правового государства и основ политической культуры;
- показатели развития сознания, искомого качества и снижения уровня догматизма;
- уровень сформированности общечеловеческих и гражданских ценностей и развития толерантности;
- критерии: заинтересованное отношение к политическим процессам, готовность к участию в политической жизни страны, знание

того, как гражданин может взаимодействовать с государством и обществом;

- уровни: I уровень — низкий (информационно-нейтральный, эмоциональный); II уровень — средний (избирательно-фрагментарный, эмоционально-волевой); III уровень — высокий (системно-ценностный, эмоционально-рациональный).

Для проверки знаний обучающихся использовался метод тестового контроля, так как, на наш взгляд, он позволяет избежать субъективности в оценке знаний учащихся. Целесообразно его применение как для текущей проверки знаний, так и для итоговой (например в конце изучения темы «Основные положения Конституции РФ»).

Контроль осуществлялся на основе принципа взаимосвязи содержания, развития умений и навыков и формирования политической культуры как важнейшей ценности и цели педагогического процесса, доказывающей эффективность разработанной педагогической технологии и модели формирования политической культуры учащихся. Анализ проведенных проверочных и контрольных работ позволил сделать заключение о наиболее сложных политологических проблемах и вопросах общественно-политического понятия. Знания политологического понятийного аппарата отличаются в экспериментальных группах от контрольной в среднем на 8 — 10%; знания и умения оперировать признаками демократического правового государства — на 13,4 — 17,3%; знания теории происхождения государства и форм государственного устройства — на 10 — 14%; знания принципов и элементов системы разделения властей и системы сдержек и противовесов — на 10 — 13%; избирательных систем и избирательного права Российской Федерации — на 10,6 — 12%. Проведенные итоговые тесты имели следующие различия в результативности усвоения содержания: по основным положениям конституционного строя Российской Федерации — на 5 —

14,5%, по политологическим вопросам общественного вознания — на 6 — 9%.

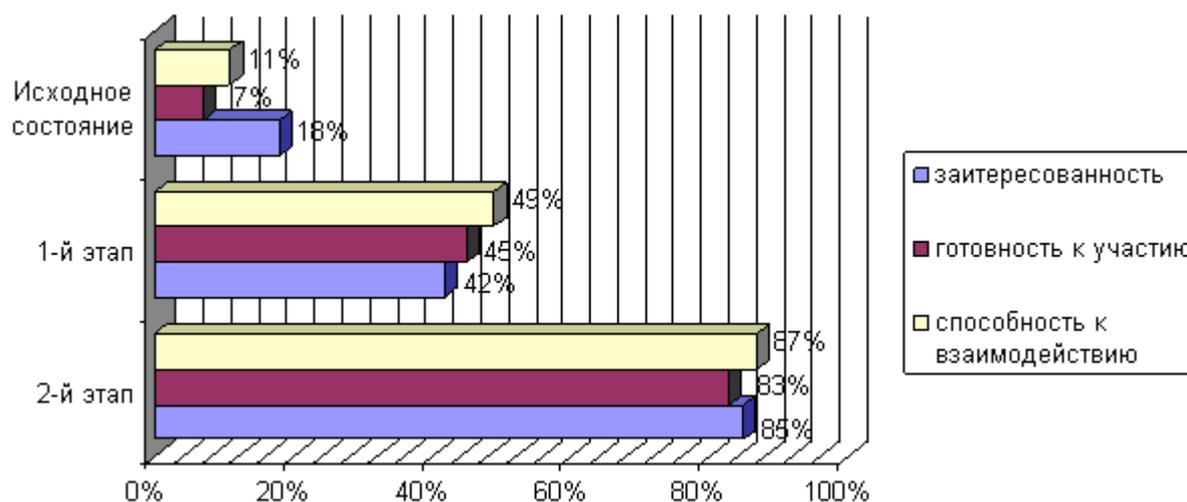
Сравнительный анализ результатов экспериментальных и исследовательских операций проводится между экспериментальными и контрольными группами, что обусловлено стремлением соблюсти «чистоту эксперимента», более полно представить эффективность научной работы. Однако сопоставление данных не менее важно проводить в ином ракурсе: сравнивать этапы в части уровня самоанализа и рефлексии учащихся, что способствует осмыслению ими актуальности и значимости образования и предмета, с одной стороны, и пониманию путей и методов саморазвития и приобретения социально-политической зрелости, подготовленности к конвенциональному политическому поведению — с другой. Методика анализа информации при оценке эффективности педагогического воздействия на процесс формирования политической культуры предусматривает в качестве предмета анализа усвоения предметных знаний и направление динамики значений индивидуального уровня политической культуры. Именно указанная технология анализа определяет диагностический характер настоящего исследования и возможность использования наблюдения за результатами воздействия.

Данные эмпирического наблюдения позволяют говорить о незначительном влиянии изучения политологических вопросов на развитие политической культуры по предполагаемым критериям (в контрольном классе — в среднем на 10-15%, в индивидуальных случаях — до 17%). Результаты опытно-экспериментального исследования говорят о том, что знания усвоены, наблюдается рост заинтересованного отношения к политической реальности и процессам, осознания необходимости сменяемости власти и готовности к участию в акциях, необходимых для осуществления демократии, желания взаимодействовать с обществом и государством.

Автором выявлена динамика проявления соответствующих концепций особых социальных качеств личности обучающихся (см. рисунок). Педагогические измерения проводились в три этапа: в начале обучения, в ходе обучения, в финале обучения. Так, были определены следующие уровни: «заинтересованность...» (группа респондентов — 90 чел.) проявляли 11, 49, 87% соответственно, «готовность к участию» — 7, 46, 83%, «способности к взаимодействию» — 18, 42, 85%.

Педагоги нередко полагают, что результат педагогического воздействия проявится спустя годы. Мы провели опрос среди студентов, многие из которых обучались по учебным пособиям или привлекались к эксперименту. В исследовании значение имеют не абсолютные цифры, а разница в оценочных суждениях студентов 1-х и 4-х курсов. Результаты анкетирования свидетельствуют о том, что наблюдаются различия в их отношении к политической жизни общества. Так, на 1-м курсе 32% опрошенных с интересом относятся к политическим событиям, а на 4-м курсе — 45%.

Четверокурсники сообщают, что 45 % из них обсуждают проблемы дома и с друзьями, а на 1-м курсе таковых всего 23 %. Однако нельзя с полной уверенностью сказать, что их мнение рационально, в достаточной степени аргументировано и не подвержено эмоциональному влиянию со стороны своей социальной группы. Касательно готовности участвовать на 1-м курсе в политической жизни общества, то таковыми себя считают 26,5 %, а на 4-м курсе — 53 %. О своем понимании необходимости сменяемости власти заявляют на 1-м курсе 26 %, а на 4-м — 54 %, но при этом студенты высказывают мнение, что сам принцип им понятен, но в выборах они не хотят участвовать. Возможно, это связано, прежде всего, с тем, что молодежь не доверяет власти, не верит в честность выборов, не видит в них смысла или не знает, за кого голосовать.

Оценка индивидуального уровня политической культуры участниками общественных организаций

Формы и методы, разработанные и представленные в педагогической технологии, создали условия для развития сознания обучающихся. В ходе исследования установлено, что мышление обучающихся в большей мере характеризуется личной автономной системой общечеловеческих и гражданских ценностей; снижается личный авторитаризм (происходит признание закона, власти, правительства, осмысливаются препятствия в реализации социально значимых целей), появляются социальные цели, готовность к политическому участию, формируется способность к политической самореализации, социализации.

В процессе исследования проводились обсуждения идей, философских и социальных представлений прошлого и современности, беседы, писались эссе. Результаты анкетирования позволили определить динамику политического сознания и уровень догматизма с помощью автоматизированного опросника, составленного на основе шкалы догматизма М. Рокича.

Шкала догматизма

Отметьте суждения в соответствии с вашим согласием или несогласием, проставив «+» или «-».

1. Человек, который думает главным образом о собственном благополучии, достоин лишь презрения.
2. Определяющим в жизни человека является желание совершить нечто важное.
3. «Единственная роль, которую должен выполнять каждый, — это роль гражданина» (Демокрит).
4. В дискуссии я нередко считаю необходимым повторить свою мысль несколько раз с тем, чтобы не сомневаться, что меня понимают правильно.
5. Люди не умеют отличать добро от зла.
6. «Каждый народ имеет то правительство, которого он заслуживает» (Ж. де Местр).
7. В наше время человек, который на первое место в жизни ставит личное благополучие, эгоистичен.
8. Лучше умереть стоя, чем жить на коленях.
9. Часто люди разделяют утверждение: «цель оправдывает средства».
10. Ценностей нет, все идет по головам.
11. Применение смертной казни необходимо.

12. «Кто входит в дом счастья через удовольствие, тот выходит скорее всего через страдание» (Паскаль).
13. Тот не понял, что такое жизнь, кто не верит в идеалы.
14. Где найти человека, который бы посоветовал, как мне справиться со своими проблемами.
15. Из всех существовавших в истории философских учений вероятно лишь одно — верное.
16. Жизнь состоит из конфликтов.
17. «Рожденный ползать летать не может» (М. Горький).
18. Чтобы сориентироваться в происходящем, нужно узнать у специалистов.
19. «Я человек и ничто человеческое мне не чуждо» (Теренций).
20. «Демократия — это худший способ управлять страной, если не считать тех способов, к которым до сих пор прибегало человечество» (У. Черчилль).
21. Есть несколько человек, с которыми я испортил отношения из-за того, что они отстаивали свои принципы.
22. Чем строже законы, тем больше порядка.
23. «Чтобы жить, будь осторожней» (Гораций).
24. Не стоит высказывать своих суждений о том, что происходит до тех пор, пока не предоставится случай услышать мнение уважаемых людей.

В процессе формирования гражданской политической культуры выявлено снижение уровня догматизма, что является проявлением

ее динамики. Эффективность опытно-экспериментальной работы подтверждена с помощью специальной диагностики и мониторинга состояния процесса и субъекта обучения.

Первая стадия формирующего эксперимента была посвящена подготовке условий для успешной реализации теоретико-методологических основ и системы формирования политической культуры обучающихся. На второй стадии формирующего эксперимента осуществлялось обучение педагогов по специально разработанной программе. Рефлексивные высказывания педагогов, а так же анализ их деятельности свидетельствуют о том, что у прошедших обучение появилось целостное представление о политической культуре, об организации системы работы, об особенностях различных методов контроля в образовательном процессе. Педагоги освоили систему формирования гражданской политической культуры, получили опыт применения теоретико-методологических основ, пособий в своей практической деятельности. Успешность обучения подтверждалась результатами мониторинга. Третья стадия включала в себя анализ результатов эксперимента и их обобщение. Результаты опытно-экспериментальной работы показали, что организация педагогического процесса позволила обеспечить позитивную динамику индивидуального уровня политической культуры обучающихся.

DYNAMICS OF DEVELOPMENT OF POLITICAL CULTURE

I.G. Dolinina

Perm State University, 15, Bukirev str., Perm, 614990

In article the educational context of political culture is considered, the condition of individual level is analysed, dynamics of development in educational institutions, high schools and public organisations is revealed and described.

Keywords: political culture; experiment; political participation; interest; ability

УДК 321.015+352.075

ГОСУДАРСТВО КАК СУБЪЕКТ СОЦИАЛЬНО-ПАРТНЕРСКИХ ОТНОШЕНИЙ РЕГИОНАЛЬНОГО УРОВНЯ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРМСКОГО КРАЯ)

Е.Ю. Подоляк

Пермский государственный университет, 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15
e-mail: podolyak@gmail.ru

Рассматривается роль государства как субъекта социального партнерства регионального уровня на примере Пермского края. Анализируются противоречия, присущие деятельности государства.

Ключевые слова: государство; социальное партнерство; трудовые отношения

Важнейшей функцией государства является поддержание равновесия между различными социальными слоями и группами. В рамках регулирования социально-трудовых отношений такой функцией является поддержание равновесия, диалога между работниками и работодателями, трудом и капиталом. Поскольку трудовые отношения являются основой общества, справедливым будет полагать, что социальное партнерство является для государства механизмом, позволяющим не только снижать социальное напряжение между сторонами трудовых отношений (работниками и работодателями), но и обеспечивать соблюдение интересов всего общества.

Социальное партнерство, по нашему мнению, должно являться основой социальной политики государства, т.е. курса действий в отношении осуществления социальных программ, поддержания уровня жизни населения, доходов, обеспечения занятости, предотвращения социальных конфликтов.

Трудовой кодекс РФ определяет органы государственной власти и органы местного самоуправления в качестве стороны социального

партнерства в случае, когда они выступают в качестве работодателей [1].

Однако в рамках субъектно-объектного подхода, нам представляется наиболее соответствующим современному состоянию развития социального партнерства и коллективно-договорных отношений в России определять статус государства как субъекта социального партнерства в случае, когда оно выступает не только в качестве работодателя, но и когда является выразителем всего общества или части его. По нашему мнению, именно это является одной из существенных причин определяющей роли государства в развитии социального партнерства. При этом прослеживается тенденция усиления государственного вмешательства в трудовые отношения именно на уровне субъекта РФ.

Изучение вопроса, связанного со спецификой регионального уровня социально-партнерских отношений, обусловлено следующими предпосылками.

Субъекты социального партнерства регионального уровня гораздо ближе к объектам социальной политики, чем федеральные структу-

ры. Органы местного самоуправления во многом самоустраиваются от решения вопросов социального партнерства и трудовых отношений, чему способствует, в частности, федеральное законодательство. Например, Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» не обязывает органы местного самоуправления осуществлять уведомительную регистрацию коллективных договоров, заниматься вопросами охраны и условий труда и т.д. Кроме того, глобальный финансово-экономический, по мнению некоторых экспертов, и социальный кризис, начавшийся в 2008 г., внес существенные коррективы в социально-экономическое положение регионов, в наибольшей степени повлияв на промышленно развитые страны.

Рассмотрим региональный уровень социального партнерства в сфере труда на примере одного из промышленных регионов — Пермского края. В Пермском крае и в ряде других регионов (Челябинской, Свердловской, Ростовской областях, Татарстане) формирование отношений социального партнерства и его органов началось несколько раньше, чем на федеральном уровне, что определило некоторые особенности развития всей системы социального партнерства в России.

Представители субъектов социального партнерства являются основными организаторами и носителями партнерских отношений. Законодательно определено равенство и независимость сторон в рамках социального партнерства [2].

При этом роль и значение развития социального партнерства в России трактуются учеными в настоящее время весьма неоднозначно. Ряд ученых высказывает мнение о том, что социальное партнерство в сфере труда не оказывает большого влияния на сегодняшний день. Другие же заявляют о широких возможностях и значительном влиянии социального партнерст-

ва на социально-экономические отношения в российском обществе.

Деятельности государства как субъекта социального партнерства присущ ряд противоречий. Так, органы государственной власти официально признают значимость социального партнерства в сфере труда и деятельности его субъектов, однако при формировании социальной политики фактически мнение сторон социального партнерства в большинстве своем не учитывается. Наряду с этим следует отметить противоречие между содержанием трудовых отношений и формой их регулирования: трудовые отношения становятся все более индивидуалистическими, однако регулирование их сохраняет свою коллективную форму. Обозначим противоречия между существующей законодательной базой, выделяющей 2 стороны социального партнерства (работников и работодателей и их представителей), и сложившейся моделью, в которой определяющая роль принадлежит государству, что требует, с нашей точки зрения, внесения изменений в нормативную правовую базу, в частности в ст. 25 Трудового Кодекса РФ и ст. 4 закона «О социальном партнерстве в Пермском крае» [3].

Государство выступает как субъект через деятельность согласующих государственных организаций, интересы которых заключаются в недопущении (преодолении) социальной напряженности, социального конфликта (в разрезе социально-трудовых отношений — конфликта между работниками и работодателями). Фактически в сложившейся практике субъектом, стороной выступает даже не государство в целом, а исполнительные органы государственной власти всех уровней; применительно к региональному уровню, соответственно, исполнительные органы государственной власти субъекта Российской Федерации — Правительство Пермского края.

При этом сильной стороной государства являются его властные рычаги. Механизм дей-

ствия государства как субъекта в социальном партнерстве в сфере социально-трудовых отношений можно обозначить следующим образом:

- по отношению к работникам и обществу в целом государство берет на себя ответственность за социальные условия и гарантии, взамен получая общественную поддержку и легитимность власти;
- по отношению к предпринимателям государство обеспечивает гарантии прав собственности, благоприятные условия для предпринимательской деятельности, получая взамен соблюдение установленных норм и правил, а также поддержку национального капитала.

Одним их субъектов социального партнерства на уровне субъекта РФ (в Пермском крае) является исполнительная власть субъекта РФ, представляющая интересы государства и всего населения региона в целом, — Правительство Пермского края. Сторона правительства представлена в системе социального партнерства Пермского края следующими субъектами:

- территориальными органами федеральных органов исполнительной власти;
- государственными органами исполнительной власти;
- правительством Пермского края.

С момента образования трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений в период с 1993 и по 2005 г. ее координатором являлся один из вице-губернаторов. В 1999 г. непродолжительное время должность координатора исполнял первый вице-губернатор области. В 2005 г., с приходом к руководству областью пролиберального губернатора О.А. Чиркунова, распоряжением губернатора Пермской области от 18.05.2005 № 217-р координатором трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений в Пермской обл. назначен советник губернатора области. Впервые за 15

лет развития системы социального партнерства в Пермской обл. координатором комиссии стал не вице-губернатор, а лишь советник губернатора, что явно демонстрирует отношение новой власти к проблемам социального партнерства. В настоящее время координатором стороны Правительства является заместитель председателя правительства Пермского края по экономике. Государственные функции по развитию системы социального партнерства переданы Министерству промышленности, инноваций и науки Пермского края [4].

Первые лица в регионах, в том числе и в Пермском крае, зачастую уклоняются от выполнения предписанных системой социального партнерства функций. Примером тому также может служить то, что в Пермском крае трехстороннее соглашение на 2008-2010 гг. было подписано не губернатором края, а Председателем Правительства края. Власть утрачивает интерес к социальному партнерству, оставляя его лишь рычагом формального снятия социальной напряженности.

Властные структуры выступают чаще всего как организаторы переговорного, согласительного процесса. Однако в настоящее время эта функция выполняется достаточно формально. Одним из доказательств этому может служить отсутствие диалога власти и «нетрадиционных», «альтернативных» профсоюзов, т.е. профсоюзов, не входящих на правах членов в Федерацию независимых профсоюзов России. В состав трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений в Пермском крае с момента начала ее функционирования в 1992 г. по настоящее время входят только представители традиционного объединения организаций профсоюзов Пермского края «Пермский крайсовпроф» и председатели краевых отраслевых объединений, входящих на правах членов в указанное краевое объединение.

Второй особенностью, указывающей на формализм в осуществлении государством

полномочий субъекта социального партнерства в сфере труда, на примере функционирования трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений является недостаточно высокий уровень подготовки докладов, неоднократно отмечаемый координатором комиссии. Кроме того, частые замены состава участников комиссии, участие «дублеров», а не членов комиссии, постоянные переносы заседаний комиссии по инициативе координатора также свидетельствуют о формальном отношении органов государственной власти к социальному партнерству в сфере труда. По данным секретариата трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений в Пермском крае, средняя посещаемость членов комиссии в 2009 г. составила 42,5%. При этом члены комиссии от таких отраслей, как образование и здравоохранение, ни разу не присутствовали на заседаниях трехсторонней комиссии в 2009 г.

Проведенный автором экспертный опрос депутатов Законодательного собрания Пермского края (всего опрошено 17 из 60 депутатов Пермского края) выявил абсолютное незнание содержания текстов трехсторонних соглашений, более того, ни один из опрошенных депутатов не читал соглашение. С деятельностью трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений в Пермском крае депутаты знакомы поверхностно. Наиболее часто встречались такие оценки, как *«смутно»*, *«по паре вопросов работали»*, *«слышал, но лично не участвовал — не знаю»*, *«нет, я в другом направлении специализируюсь»*. Безусловно, это не означает, что эффекта от деятельности трехсторонней комиссии нет, более того, члены правительства, работники и руководители министерств являются также и членами трехсторонней комиссии и принимают непосредственное участие в ее деятельности, имеют возможность применять и выполнять ее решения. В соответствии с целью социального партнерства

депутаты Законодательного собрания, принимая тот или иной закон, должны рассматривать его проект во взаимодействии с рекомендациями соглашения и комиссии. Рекомендательный характер, который носят эти органы, это и предполагает. В реальности же получается, что законодатели не только не руководствуются рекомендациями, но и даже не знакомы с ними. В сегодняшних условиях, когда практически любое управленческое и политическое решение приобретает социальный характер, это становится достаточно опасным.

Существенной проблемой является не только декларативность принимаемых соглашений, но и фактическое отсутствие санкций за невыполнение взятых сторонами обязательств. При этом анализ показывает, что в Пермском крае стороны социального партнерства пытаются делать особый акцент на проблемах исполнения принятых обязательств и предпринимают попытки более четко сформулировать вопросы ответственности участников социального диалога. В областное (с 2008 г. — краевое) трехстороннее соглашение соответствующий раздел вносится с 1996 г. [5], а с 1999 г. оно предусматривает санкции согласно нормам областного закона «О социальном партнерстве». Однако пока вопрос о применении санкций за невыполнение условий соглашений никем из участников диалога не поднимался, чему, в частности, мешает отсутствие соответствующих норм в федеральном законодательстве.

Социальное партнерство, по существу, определяет роль государства в лице исполнительной власти как координатора совместных действий сторон, организатора примирительных процедур в урегулировании конфликтов (в частности коллективных трудовых споров). Однако, основываясь на результатах нашего исследования, можно сделать вывод о том, что государство играет все более возрастающую роль в развитии социального партнерства, становясь его не регулирующим, а «стержневым»

элементом. В настоящее время именно от позиции государства во многом зависит развитие всей системы социального партнерства.

Данный вывод сделан нами, в частности, на основе анализа практик разрешения коллективных трудовых споров, возникших в Пермском крае за период с 2000 по 2010 г.

Всего в крае за это время официально зарегистрирован один коллективный трудовой спор — между работниками и работодателями ОАО «ТГК-9» в апреле 2010 г. Однако в 2008 г. фактически в стадии неурегулированного конфликта находились работники и работодатели таких предприятий, как ОАО «Хенкель-Пемос», ОАО «Нестле Россия», ФГУП «Свинокомплекс «Майский». Отсутствие официальной регистрации коллективных трудовых споров, которая носит уведомительный характер, является формальным фактом, фактически же разрешение спора проходило через примирительные процедуры, определенные Трудовым кодексом РФ.

Показательны результаты интервью с участниками указанных коллективных трудовых споров — представителями работодателя, председателями первичных профсоюзных организаций и представителями органов государственной власти, участвующих в урегулировании коллективных трудовых споров.

Общие выводы по результатам интервью и анализа документов:

1) фактически все трудовые споры были решены в пользу работодателей, а не работников;

2) решения посредников и трудовых арбитров не были компромиссными и во многом усугубили ситуацию;

3) представители работодателей и работников высказывают недоверие к органам государственной власти;

4) представители работодателей и работников по итогам участия в разрешении коллективного трудового спора считают сложившуюся

практику разрешения коллективных трудовых споров (в частности трудовой арбитраж) неэффективным способом разрешения конфликтов;

5) определяющим в разрешении коллективных трудовых споров является субъективный фактор представителей сторон социального партнерства и выбираемых трудовых посредников и арбитров.

При этом органы государственной власти на современном этапе, с одной стороны, являются гарантом развития системы социального партнерства, с другой, всячески не дают ей развиваться, не решая возникающих противоречий, а лишь сглаживая социальную напряженность. Основным для органов государственной власти является недопущение забастовок. Отсутствие возможности забастовки воспринимается властью как отсутствие конфликта.

В партнерском треугольнике взаимоотношений государства, работодателей и профсоюзов явно доминирует власть, часто блокируя инициативы профсоюзов или, наоборот, навязывая им заведомо невыполнимые обязательства. Профсоюзы, по существу, не имеют рычагов давления на власть, а работодатели в большей степени заинтересованы в решении экономических вопросов, уступая власти инициативу решения социальных вопросов.

Более того, государство в некоторых случаях напрямую вмешивается во внутренние дела профсоюзов и работодателей, нарушая закрепленные законодательством положения, в частности, ст. 5 Федерального закона от 12.01.1996 № 10-ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности». Примером подобного вмешательства органов государственной власти во внутренние дела профсоюза в Пермском крае может служить деятельность Министерства культуры, молодежной политики и массовых коммуникаций по созданию альтернативных профсоюзов в отрасли культуры. «Осенью прошлого года заместителем руково-

дителя администрации губернатора Яковом Силиным были разсланы письма главам муниципальных образований Прикамья с целью выдвижения «удобных» кандидатур на отчетно-выборную профконференцию. ... Сейчас министр культуры желает перетащить на свою сторону большинство городских культурных учреждений, в частности, пермские театры, тем самым ослабив позиции неудобной Пермской краевой организации Российского профсоюза работников культуры» [6].

С нашей точки зрения, основной причиной такой ситуации является то, что профсоюзы в своей деятельности опираются не на активность рядовых членов, а на свой бюрократический аппарат, следствием чего является восприятие органами государственной власти профсоюзов не как организацию, объединяющую значительную часть трудящихся, а как аппарат.

Основной поведенческой моделью взаимодействия социальных партнеров, по нашему мнению, должна быть стратегия «действие — реакция», которая в настоящий момент не является активной. Действия социальных партнеров в области социально-трудовых отношений должны быть согласованы, в случае несогласованности действий в поведенческой модели ожидается «реакция», которой на настоящем этапе развития системы социального партнерства нет. Реакция органов государственной власти на действия профсоюзов поступает лишь в том случае, когда со стороны профсоюзов присутствует прямое обращение к власти, однако данные обращения в соответствии с законодательством попадают под категорию «обращения граждан» и власть реагирует на них как на обращения любых других граждан, организаций, объединений.

Примером указанному может служить ситуация, сложившаяся на ОАО «Уралалмаз» (г. Красновишерск, Пермский край) в октябре 2010 г., где, по мнению профсоюзного комите-

та, работодателем оказывалось прямое давление на работников предприятия, являющихся членами первичной профсоюзной организации. Профсоюзным комитетом указанной организации совместно с Пермской краевой организацией горно-металлургического профсоюза России была организована «акция поддержки»: в адрес губернатора Пермского края было направлено 17 писем от областных организаций горно-металлургического профсоюза России, первичных профсоюзных организаций, входящих в состав горно-металлургического профсоюза России. При этом реакция власти была выжидательной. Ссылаясь на п. 2 ст. 5 Федерального Закона от 12.01.1996 № 10-ФЗ "О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности", заявителям были направлены ответы о том, что органы государственной власти не вправе вмешиваться во внутренние дела профсоюза. К моменту поступления в адрес губернатора указанных писем между администрацией предприятия и первичной профсоюзной организацией было заключено соглашение, в котором администрация обязуется не оказывать меры воздействия на работников, являющихся членами профсоюза, направленные на выход работников из профсоюза. Копия соглашения в качестве приложения была также выслана заявителем. При этом анализ случая показал, что отношения между руководством предприятия и первичной профсоюзной организацией на предприятии остались сложными, наблюдается уменьшение членства, председатель ППО признает наличие давления со стороны руководства предприятия. Данный пример свидетельствует о формальном отношении органов государственной власти к социальному партнерству. Даже в условиях реальной угрозы возникновения социальной напряженности исполнительные органы государственной не считают необходимым вступать в конструктивный диалог со стороной профсоюзов.

Таким образом, модель «действие — реакция» в настоящее время функционирует формально. Действия сторон социального партнерства не только не согласованы, но и не вызывают действенной реакции друг у друга.

В последние годы упразднено Министерство труда РФ, следствием чего стала реорганизация управления труда Пермской области. Это существенно сказалось на таких направлениях работы исполнительных органов государственной власти федерального и регионального уровней, как социальное партнерство в сфере социально-трудовых отношений, охрана труда, занятость, миграционная политика и т.д.

Кроме того, после вступления в силу Федерального закона «Об общих принципах самоуправления в Российской Федерации» [7] развитие территориального уровня социального партнерства, на котором устанавливаются основы регулирования отношений в сфере труда в муниципальном образовании, осложнилось. Указанный закон (в частности ст.19) не закрепляет за органами местного самоуправления государственных полномочий в сфере социального партнерства, что существенно замедляет развитие всей системы, так как на сегодняшний день она во многом основывается именно на позиции государства.

В этой связи, а также с последствиями мирового финансового кризиса, которыми являются, в частности, повышение социальной напряженности, увеличение количества коллективных трудовых споров, ухудшающиеся условия коллективных договоров предприятий и организаций, увеличение задолженности по невыплате заработной платы работникам и др., считаем необходимым выделить из Министерства здравоохранения и социального развития РФ функции по труду в отдельный орган исполнительной власти, а также из Министерства промышленности, инноваций и науки Пермского края – функции по труду в отдельный орган исполнительной власти.

Результаты проведенного автором исследования свидетельствуют о том, что в России складывается централизованная модель институционализации социального партнерства, для которой характерно развитие институтов регулирования социально-трудовых отношений в условиях активного участия и контроля органов государственной власти.

Однако развитие коллективно-договорного регулирования трудовых отношений, по нашему мнению, неизбежно приведет к тому, что государство станет выступать равноправным партнером в социальном партнерстве, а не его регулирующим, «стержневым» элементом.

Список литературы

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ. (ред. от 30.07.2006 г.) // Собр. законодательства РФ. 2001. №90. Ст.25.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ. (ред. от 30.07.2006) // Собр. законодательства РФ. 2006. №90. Ст.24.
3. Закон Пермского края «О социальном партнерстве в Пермском крае» от 11.11.2004 г. N 1622-329 // Пермский региональный сервер. URL: www.perm.ru (дата обращения: 06.06.2010)
4. Постановление Правительства Пермского края «О передаче функций администрации губернатора Пермского края в области развития системы социального партнерства и урегулирования коллективных трудовых споров Министерству промышленности, инноваций и науки Пермского края и внесении изменений в акт Правительства Пермского края» от 29.04.2009 № 261-п. / URL: www.regionz.ru/inbox.php?ds=244438 (дата обращения: 16.07.2010).
5. Соглашение между профессиональными союзами, работодателями, администрацией Пермской области "О взаимодействии в области социально-трудовых отношений и социальной защиты населения на 1996 — 1997 годы". Пермь, 1996.
6. Ход конем Мильграма. Глава краевой культуры желает создать новый профсоюз // Пермский обозреватель. 2010. №8. С. 11.
7. Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06.10.2003 № 131-ФЗ // Пермский региональный сервер/ URL: www.perm.ru (дата обращения: 06.06.2010)

GOVERNMENT AS A SUBJECT OF SOCIAL PARTNERSHIP RELATIONS OF
REGIONAL LEVEL
(BASED ON AN EXAMPLE OF PERM REGION)

E.Yu. Podolyak

Perm State University, 15, Bukirev str., Perm, 614990

Based on an example of Perm region the role of government as a subject of social partnership relations of regional level is reviewed in the article. The author is marking out contradictions and presents the results of sociological research.

Keywords: government; social partnership; labor relations

УДК 316.346.2

СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА В АСПЕКТЕ ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

С.С. Гордеева

Пермский государственный университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15
e-mail: ssgordeyeva@mail.ru

Определяется сущность понятия «гендер». Представлены наиболее распространенные концепции гендерных подходов в исследованиях женского движения. Определены различия в физическом воспитании в зависимости от пола.

Ключевые слова: гендер; гендерные исследования; гендерные различия; физическое воспитание

Сущность понятия «гендер»

В настоящее время гендерные исследования становятся частью большинства социальных и гуманитарных наук. Гендерные исследования являются междисциплинарными, поскольку охватывают многие научные направления — историю, философию, социологию, психологию, сексологию, филологию, политологию, культурологию и т.д. Социология именно та наука, которая наиболее активно осваивает гендерную проблематику.

Основой для возникновения гендерных исследований в конце XX в. стало новое социальное знание, представителями которого являются М.Фуко, И.Гофман, Г.Гарфинкель, П.Бергер, Т.Лукман и др. Научные дискуссии теоретиков привели к разграничению понятий **пол** и **гендер**. **Пол** указывает на биологический статус личности, а **гендер** — на его (ее) социально-психологический статус с точки зрения маскулинности и фемининности. Введение понятия «**гендер**» (англ. gender — род) ставило задачей закрепить в языке положения о том, что социальные особенности полов определяются исто-

рическими и этнокультурными условиями, причем так, что женщины находятся в подчиненном положении. Это понятие введено по аналогии с другими категориями — класс, возраст, раса, национальность, означающими социальную стратификацию, дискриминацию, несправедливое положение по отношению к власти и, следовательно, другим социальным ресурсам.

Проследивая возникновение термина «гендер», известный российский социолог, специалист в области гендерных отношений Т.А.Гурко (1998), отмечает, что в английском научном языке термин «гендер» стал употребляться в двух смыслах. Узкий предполагает анализ женской субординации по отношению к лицам противоположного пола. В широком смысле этот термин употребляется для описания социальных характеристик пола в отличие от биологических (особенностей мужской и женской анатомии, сексуальности, гормонального баланса и т.д.) [З.С.173].

В русском языке «половые отношения» долго трактовались и как сексуальные, и как различные отношения между полами, включая

и социальные. В отечественную науку введение термина «гендер» в начале 1990-х гг. обосновывается необходимостью «избежать всякие ложные коннотации» с социалистическими программами и марксистской идеологией и «создать ситуацию, когда людям будет интересно содержание незнакомого слова» [3.С.173]. В современной научной литературе понятие «гендер» используется для разведения понятий биологический пол и социальный пол. Е.А. Здравомыслова, А.А. Темкина определяют **гендер** как «социальный статус, который определяет индивидуальные возможности в образовании, профессиональной деятельности, доступе к власти, сексуальности, семейной роли и репродуктивного поведения» [5.С.84].

Концепции гендерных подходов в исследованиях женского движения

Институализация исследований женщин и гендерных исследований в западных обществах происходит с начала 1970-х гг. Исследования развиваются как когнитивная практика женского движения второй волны, опираясь на критическое осмысление некоторой социальной теории. В результате происходит адаптирование макросоциальной теории к гендерной проблематике. Е.А. Здравомыслова, А.А. Темкина выделяют три исследовательских направления, развившихся в результате женского движения:

- 1) либеральный феминизм — полоролевой подход;
- 2) радикальный феминизм — исследования женщин;
- 3) социальный — гендерные исследования.

Эти направления развивались, сменяя и отрицая друг друга, а в настоящее время сосуществуют в рамках научного сообщества. Характеристика каждого из этих направлений трактуется в литературе следующим образом.

Основной пафос полоролевого подхода состоит в обеспечении равенства мужчин и женщин в публичной сфере. В онтологическом смысле либеральное направление женского

движения осуждает гендерный контракт «домохозяйки», доминирующий в западном обществе. Конвенции гендерного договора, предписывающего женщине роль домохозяйки, закрепляют такие параметры ее положения, как отсутствие экономической независимости и самостоятельного источника существования, выполнение материнской и супружеской роли в семье. В результате такой гендерной конвенции одинокие и бездетные женщины оказываются исключенными из полноценной социальной жизни и воспринимаются как девиации. В социологической теории соответствующая онтология отношений между полами была закреплена в структурном функционализме. Классик этого направления Т. Парсонс в 40-50-х гг. выразил предписанный статус домашней хозяйки в американском обществе через концепцию полоролевого разделения на примере семьи. Согласно его теории женщина выполняет экспрессивную роль в социальной системе, мужчина — инструментальную. Экспрессивная роль домохозяйки заключается в установлении внутреннего баланса в семье, тогда как инструментальная роль добытчика — в регуляции отношений между семьей и другими социальными системами.

К концу 60-х гг. стало очевидно, что гендерный контракт домохозяйки не приемлем для женщин с высшим образованием, а также для категории одиноких и незамужних. Именно они и стали активистками женского движения в это время, требуя равенства в сфере политики и экономики. Либеральные феминистки осмысливали положение женщин в рамках парсонизма, формулируя тезис об угнетении женщин и мужчин предписанными им традиционными ролями. Такая когнитивная установка выдвинула перед этим движением политическую задачу изменения ролей, в частности, выхода женщин за пределы роли домохозяйки. Вызов гендерным конвенциям контракта домохозяйки подразумевал обширную программу

социальных преобразований в системе образования, в производственной, политической и законодательных сферах. Все эти реформы, с позиции либерального феминизма, должны быть направлены на обеспечение равных прав и возможностей женщин в публичном мире, на изменение гендерного контракта в сторону «равного статуса».

Главная идея радикального феминизма заключается в том, что никакие правовые меры не в силах уничтожить патриархальные отношения между полами. Женщина останется угнетенной до тех пор, пока не будут осмыслены истинные основы патриархата, заключенные в сфере приватности и интимности.

В онтологическом смысле радикальный феминизм продолжал традицию либерального, отрицая социальный статус женщины в роли домашней хозяйки. Центральными проблемами становятся специфические особенности женского опыта и движения за равные права: рождение детей, забота и воспитание, угнетение патриархальным обществом, опыт страдания, совместная борьба в женском движении и переосмысление женской роли.

Гендерные исследования в области социального конструирования опираются на понимание гендера как социально сконструированного отношения неравенства по признаку пола. Сторонники данного подхода обращают внимание на роль исследователя/исследовательницы как «социального конструктора знаний», на его/ее субъективность и предвзятость, на недостижимость истинного и неизменного знания. Символом веры становится множественность женственности, мужественности и их отношений.

Феминистские исследования 90-х гг. в числе прочего меняют названия и часто фигурируют под институциональным ярлыком «гендерный подход».

Гносеология гендерных исследований этого направления сводится к конструктивизму, со-

гласно которому в социально сконструированном мире не существует «женского» как природного и неизменного. Гендеров много, а знание — это когнитивная практика, т.е. в каждой конкретной ситуации нужно анализировать, кто изучал, что, когда и почему. Позиция теоретиков социального конструктивизма отрицает гранд-теорию женственности, но вместе с тем исходит из наличия группового гендерного опыта [4.С.180].

Процесс становления гендерных подходов в решении женских проблем в России происходит, в отличие от Запада, в социокультурном контексте: это отличия онтологические, политические, гносеологические и когнитивные.

Онтологически российская гендерная позиция определяет особенности подходов к проблематике «решение женского вопроса», «работающая мать» и др.

Растет количество публикаций и изданий, посвященных женщинам. Женщины-политики, женщины-мыслители становятся объектом публичного дискурса, о чем свидетельствуют многочисленные издания. Особенности женского опыта, положения женщин в разных сферах общества (публичной: экономической, политической и приватной — семейно-бытовой), различия гендерных ролей и особенности пололеволевой социализации занимают отчетливо выраженную нишу в исследовательском поле.

Одновременно начинает формироваться новое направление — «гендерные исследования», в рамках которого существуют разные подходы к гносеологическим установкам. Гносеологические установки проявляются в приверженности исследователей к той или иной социальной теории, диктующей выбор понятийного аппарата, методологии, в конечном итоге метода исследования. Понятие «гендер» интерпретируется по-разному, в зависимости от той социальной теории или исследовательской парадигмы, в рамках которой изучаются отношения мужественности и женственности. В од-

ном случае исследователи гендерных отношений руководствуются либерально-феминистской интерпретацией полоролевого подхода, подчеркивая различие, взаимодополнительность и равенство ролей мужчины и женщины. В другом случае гендерные отношения рассматриваются как отношения власти и неравенства, в условиях которых патриархальное общество угнетает и подавляет женщину [4.С.182].

Возникшее в начале 1990-х гг. женское движение диверсифицировалось и оформилось в две ветви — постсоветское женское движение и феминистскую ветвь. Направление в области исследования общественно-политической роли женщин в постсоветском пространстве связано с изучением социального положения и социальной защитой женщин. В этом случае акцент делается на комплементарность функций полов и необходимость социально-политического обеспечения равных прав с мужчинами. Неравенство по признаку пола рассматривается как вполне преодолимое с помощью соответствующих защитных социальных реформ.

Другая ветвь исследований в России в области анализа гендерных неравенств чаще всего идентифицирует себя как феминистское направление. Здесь «гендер» выступает основной категорией анализа. Эта категория предполагает презумпцию глобального угнетения женщин. Исследования женского опыта насилия, сексуальных домогательств занимают основное место в работах авторов, придерживающихся данной концепции.

Стереотипы мышления в гендерных различиях

Понятие *гендер*, по мнению С.Н. Мягковой (2001), обозначает сложный социокультурный процесс: продуцирование обществом различий в мужских и женских ролях, поведении, ментальных и эмоциональных характеристиках и

сам результат — социальный конструкт гендера [8.С.49].

Конструирование гендерных различий протекает через определенную систему социализации (которая воспитывает разные навыки и психологические качества у девочек и мальчиков), разделение труда между женщинами и мужчинами и принятые в обществе культурные нормы, роли и стереотипы (например, спорт — исключительно маскулинная сфера деятельности). При этом гендерные роли и нормы не имеют универсального содержания и значительно различаются в разных обществах. В этом смысле быть мужчиной или женщиной означает вовсе не обладание определенными природными качествами, а предопределяет выполнять предписанную тебе гендерную роль и соответствовать определенным стандартам (например, девочки должны любить художественную гимнастику, а мальчики — футбол и борьбу).

Гендер, и как модель социальных отношений между женщинами и мужчинами, и как культурный символ, конституирует доминирование мужского в обществе и подавление женского. Гендер оказывается одним из базовых принципов социальной стратификации. Воплощая в своих действиях ожидания, связанные с их гендерным статусом, люди, в свою очередь, воспроизводят гендерные различия и одновременно обусловленные ими системы господства и властвования. Основой методологии гендерных исследований является не просто описание разницы в статусах, ролях и иных аспектах жизни мужчин и женщин, а анализ власти и доминирования, утверждаемых в обществе через гендер.

Ярким показателем андроцентризма и "гендерной слепоты" в сфере физической культуры и спорта является в настоящее время поиск равных для женщин возможностей участия в олимпийском движении. Сложность проблемы состоит в том, что женщины имеют минималь-

ное представительство в официальных органах спортивных организаций, обладающих правом принятия решения. Национальные олимпийские комитеты (НОКи), под контролем которых находятся олимпийские виды спорта в отдельных странах; международные спортивные федерации (МСФ), обладающие монопольным правом представления олимпийских видов спорта; сам Международный олимпийский комитет (МОК), который принимает окончательное решение о включении видов спорта в программу Олимпийских игр, являются организациями, абсолютное большинство членов которых составляют мужчины. Только в 80-е гг. 20-го столетия небольшое число женщин появилось на высших уровнях управления международными спортивными организациями, но это было исключением из правил. Да и их деятельность не могла оказать серьезного влияния на принятие различных решений: в 167 национальных олимпийских комитетах всего 7 женщин занимали пост президента и 4 — пост генерального секретаря. Президент спортивной федерации по конному спорту была единственной женщиной среди президентов 48 международных федераций по олимпийским видам спорта, 2 женщины работали генеральными секретарями [8.С.50].

Веками у людей складывались типичные представления об образе мужчины и женщины, которые до сих пор распространяются на представителей того или иного пола, независимо от их индивидуальных особенностей и возраста. Эти стереотипы касаются как личностных черт мужчин и женщин, так и особенностей их поведения.

В социологическом исследовании И. Броверман (1972) попросил юношей и девушек дать характеристику типичному мужчине и типичной женщине. Общая закономерность результатов данного исследования свидетельствует о том, что мужчины воспринимаются как властные, доминирующие, активные, смелые,

не эмоциональные, хладнокровные, грубые, прогрессивные и мудрые. О женщине, напротив, говорят как о зависимых, кротких, слабых, боязливых, эмоциональных, чувствительных, нежных, мечтательных и суеверных [6].

Е.П. Ильин (2007) считает, что существующие в обществе гендерные стереотипы могут играть негативную роль, во многом искажая истинную картину мужского и женского начала.

Первый отрицательный эффект, по мнению Е.П.Ильина, заключается в том, что существующие стереотипы образов мужчин и женщин действуют как увеличительное стекло, и различия между мужчинами и женщинами подчеркиваются в гораздо большей степени, чем они есть в действительности.

Второй отрицательный эффект половых стереотипов — это разная интерпретация и оценка одного и того же события в зависимости от того, к какому полу принадлежит участник этого события.

Третий отрицательный эффект состоит в торможении развития тех качеств, которые не соответствуют данному полоролевому стереотипу [6].

Учет гендерных различий в практике физического воспитания населения

Гендерные отношения затрагивают многие сферы жизнедеятельности человека, в том числе и его физическое воспитание. Так, потребность в двигательной активности у мальчиков выражена больше, чем у девочек. Уже у детей младшего возраста двигательная активность, достигнув пика в 2-3 года, постепенно снижается на протяжении дошкольного периода у девочек быстрее, чем у мальчиков. Пятилетний мальчик может доставлять больше хлопот родителям и воспитателям, чем его сверстница, которая спокойно играет в свои игры. Большая потребность мальчиков в двигательной активности приводит и к своеобразию их поведения в школе по сравнению с девочками. Они боль-

ше ерзают, сидя на школьной парте, и отвлекаются на уроках, более шумно ведут себя на перемене и, следовательно, чаще нарушают дисциплину [6].

По мере взросления мужчины более активно относятся к занятиям физическими упражнениями спортивной направленности. По данным В.А. Панкова (2000), в развитых странах число женщин, занимающихся спортом, составляет 10-15 %, в России — только 1-3 %, в то время как общее число занимающихся спортом в нашей стране — около 10 % [9.С.20].

В то же время современное общество предъявляет высокие требования к здоровью и общей физической подготовленности женщин. По мнению Н.А. Анашкиной (1998), система рыночных отношений в России перманентно меняет социокультурный статус женщины, ее нравственно-психологические и физические характеристики. Чтобы добиться успеха в жизни, она вынуждена нередко имитировать мужское ролевое поведение, традиционно отличающееся в российском обществе агрессивностью и нетерпимостью. Все это достигается при больших затратах физической и психической энергии, что часто приводит к дисбалансу биологических и социальных сторон в жизни женщин. Одновременно на россиянку влияют и отрицательные стороны урбанизации, приводящие к снижению потребностей в физических усилиях, к детренированности, дефектам осанки и фигуры [1.С.5].

В литературе приводятся многочисленные данные о том, что физкультурно-оздоровительная деятельность служит для женщины основой для улучшения ее психофизического состояния. Определяя значение этой деятельности, важно подчеркнуть ее социокультурный характер, поскольку она способствует становлению и развитию личностного потенциала человека, изменению социальных ролей и позиций, формированию механизмов самореализа-

ции и самоутверждения, развитию самосознания.

Физкультурно-оздоровительная деятельность выступает как **досуг**, который предполагает определенную свободу выбора цели, места, среды, социального окружения, форм и средств занятий. В этом случае мотивация принимает форму внутренних побуждений, установок, личных индивидуальных вкусов, потребностей, интересов. В этом качестве она несет в себе стимулирующий заряд активизации оздоровительных усилий женщины, удовлетворяет ее возросшие интересы и потребности в физическом и психическом благополучии.

История развития рекреативно-оздоровительной деятельности женщин, как одного из видов досуга, крайне противоречива. Видимо, не случайно американский социолог Т. Веблен (1984) в своей книге "Теория праздного класса" писал: "История досуга — в основном история мужского досуга, женщины оставались спрятаннми от истории, свободное время женщин скорее вплеталось в частную сферу семьи, улицы и соседства, чем в общественные миры институционального досуга" [2.С.169]. Если говорить о современной России, то по подсчетам социологов 3/5 общего фонда нерабочего времени и около 80% досуговой деятельности женщины проводят на дому, что свидетельствует о наличии проблемы воспроизводства рабочей силы посредством активного отдыха [7.С.25].

Как пишет Н.А. Анашкина (1998), в индустрии спортивно-оздоровительных услуг в конце 90-х гг. произошли и к настоящему времени происходят большие изменения, которые серьезно повлияли на представление об использовании средств физической культуры и спорта среди женщин. В результате отмечаются следующие тенденции: здоровый образ жизни становится во многих случаях неотъемлемой частью проведения досуга женщин; в сферу физической активности и спортивно-оздорови-

тельных услуг все больше проникают новые технологии, тренажеры и компьютеры, учитывающие запросы населения с учетом гендерного фактора; на смену групповым занятиям приходят самостоятельные и индивидуальные формы организации занятий физическими упражнениями; программы; мужчины и женщины больше внимания стали уделять так называемому семейному спорту и активному отдыху; появился ряд новых видов физической активности, который наиболее полно отвечает женским запросам и становится популярным в женских коллективах [1.С.5].

Известно, что состояние здоровья мужчин и женщин обусловлено преимущественно их образом жизни и специфическим действием на них социальных, культурных и экономических факторов. Формирование активного и здорового образа жизни в молодежной сфере во многом определяется уровнем развития индивидуальных интересов, мотивации и потребностей в различных видах физкультурно-спортивной деятельности. Нам представляется, что в процессе физического воспитания различных возрастных групп населения формирование потребностно-мотивационного компонента физической культуры личности будет более эффективным с учетом гендерных особенностей. Можно предположить, что предпочтение лиц мужского пола, начиная с подросткового возраста, в выполнении упражнений силового характера исторически связано с ролью добытчика в семье. В этой связи имеется доля истины в поговорке «волка ноги кормят». Историческая роль женщины иная: их социальные функции ассоциируются в общественных отношениях с

рождением здоровых детей и ведением домашнего хозяйства, что обуславливает их потребность в поддержании физического здоровья и, в частности, пропорционального и привлекательного для мужчин телосложения.

Список литературы

1. Анашкина Н.А. Рекреативно-оздоровительная деятельность женщин в современных социокультурных условиях// Юбилейный сборник научных трудов молодых ученых и студентов РГАФК. М., 1998. С.5-9.
2. Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984.
3. Гурко Т.А. Социология пола и гендерных отношений// Социология в России / под ред. В.А. Ядова. М.: Институт социологии РАН, 1998. С.173-195.
4. Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Исследования женщин и гендерные исследования на Западе и в России // Общественные науки и современность. 1999. №6. С.177-185.
5. Здравомыслова Е.А. Темкина А.А. Социальная конструкция гендера и гендерная система в России // Материалы Первой российской летней школы по женским и гендерным исследованиям «Валдай 96». М., 1997. С.84-85.
6. Ильин Е.П. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. СПб.: Питер, 2007. 544 с.
7. Кисилева Т.Г. Теория досуга за рубежом. М.: МГИК, 1992.
8. Мязкова С.Н. Проблемы гендерной ассиметрии в современном олимпийском движении // Теория и практика физической культуры. 2001. №3. С.48-52.
9. Панков В.А. Физическая культуры и спорт в здоровом образе жизни женщин // Теория и практика физической культуры. 2000. №6. С.20-22.

SOCIAL ACTIVITY OF HUMAN IN THE ASPECT OF GENDER STUDIES

S.S. Gordeyeva

Perm State University, 15, Bukirev str., Perm, 614990

The nature of gender concept is determined. The most widespread conceptions of gender in women's movement research are represented. The differences in physical education depending to gender are defined.

Key words: gender; gender studies; gender differences; physical education

УДК 331.109

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРОФСОЮЗНЫХ ЛИДЕРОВ И АКТИВИСТОВ

И.А. Германов

Пермский государственный университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15
e-mail: germanov1973@yandex.ru

Анализируются установки, мотивация деятельности и социальные ориентации лидеров и активистов профсоюзных организаций. Полученные результаты рассматриваются в контексте перспектив обновления российских профсоюзов.

Ключевые слова: профсоюзный актив; приверженность профсоюзу; мотивация профсоюзной деятельности

Введение

Большинство современных исследователей сходятся во мнении, что российские профсоюзы находятся в глубоком институциональном кризисе. Характерными его чертами являются: сокращение влияния в производственной и политической сферах, снижение авторитета в широких слоях населения и как следствие — масштабное уменьшение численности данных организаций.

Подобные процессы отмечались в профсоюзах большинства развитых стран мира начиная с 1980-х гг. С тех пор многие из них предпринимают успешные попытки противодействия кризисным явлениям, постепенно восстанавливая свое влияние и наращивая численность. Комплекс реализованных мер получил название политики «обновления профсоюзов» (union renewal, union revitalizing). Ее суть состояла в переходе от традиционных практик деятельности (т.н. сервисной модели) к новой организационной модели, характерными чер-

тами которой являются: активизация рекрутинга новых членов (увеличение ресурсного обеспечения и расширение инструментария агитационных кампаний, расширение географии и социального состава рекрутируемых и др.); вовлечение рядовых членов в деятельность организации (стимулирование к принятию на себя ответственности за защиту своих интересов и мобилизация к активным действиям, в т.ч. протестного характера), демократизация внутренней жизни организации (привлечение рядовых членов к выработке стратегии деятельности профсоюза, приведение в соответствие целей организации с интересами рядовых членов).

Возможно ли такое обновление в российских профсоюзах? Поиски ответа на этот вопрос во многом связаны с необходимостью анализа социокультурных характеристик профсоюзных лидеров и активистов низового уровня. Именно они осуществляют непосредственный контакт с рядовыми членами профсоюза и работниками организаций, именно на низовом уровне сосредоточена основная часть профсо-

юзной деятельности. Как показывает зарубежный опыт, данная группа играет ключевую роль в процессах обновления профсоюзов, поскольку осуществляет основной объем работы по внедрению новшеств на уровне компаний [1]. Таким образом, исследование установок, мотивов поведения, ценностных ориентаций профсоюзного актива, во многом определяющих потенциал трансформации данной организации, представляется весьма актуальной научной задачей.

В зарубежной научной литературе большое внимание уделяется изучению «приверженности профсоюзу» — специфической установке индивида, характеризующейся принятием целей и ценностей организации, желанием прилагать усилия для ее процветания и стремлением оставаться ее членом [4. С. 480]. Данный конструкт заимствован из области организационной психологии, где показано, что приверженность (лояльность) организации работников оказывает влияние на текучесть кадров, абсентизм и результативность деятельности сотрудников. В ряде исследований доказана состоятельность указанного конструкта применительно к приверженности профсоюзу. В частности, установлено, что эта установка является важной детерминантой активности профсоюзных представителей [5. С. 210], мотивом вступления в профсоюз рядовых работников [2. С.103], важным аспектом, обеспечивающим более глубокое понимание внутренних процессов, происходящих в профсоюзах [3. С. 213].

Помимо вопроса о приверженности профсоюзу в нашем исследовании рассмотрены мотивы, обуславливающие участие в профсоюзной работе. Ранее были получены результаты, свидетельствующие о том, что внутренние побудители деятельности профсоюзных лидеров и активистов довольно далеки от осознания социальной несправедливости, потребности действовать в защиту индивидуальных и групповых интересов, желания изменить сложившиеся

принципы работы профсоюза [6. С. 180]. Однако эти результаты были основаны на материалах глубинных интервью и требуют оценки степени их распространенности.

Наконец, мы исследуем социальные ориентации лидеров и активистов относительно приоритетов профсоюзной деятельности, а также способов достижения поставленных целей. Это дает возможность оценить потенциал воспроизводства традиционных практик работы профсоюзных организаций (ориентация на распределительные функции, социально-культурную деятельность, бесконфликтные отношения с работодателем) в сравнении с инновационными практиками (ориентация на социальную и правовую защиту работников, их мобилизацию на борьбу за свои права).

Рассматриваемая социальная группа является внутренне неоднородной и дифференцируется как по формальному статусу, так и по степени реальной включенности в профсоюзную деятельность. В этой связи анализ проводился по следующим уровням: руководство первичной профсоюзной организации (председатель профкома, его заместители, члены профкома), руководители отдельных подразделений (председатели и члены цеховых комитетов), низовой уровень профлидеров (профгруппорги), члены профсоюзных комиссий, активисты из числа рядовых членов профсоюза. Подавляющее число опрошенных (90%) занимаются профсоюзной работой, совмещая ее с основной деятельностью. При этом 50% выполняют профсоюзные функции в свободное от работы время, поскольку в течение рабочего дня работодатель не предоставляет соответствующие возможности. Данная ситуация влияет на включенность в профсоюзную работу и обуславливает ее результативность.

Методика исследования

В нашем исследовании мы опирались на эмпирические материалы, собранные в феврале — июне 2010 г. в первичных организациях отрас-

левых профсоюзов: горно-металлургического, оборонных отраслей и электропрофсоюза. Помимо этого сбор материала проводился на курсах профсоюзного обучения в октябре — ноябре 2009 г. среди активистов, представляющих различные отраслевые организации профсоюзов¹. В целом методом анкетирования было опрошено 415 респондентов.

Несмотря на то что в период проведения опроса пик финансово-экономического кризиса 2008-2009 гг. уже был пройден, ситуация в обследованных отраслях продолжала оставаться тяжелой. Особенно это касается оборонных и горно-металлургических предприятий. Следовало ожидать, что ухудшение положения в сфере трудовых отношений изменило обычные настроения исследуемой группы, в частности, способствовало повышению их «воинственности».

Для измерения приверженности профсоюзу использовался метод суммарных оценок. Респондентам была предложена серия суждений, отражающих связь индивида и профсоюзной организации, с каждым из которых необходимо было выразить степень своего согласия / несогласия по пятибалльной шкале². Суждения являются внутренне согласованными (альфа Кронбаха 0,8) и относятся к одному конструкту (факторный анализ показал наличие одной компоненты). Это дало основание рассчитать

для каждого из респондентов индекс приверженности³.

Мотивация профсоюзной деятельности оценивалась на основе ответов респондентов на вопрос «Если говорить в целом, что привлекает Вас в профсоюзной работе?», предусматривающий возможность выбора двух вариантов ответа.

Социальные ориентации относительно приоритетов профсоюзной деятельности оценивались с помощью двух вопросов, касающихся реальных и желаемых целей («Чем в основном занимается профсоюз на Вашем предприятии?», «Чем, по Вашему мнению, должен заниматься профсоюз в первую очередь?»); в обоих случаях предусматривалась возможность выбора до 3 вариантов ответа. Предпочитаемые формы профсоюзной деятельности оценивались с помощью реакций на два суждения: «Главное в деятельности профсоюза — не конфликтовать с администрацией», согласие с которым свидетельствует о предпочтении бюрократической модели развития, и «Главное в деятельности профсоюза — организовать работников на коллективную борьбу за свои права», согласие с которым указывает на предпочтение организационной модели.

Результаты

Индекс приверженности профсоюзу в целом по исследуемой группе составляет 0,78, что соответствует высокому уровню. Значение рассматриваемой переменной практически не зависит от положения респондента в профсоюзной организации. Исключение составляют лишь представители профкома, демонстрирующие более

¹ Автор выражает глубокую признательность за содействие в проведении исследования председателям краевых комитетов: А. Лямину (ГМПР), А. Сачкову (Электропрофсоюз), А. Ховаеву (профсоюз работников оборонных отраслей промышленности), а также А. Мансветову и О. Герасимовой (Пермский региональный учебный центр профсоюзов).

² Использовались следующие суждения: «Я чувствую личную ответственность за судьбу профсоюзной организации», «Рассказывая о себе, я часто говорю: ?Я являюсь членом профсоюза », «Я действительно беспокоюсь о будущем нашей профсоюзной организации», «Я горжусь тем, что являюсь членом профсоюза», «Я чувствую, что профсоюзная организация заботится обо мне», «В профсоюзе я работаю с полной отдачей сил и возможностей».

³ Значения индекса вычислялись по формуле:

$$I = \frac{\sum_{k=1}^6 b_k}{6},$$

где $b_1, b_2 \dots b_k$ — баллы, соответствующие реакциям респондентов на предложенные суждения. Значения индекса меняются в пределах от 0 до 1, где 0 означает отсутствие приверженности, а 1 — полную приверженность профсоюзу.

высокий уровень приверженности в сравнении с остальными участниками опроса (см. табл. 1).

Мы выявили слабое влияние на рассматриваемую социальную установку демографических и статусных характеристик респондентов. Так, наблюдается положительная связь с возрастом: чем старше индивид, тем выше его

приверженность профсоюзу. Кроме того, более высокий уровень данной установки регистрируется у лидеров и активистов, работающих в профсоюзе на освобожденной основе. Влияние других характеристик (пола, стажа работы в профсоюзной должности, положения в организации) не является статистически значимым.

Таблица 1. Приверженность профсоюзу в зависимости от положения в организации

Положение в профсоюзной организации	Число наблюдений	Среднее	Стд. отклонение
Председатель/члены профкома	73	0,85	0,10664
Председатель/члены цехкома	156	0,80	0,11980
Профгруппорг	74	0,77	0,15579
Член комиссии профкома	61	0,73	0,15557
Активист из числа рядовых членов профсоюза	27	0,72	0,19179
В целом по группе	391	0,78	0,14525

Исследование выявило практически однотипную мотивацию к профсоюзной деятельности у рассматриваемых категорий респондентов, наблюдаемые различия не являются статистически значимыми. Если говорить в целом, то основным мотивом участия профсоюзных лидеров и активистов в этой работе является стремление к удовлетворению социально-коммуникативных потребностей. Желание расширить круг общения, установить новые контакты и связи стимулирует к работе в профсоюзной организации более чем половину опрошенных. Данный мотив вышел на первое место по частоте упоминания практически во всех группах респондентов за исключением представителей профкома (см. табл. 2). На втором месте находятся идеологические мотивы: вера в значимость профсоюзной деятельности и ощущение потребности в коллективных усилиях для защиты общих интересов. Особую значимость данный мотив имеет для руководства

первичной профсоюзной организации — здесь он упоминается чаще всего. Треть участников опроса отметили, что ими движет стремление к саморазвитию — возможность приобретения опыта организационной работы, коммуникативных способностей. Данный мотив выходит на третье место во всех категориях опрошенных за исключением активистов из числа рядовых членов профсоюза. На четвертом месте — потребность в самореализации, которую отметил каждый четвертый участник опроса. Наконец, материальные мотивы (возможность доступа к дополнительным льготам, привилегиям) значимы для 13% опрошенных. Другие стимулы: статусные (уважение в коллективе) и карьерные (возможность продвижения по службе) встречаются в ответах довольно редко, что дает основание отнести их на периферию мотивации. Незначительная часть лидеров и активистов отметили, что в профсоюзной деятельности их ничего особенно не привлекает.

Таблица 2. Мотивация профсоюзной деятельности (доля к числу опрошенных, %)¹

Мотивы профсоюзной деятельности	В целом по группе	Положение в профсоюзной организации				
		Председатель/ члены профкома	Председатель/ члены цехкома	Профгруппорг	Член профсоюзных коммиссий	Активист из числа рядовых членов профсоюза
<i>n</i>	391	73	156	74	61	27
Социально-коммуникативные	53,0	47,2	53,6	42,3	66,1	68,0
Идеологические	48,0	58,3	52,3	36,6	37,5	48,0
Саморазвитие	31,1	31,9	31,1	38,0	32,1	12,0
Самореализация	23,0	25,0	22,5	26,8	19,6	24,0
Материальные	13,4	6,9	11,3	16,9	14,3	24,0
Статусные	4,3	2,8	4,6	4,2	5,4	4,0
Карьерные	2,8	6,9	1,3	1,4	5,4	0,0
Ничего особенно не привлекает	2,5	1,4	2,0	2,8	3,6	4,0
Итого	178,1	180,4	178,7	169,0	184,0	184,0
$\chi^2=47,787$ $df=32$, $\alpha>0,05$						

Проверка возможного влияния на мотивацию демографических и статусных характеристик участников исследования выявила слабые взаимосвязи с возрастом. Так, молодежь чаще руководствуется в своей деятельности материальными и социально-коммуникативными мотивами, тогда как старшее поколение — идеологическими. Влияние других характеристик не обнаружено.

Основным приоритетом деятельности профсоюзных организаций, по мнению лидеров и активистов, должна быть социальная защита работников. Почти 79% опрошенных заявили, что профсоюз должен в первую очередь заниматься работой по повышению оплаты труда, около 60% — расширением социальных гарантий работников, свыше половины — контролем над охраной труда (см. табл. 3). Распредели-

тельные и культурно-досуговые функции востребованы значительно меньше: только один из шести опрошенных отметил в качестве приоритетов предоставление материальной помощи и организацию культурных, спортивных мероприятий для работников.

Представления о приоритетах профсоюзной деятельности имеют специфику в зависимости от положения индивида в организации. Так, работники профкома существенно чаще остальных указывают на важность борьбы за повышение оплаты труда и контроля на охрану труда. В то же время представители низовых структур организации отличаются высокой частотой упоминания традиционных функций профсоюза: предоставление материальной помощи и льгот, а также организация культурно-спортивных мероприятий.

¹ Сумма по столбцам превышает 100%, поскольку респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа.

Таблица 3. Приоритеты деятельности профсоюза в зависимости от положения в организации (доля к числу опрошенных в группе, %)¹

Приоритеты деятельности организации	В целом по группе	Положение в профсоюзной организации				
		Председатель/ члены профкома	Председатель/ члены цехкома	Профгруппорг	Член профсоюзных коммиссий	Активист из числа рядовых членов профсоюза
<i>n</i>	391	73	156	74	61	27
Повышение оплаты труда	68,7	80,8	73,0	79,5	70,5	51,9
Расширение социальных гарантий работников	59,8	69,9	69,1	46,6	60,7	77,8
Контроль охраны труда	50,6	67,1	57,9	49,3	41,0	44,4
Контроль в сфере занятости	34,0	34,2	40,8	34,2	32,8	33,3
Борьба с задержками заработной платы	20,0	19,2	24,3	24,7	18,0	11,1
Предоставление материальной помощи, льгот работникам	16,4	6,8	13,8	20,5	24,6	44,4
Организация культурных и спортивных мероприятий	15,4	11,0	13,2	16,4	26,2	29,6
Итого	289,0	292,1	271,2	273,8	292,6	289,0
$\chi^2 = 76,095$ $df = 28$, $\alpha < 0,001$						

Исследование выявило явное рассогласование в представлениях лидеров и активистов относительно приоритетов профсоюзной деятельности и реальной ее практики. Особенно это касается повышения оплаты труда. Свыше 40% респондентов считают это направление приоритетным, но не видят соответствующей работы в своих организациях. Что касается распределительных и культурно-досуговых функций, то здесь наблюдается обратная ситуация — почти треть опрошенных полагают, что предоставление материальной помощи и культмассовая работа являются в настоящее время основным в деятельности их организаций, однако

не считают их значимыми и важными (см. рисунок). Очевидно, что лишь контроль охраны труда в полной мере соответствует ожиданиям профактива. Свыше 35% респондентов указали, что в их организации этому приоритетному направлению уделяется особое внимание. В отношении расширения социальных гарантий работников наблюдается противоречивая ситуация. Практически одинаковое число лидеров и активистов (около 30%), считая это направление важным, имеют противоположное мнение относительно того, является ли оно реальным приоритетом в их организации.

¹ Сумма по столбцам превышает 100% поскольку респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа

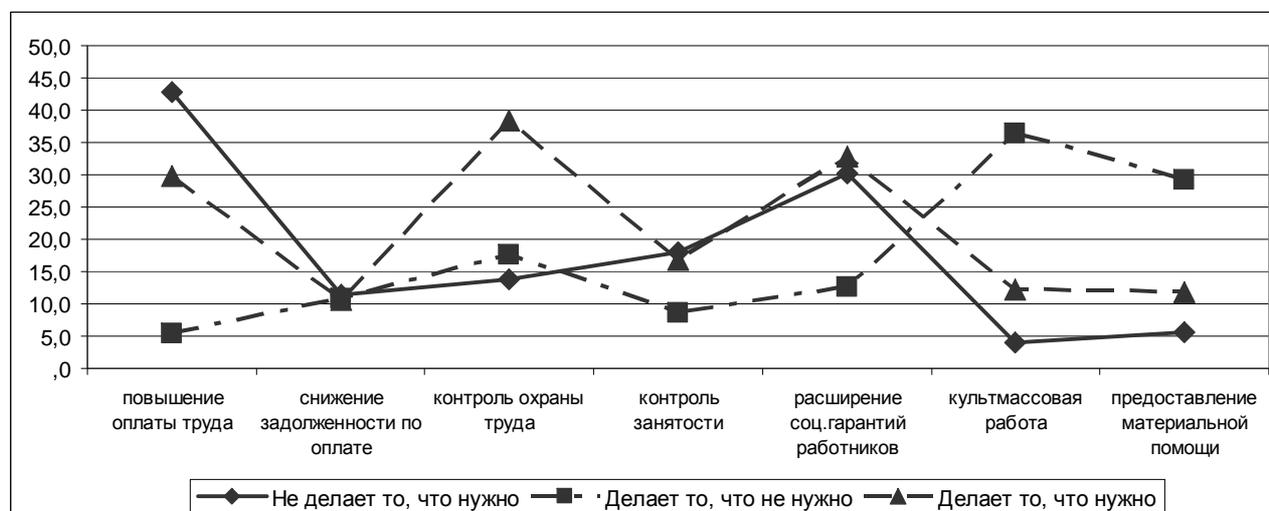

Рис. 1. Соответствие деятельности профсоюзной организации ожиданиям ее лидеров и активистов (доля к числу опрошенных, %)

Традиционно российские профсоюзы критикуют за соглашательскую позицию с работодателем, избегание конфликтов и пассивность в отношении организации работников в борьбе за свои права. Действительно, отсутствие независимости от менеджмента, правовая незащищенность и равнодушие большинства работников не способствуют развитию конфронтационных установок у профсоюзных лидеров. Однако в нашем случае наблюдается обратная ситуация. Лидеры и активисты демонстрируют готовность идти на конфликт с работодателем и признают значимость организации и консолидации рядовых работников в коллективной защите своих интересов. Обе социальные установки имеют примерно одинаковую степень выраженности во всех рассматриваемых группах респондентов за исключением активистов из числа рядовых членов профсоюза. Для этой категории характерна более конфронтационная позиция в отношении с работодателем, хотя они в меньшей степени разделяют мнение о необходимости организации работников на борьбу за свои права (см. табл. 4).

Полученные результаты позволяют сделать

ряд выводов относительно перспектив организационного развития российских профсоюзов и возможностей их обновления. Высокие показатели приверженности профсоюзу на данный момент обеспечиваются за счет того, что основные позиции в структуре организации занимают представители старшего поколения. Их связь с профсоюзом сложилась еще в советские годы и поддерживается в настоящее время в первую очередь за счет аффективной компоненты рассматриваемой социальной установки. Естественное обновление состава профсоюзов может привести к падению общего уровня приверженности, поскольку социальные качества молодежи формировались в принципиально иных социально-политических условиях и для нее наличие профсоюза не является «естественно необходимым». В пользу реалистичности данного сценария говорит тот факт, что у молодежи, приходящей на профсоюзную работу, гораздо более выраженной является материальная и социально-коммуникативная мотивация, а не идеологические соображения, которыми руководствуются другие возрастные категории активистов.

Таблица 4. Социальные ориентации относительно способов достижения целей профсоюзной деятельности (индексы)¹

Социальные ориентации относительно способов достижения целей профсоюзной деятельности	В группе в целом	Положение в профсоюзной организации				
		Председатель/члены профкома	Председатель/члены цехкома	Проф-группорг	Член комиссии профкома	Активист из числа рядовых членов профсоюза
Избегание конфликтов с работодателем	-0,18	-0,19	-0,17	-0,18	-0,15	-0,29
Организация работников на коллективную борьбу	0,61	0,60	0,59	0,66	0,65	0,43

Переориентации профсоюзов на путь развития, соответствующий классическим принципам тред-юнионизма, препятствуют различия в представлениях относительно приоритетов деятельности данных организаций. Если на верхнем уровне провозглашается необходимость борьбы за повышение заработной платы, контроль условий труда (т.е. развитие в духе политики «обновления»), то на нижних ступенях иерархии растет востребованность традиционных для советских профсоюзов функций социального распределения. Сложившееся положение вещей характеризует тот факт, что в сознании основной массы активистов низового уровня и рядовых членов профсоюза продолжает существовать стереотип восприятия этой организации, сложившийся в предыдущий исторический период. Возникает парадоксальная

ситуация: профсоюз критикуют за бездействие в отношении защиты прав и гарантий работников, однако ждут от него материальной помощи и льгот. На наш взгляд, в этом состоит одна из причин, по которым социальные установки, благоприятствующие обновлению профсоюзов, не являются базисом для реальных изменений в организациях.

Список литературы

1. *Eddinghaus B., Visser J.* When Institutions Matter: Union Growth and Decline in Western Europe, 1950–1995. Mannheim, 1998.
2. *Flood P., Turner T.* Trade Union Activism: The Characteristics Associated with Becoming and Remaining a Shop Steward // *Employee Responsibilities and Rights Journal*. 1996. Vol. 9, № 2. P. 103–117.
3. *Fullagar C., Barling J.* A Longitudinal Test of a

¹ Значение индекса вычислялось по формуле $I = \frac{n_1 + 0,5n_2 - 0,5n_4 - n_5}{n}$, где n_1 – число респондентов «полностью согласных» с суждением, n_2 – число «скорее согласных», n_4 – число «скорее не согласных», n_5 – число «полностью не согласных», n – общее число респондентов. Значения индекса меняются в пределах от [-1; 1]. Отрицательные значения свидетельствуют о преобладании в группе негативных мнений, положительное – позитивных мнений. Значения, близкие к нулю, свидетельствуют о примерно равном соотношении между положительными и отрицательными ответами.

- Model of the Antecedents and Consequences of Union Loyalty // *Journal of Applied Psychology*. 1989. Vol. 74, №2. P. 213-227.
4. *Gordon M.E., Philpot J.W., Burt R.E., Thompson, C.A., Spiller W.E.* Commitment to the union: development of a measure and an examination of its correlates // *Journal of Applied Psychology*. 1980. Vol. 65, № 4. P 479-499.
5. *Snape E., Redman T., Chan A.* Commitment to the union: a survey of research and the implications for industrial relations and trade unions // *International Journal of Management Reviews*. 2000. Vol. 2, №3. P. 205–230.
6. *Германов И.А., Плотникова Е.Б.* Проблемы формирования актива первичных профсоюзных организаций // *Вест. Перм. ун-та. Серия 2. Философия. Психология. Социология*. 2010. Вып. 2. С. 174–182.
-

SOCIAL AND CULTURAL CHARACTERISTICS OF TRADE UNION LEADERS AND
ACTIVISTS
I.A. Germanov

Perm State University, 15, Bukirev str., Perm, 614990

The attitudes, motivation and social orientation of leaders and activists of trade unions are analyzed. The results are discussed in the context of the prospects for renewal of Russian trade unions.

Key words: union activist; union commitment; motivation for union activity

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Редакционная коллегия «Вестника Пермского университета» (Серия «Философия. Психология. Социология») принимает к публикации научные статьи, содержащие оригинальные авторские идеи и результаты исследований.

При подготовке статей используется редактор Microsoft Word (версия 2003 и ниже).

Статья представляется в электронном виде (в формате RTF). Объем статьи до 1 п.л. (40000 знаков с пробелами). Формат страниц А4, поля по 2 см с каждой стороны.

Основной текст статьи оформляется стилем «Обычный/Normal»: шрифт — Times New Roman, 11 pt, интервал — 1, абзацный отступ — 1 см. Допускаются выделения курсивом и полужирным шрифтом, а также вставка в текст специальных символов (с использованием шрифтов Symbol). В тексте следует четко различать О (букву) и 0 (ноль); 1 (арабскую цифру), I (римскую цифру) и l (латинскую букву); а также дефис (-) и тире (—). Обозначение веков следует писать римскими цифрами (XIX в.). Рекомендуются кавычки «...», при выделениях внутри цитат следует использовать другой тип кавычек, например: «...“...”...».

Заголовки к основным разделам статьи необходимо оформлять в едином стиле.

Использование автоматических списков не допускается. Нумерованные списки набираются вручную.

Таблицы должны сопровождаться заголовком вида «Таблица 1. Название таблицы». Слова в таблицах должны быть написаны полностью. В конце заголовков и ячеек таблицы точка не ставится.

Рисунки должны быть размещены в тексте статьи в виде внедренных объектов. Под рисунками должны располагаться подписи типа «Рис. 1. Название рисунка».

В конце всех заголовков и подписей к рисункам точка не ставится.

Формулы выполняются в редакторе формул Microsoft Word Equation, версия 3.0 и ниже.

Библиографические ссылки оформляются в едином формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования с обязательным указанием страниц источника цитирования. Номер источника указывается в квадратных скобках: [1] — на одну работу; [3; 5; 7-10] — на несколько работ. Постраничные сноски для ссылок на литературу не допускаются.

Источники в списке литературы располагаются в алфавитном порядке. Обязательно указывается: для книг — фамилия и инициалы автора, название, город, издательство, год издания, том, количество страниц; для журнальных статей, сборников трудов — фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название журнала, серия, год, том, номер, выпуск, страницы; для материалов конференций — фамилия и инициалы автора, название статьи, название издания, время и место проведения конференции, город, издательство, год, страницы.

В конце статьи допускается указание на программу, в рамках которой выполнена работа, или наименование фонда поддержки.

Статья должна сопровождаться индексом УДК, а также краткой аннотацией (не более 10 строк) и ключевыми словами (не более 10 слов) на русском и английском языках.

К статье прилагается информация об авторе (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество, место работы и должность, ученая степень, ученое звание, почтовый адрес, телефон, адрес электронной почты.

К статье прилагается рецензия научного руководителя (для аспирантов и соискателей).

Рукопись, полученная редакцией, не возвращается.

Редакция оставляет за собой право проводить редакторскую правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Вестник Пермского университета

ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

Выпуск 4 (4)

Редактор *Н.И. Стрекаловская*

Корректор *А.В. Цветкова*

Компьютерная верстка *Д.Г. Трунова*

Макет обложки *Н.С. Щеколовой*

Подписано в печать 25.12.2010

Формат 60X84/8. Усл. печ. л. 16,7.

Тираж 500 экз. Заказ 461.

Редакционно-издательский отдел Пермского государственного университета
614990. Пермь, ул. Букирева, 15

Типография Пермского государственного университета
614990. Пермь, ул. Букирева, 15